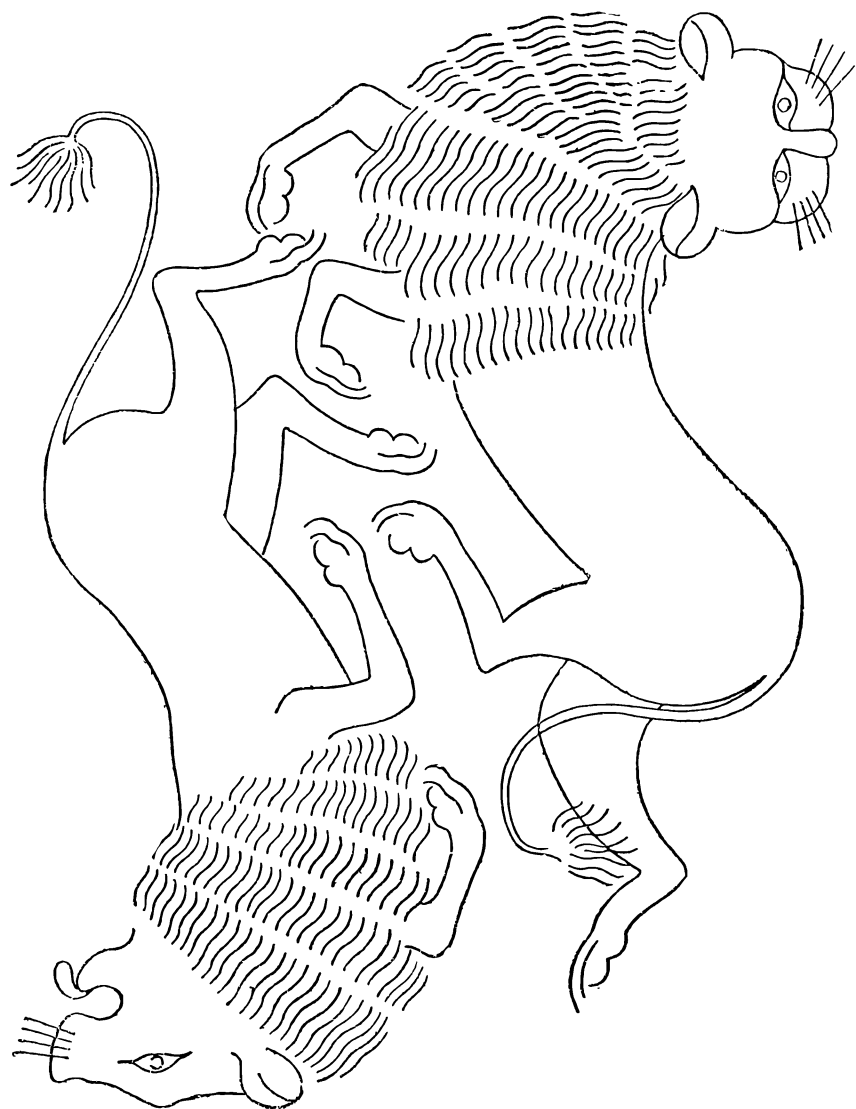

KARL BRÜCHNER • DER COLDENE PHARAO

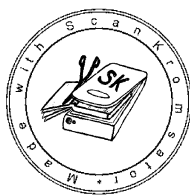
КАРА БРУКНЕР • ЗОЛОТОЙ ФАРАОН

И (нем.)
Б 89

Перевод с немецкого
Ю. О. БЕМА и Н. А. ДОЛДОБАНОВОЙ

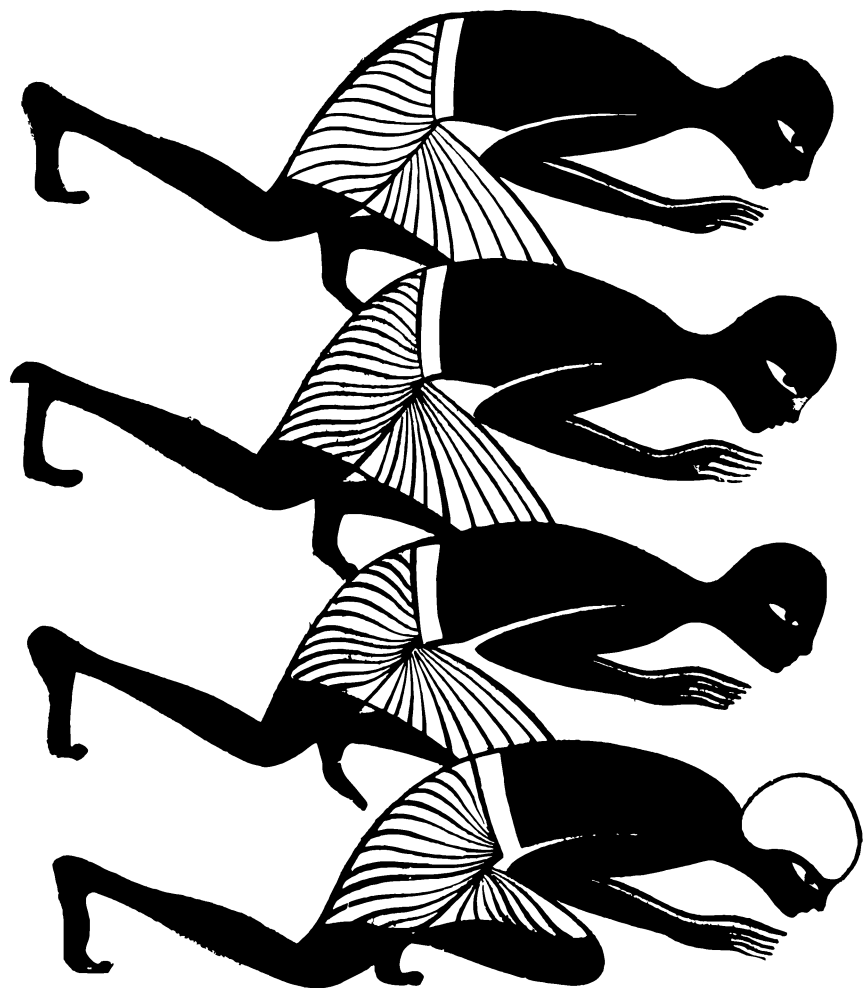
Художник А. ГАНГАЛЮНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“. 1967

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ГРАБИТЕЛЕЙ
МОГИЛ
ЗА ТРИ ТЫСЯЧИ
ТРИСТА ЛЕТ
ДО
НАШЕЙ ЭРЫ**

В густом тумане скрыто то, что некогда происходило на египетской земле.

Имена многих фараонов, тысячу лет тому назад властвовавших в стране на Ниле, хорошо известны.

Иероглифы, высеченные на камнях храмов и гробниц, вещают об их деяниях.

Ветхие от старости свитки папирусов раскрыли исследователям свои тайны.

Стоит ли мне в таком случае рассказывать об истории, происшедшей много веков назад в гробнице фараона Тутанхамона?

Тем более что туман рассеивается.

Но фантазия рисует мне грабителей, обшаривающих в ночной темноте гробницу фараона.

Я слышу, что они говорят, наблюдая за их нечестивой работой и могу поведать вам...

...Менафт, камнерез, трусил. Только что завыл шакал.

Менафт полз последним в цепочке грабителей, своих товарищей, пробиравшихся во тьме Долины царей. Сзади его уже никто не прикрывал. Он содрогался при мысли о том, что из темноты на него может броситься страж мертвых — бог Анубис.

Камнерез был свидетелем того, как жрецы несли деревянное изваяние бога к гробнице фараона Тутанхамона. Анубис был изображен в образе собаки с головой длинноухого шакала. Его тело покрывала блестящая черная смола. Бог лежал на позолоченном постаменте и смотрел угрожающе.

Жрецы поставили Анубиса у входа в сокровищницу гробницы. Там он должен отныне охранять мертвого царя, которому предстояло стать богом Осирисом в загробном мире.

От скалистых гор, где днем немилосердно палило солнце, веял знойный ве-

терок. И все же Менафт дрожал. Он еще крепче зажал под мышкой плетеную сетку с бронзовыми инструментами и подтянул повыше сползавшую набедренную повязку. Камнерез мог бы теперь спокойно спать в своей глинобитной хижине на берегу Нила. И он раскаивался в том, что позволил Сейтахту, столюру царских мастерских, уговорить себя на этот опасный набег.

Бесценные сокровища скрывала гробница фараона. Но как собирался Сейтахт сбить с рук награбленные драгоценности? И если бы ему удалось, как он говорил, обменять их через некое высокопоставленное лицо на сосуды, полные масла и вина, зерно или скот, такое неожиданное богатство столюра или камнетеса должно было бы сразу броситься в глаза.

А три остальных его спутника еще в меньшей степени смогли бы правдоподобно объяснить, каким образом они сумели получить за свой труд такое баснословное вознаграждение. О том, что горшечник Эменеф в состоянии лишь кое-как прокормить своих детей, знал каждый. А водонос Мунхераб был простым рабочим и вообще не имел никаких постоянных доходов. Он помогал при постройке храмов и гробниц фараонов, а ночью спал под открытым небом на связке соломы. Самая убогая тростниковая хижина на Ниле была бы для него царским дворцом. Хенум — гребец царского чиновника Поа, был вообще всего лишь рабом. Даже его набедренная повязка и веревочные сандали принадлежали его господину.

Менафт взглянул на небо. Зловеще мерцали звезды. Среди многочисленных египетских богов не было ни одного, кто охранял бы грабителей могил. Но все они подслушают его, если он откроет своим сообщникам дорогу к гробнице фараона. Только бог солнца Ра не может его видеть, так как он сейчас правит своей священной баркой, направляясь в подземный мир. А когда он поднимается утром на небо в образе пылающего сокола, то шакалоголовый страж гробниц Анубис определенно расскажет ему, какое преступление совершил Менафт. Ужасное наказание ожидало камнереза, если жрецы храма узнают его имя от бога солнца. С одного грабителя могил содрали кожу, а потом его посадили на кол.

И еще раз пробежала по спине Менафта дрожь от жуткого страха. В нерешительности он остановился. Снова раздался вой шакала, протяжно, жалобно... С ужасом прислушался к нему Менафт. Не извещает ли о себе бог Анубис? Не гонится ли он за ним?

Да, теперь вой раздался ближе; эхо принесло его от скалистых гор, окружающих Долину царей. Богиня неба Нут, повели-

тельница всех богов, должна слышать предостерегающий оклик Анубиса. А над скалами уже поднимается Ях, бог луны. Как похож его молодой серп на острый кривой меч! Ведь Ях тоже может низвергнуться с неба, разможив головы всем преступникам вместе с Менафтом.

А Сейтахт с тремя помощниками беззаботно двигался дальше. Неужели они все ослепли и оглохли от жадности к золоту, которое ждет их в гробнице фараона? Неужели они не видят Ио? Неужели не слышат вой Анубиса?

Какое-то мгновение Менафт смотрел вслед спутникам. Не попытаться ли удержать их? Но это ему вряд ли удалось бы: они просто потеряли рассудок, желая как можно скорей захватить драгоценности. И если они не боялись гнева богов, то разве сможет он вернуть их назад? Ему жалко было Сейтахта: столяр к тому же был хорошим другом. Он сделал для камнереза черный расписной ларец из дуба с крышкой искуснейшей резной работы. Ларец должен был стать для Менафта одной из самых ценных вещей в погребальной утвари. Камнерез охотно спас бы Сейтахта от верной гибели. Но это было невозможно. Страж мертвых Анубис завыл снова. Грозный вой прозвучал в ушах Менафта, как крик мести из загробного мира. Защищаясь, он накрыл голову плетеной сумкой и прижался к земле. Возможно, Анубис не заметит его, когда в неистовом беге обрушится на шайку грабителей.

Менафт в ужасе прислушался. Тихие шаги послышались сзади него. Кто-то догонял камнереза. Анубис?

Застонав от страха, Менафт закрыл лицо руками. Что-то голкнуло его в спину. Он вскрикнул, бросился плашмя на землю и услышал гневный голос Сейтахта:

— Что с тобой? Почему ты отстал? Встань! Иди сюда!

Менафт сконфуженно посмотрел на темную фигуру товарища.

— Разве ты не слышал вой? Анубис охраняет царя. И Ях уже взошел. Он наблюдает за нами. Я не пойду с вами.

Сейтахт зашипел от ярости:

— У тебя разум ребенка. Разве может видеть нас Ях в новолуние, когда он, как молодая луна, плывет далеко в небе? Сегодня наша ночь, ночь грабителей. Я не напрасно ждал ее.

— Но Нут богиня. Она все видит и слышит.

Столяр, однако, процедил сквозь зубы, нагнувшись ниже:

— Боги не заботятся о таких людях, как мы. Это я знаю наверняка. В последние ночи я воздевал руки к звездам и гро-

зил им. Я хотел знать, смогут ли боги отомстить мне. Но они безмолвствовали!

Менафт приподнялся, опершись рукой о землю.

— Звезд бесчисленное множество, но не все они божества, а у некоторых вообще нет имен. Но если бы ты попытался пригрозить самым великим богам, они уничтожили бы тебя.

Сейтахт презрительно махнул рукой.

— Я уже поносил богиню неба Нут и Гора, Амуна и Шу, Птаха и Исиду и самого Осириса. Проклятия призывал я на головы этих богов, потому что хотел всех их вызвать против себя. Ну, посмотри на меня, разве не стою я живой перед тобой! Я говорю тебе: жрецы лгут, рассказывая в храмах, что диск солнца — единый бог.

В ужасе от подобного богохульства Менафт простер ладони перед столяром.

— Замолчи! Я не хочу, чтобы меня поразил гнев богов заодно с тобой. Может быть, боги солнца не слышат тебя — ведь сейчас уже ночь. Зато сейчас властвуют Осирис и Анубис. Они страшно накажут тебя, если ты переступишь порог царской гробницы!

— Так ты думаешь, что они накажут меня? Именно меня? — насмешливо сказал столяр. — Но тогда скажи мне, почему они не наказали ни одного из грабителей гробниц, которые уже задолго до нас прибрали к своим рукам золотые сокровища мертвых царей? Здесь в долине почти каждая гробница обворована. Это ты знаешь так же хорошо, как я.

— Да, но я знаю и то, что многие грабители были схвачены стражами царского Города мертвых. Их пытали, и ужасные крики несчастных можно было слышать на другом берегу Нила.

— Хорошо, хорошо, я согласен с тобой, но я спрашиваю тебя, кто наказал этих дураков? Боги? Едва ли.

Не дождавшись ответа, Сейтахт закончил:

— Только люди могут награждать или наказывать, но уж никак не изображения богов из дерева и камня. В них нет жизни, ибо люди сами сделали их. Разве не сам ты помогал высекать из камня фигуры богинь Исиды, Нефтиды, Нейт и Селкет на саркофаге фараона? Своими руками, своими инструментами ты создал богов. Подумай, Менафт, как слабы наши боги, если они нуждаются в нашей помощи, чтобы люди могли увидеть их.

Менафт поднялся и беспомощно посмотрел на небо. Сейтахт высказал сейчас то, о чем и сам он давно размышлял, стоя перед старыми храмами и изучая формы статуй. Глубокое почтение питал он к искусству людей, которые создали подобные скульптуры. Когда жрецы храма Амона готовились к жертво-

приношениям и молитвам, когда они в торжественной процессии, обволакиваемые фимиамом, под глухо звучащие песнопения исчезали в святилищах — тогда казалось ему, что он ощущает непосредственную близость божества.

— Идем со мной, — потребовал Сейтахт. — Ночь коротка. Нам предстоит много работы. Осирис-Тутанхамон хочет освободиться от золота, которым набит до отказа его погребальный покой.

— В загробном мире ему не понадобится столько золота, груз слишком тяжел для него, — произнес кто-то гортанным хриплым голосом позади Сейтахта.

Это был гребец Хенум, неслышно подкравшийся к собеседникам. Черное лицо нубийца выделялось темным пятном на фоне звездного неба. Его мощные плечи тряслись от сдавленного смеха.

— Я видел его частенько, вашего маленького царя, когда он охотился за утками, плывя по реке на камышовой лодке. Он был красив, этот прелестный мальчик. Как-то раз он проплыл совсем рядом со мной, строго и гордо глядя в пространство. Я быстро бросился на землю, склонив перед ним голову. Он и правда выглядел словно юный бог. Но сегодня я возьму все его сокровища!

Клокочущий смех сопровождал речь нубийца, которая звучала так глухо, словно рождалась у него где-то в желудке.

— Ты ничего не заберешь, — прошипел Сейтахт, — тебе позволено будет унести только то, что я нагрузжу на твои плечи. И это мое дело. А если ты посмеешь вынести хотя бы самую малость без моего разрешения, я убью тебя.

Хенум склонил голову и пробормотал:

— Поа, мой господин, велел мне взять столько, сколько я смогу унести. Я должен быть внимателен, чтобы не оставить ничего ценного. Это тоже приказал мне господин.

— Иди прочь, проклятый раб! — выругался Сейтахт, ударив нубийца кулаком по плечу. — Иди, или я расскажу твоему господину, какой ты болтун. Если бы он знал, что ты назвал его имя, он приказал бы вырезать тебе язык!

Рабу был нанесен еще один удар, чтобы тот шел вперед. Затем Сейтахт потащил с собой камнереза.

— Этот черный не умеет держать язык за зубами, — бормотал он про себя. Потом он заговорил стремительно и горячо: — Ты не должен был знать имени нашего заказчика. Я сам узнал его лишь случайно и остерегался рассказывать об этом кому бы то ни было. Мне достаточно того, что стражи здесь в долине подкуплены и сегодняшней ночью будут спать. Или ты мог

серьезно подумать, что я проник бы в царскую гробницу, если бы не был уверен в нашей безопасности?

Менафту нечего было возразить. Его смутило то, что сказал болтливый Хенум. Он понял, наконец, что Поа, писец при дворе нового фараона Хoremхеба, и есть тот самый высокопоставленный человек, который хотел обменять все награбленные сокровища на масло, вино, зерно, скот. Страх быстро пропал. Поа покровительствовал сам всемогущий Майа, тот, кто уже при жизни так рано умершего Тутанхамона носил титулы «управителя строительными работами в обители вечности, хранителя сокровищницы, главного царского писца». Майа был также любимцем фараона Эйе, который после смерти Тутанхамона царствовал над Верхним и Нижним Египтом. А теперь Майа служил новому царю Хoremхебу, получив звание «носителя опахала справа от фараона» и «главы празднества Амона в Карнаке».

Неужели этот крупнейший вельможа в государстве соблазнился драгоценностями из погребальных покоев? Он был богаче многих правителей. Тысячи рабов трудились в его имениях.

Менафт схватил столера за руку.

— Скажи мне, знает ли великий господин Майа, что мы...— Камнерез не договорил до конца, о чем думал. Его подозрение показалось ему самому чудовищным.

Сейтахт сразу не понял его. Потом тихо рассмеялся и сказал словно про себя:

— Поа великий господин, а Майа еще выше. Но чем выше положение человека, тем сильнее жадность!

— Итак, ты не знаешь?

Столяр отрицательно покачал головой:

— Я уже сказал тебе, что Поа не разговаривал со мной сам. Его посредник пришел ко мне и очень осторожно повел речь об одном важном господине, который знает меня как прилежного мастера, изготавливающего отличные лари и барельефы, и доброго резчика иероглифов по дереву. Затем он заговорил о том, что, насколько помнит высокий господин, я помогал изготавливать четыре покрытых золотом погребальных ковчега в гробнице Тутанхамона.— Сейтахт замолчал на некоторое время, потом усмехнулся.— Этот высокий господин велел мне сказать, будто он знает также, что я один из тех рабочих, которые собирали эти четыре позолоченных ковчега в погребальном покое царя.

Сейтахт опять замолчал, словно размышляя о чем-то, а потом неожиданно громким голосом выкрикнул:

— Трудно даже представить себе, какой хорошей памятью

обладал тот писец. Ведь со времени смерти юного царя прошло уже одиннадцать лет!

— Ты думаешь, господин помнил о том, что и я работал тогда над саркофагом царя?

Столяр засмеялся и положил руку на плечо Менафта:

— В своем деле ты мастер, но размышляешь словно нильский бегемот. Действительно Поа сразу сообразил, кто лучше всего сумеет украсть для него золото. Всему есть свои причины. И нам дали в помощники Эменефа, горшечника, не случайно. Позже он сделает для найденного золота красивые выпуклые кувшины с узкими горлышками. Никто не заподозрит, что в таких кувшинах хранится золото из царских погребений. Если даже они будут когда-либо стоять среди сотен им подобных в подвале дома Поа!

— Разве Эменефу придется изготавливать эти кувшины в своей мастерской?

— Ты задаешь глупые вопросы, Менафт. Мастерская будет совсем в другом месте. Я думаю, в одном из глиняных карьеров у Нила, владельцем которого является Поа, можешь мне поверить. Во время работы у Эменефа не будет свидетелей.

— Ну, а если Эменеф сам проболтается?

— Тогда он быстро отправится в загробный мир. Спроси водоноса Мунхераба, и он скажет тебе, где ждут нильские крокодилы тех, чей болтливый язык может показаться опасным важному чиновнику.

И все же у Менафта было еще одно последнее сомнение:

— Дозорный Города мертвых все равно сообщит, что одна из гробниц вновь ограблена.

Сейтахт застонал от нетерпения:

— Сколько я должен тебе повторять, что Ях, бог луны, нем и слеп. И царский дозорный вместе со всеми стражами тоже.

Камерез ломал в отчаянии руки:

— О всемогущий Птах! Я думал, что я один был тем низким человеком, на которого Осирис натравит Анубиса! Но чиновники из Города мертвых еще хуже меня!

— Они такие уже тысячу лет,— возразил столяр равнодушно.— Вспомни-ка гробницы из некрополя на западном берегу. Знаешь ли ты хоть одну, которая не была ограблена? И разве тебе не известно, что воры проникли даже в могучие пирамиды Мемфиса. Как могли они разыскать тайные ходы, преодолеть лабиринты, двери-заслоны и другие препятствия? Уж конечно, не без помощи посвященных. Погребальные покои в пирамидах первых великих царей уже более тысячи лет пусты. Послушай

меня, будь я царь, я приказал бы после своей смерти мой труп только набальзамировать и поместить в каменный саркофаг без какой-либо погребальной утвари из золота. И это я довел бы до сведения каждого. Только тогда я мог бы спокойно почитать в веках.

— Но как бы Осирис узнал тогда в загробном мире, что ты царь? Он спутал бы тебя с безымянными покойниками, и ты потерял бы все свои преимущества. Тебе пришлось бы заниматься тяжелой работой, как простолюдину.

Безбожник-столяр бросил насмешливый взгляд на небо.

— О Менафт, как ты глуп! Если существует бог загробного мира Осирис, то должен же он знать, царь перед ним стоит или такой же человек, как ты и я. А если он к тому же еще и справедлив, то должен судить плохого царя так же, как и плохого столяра.

— Значит, ты признаешь, что боишься наказания на том свете.

Сейтахт повернул руки ладонями вверх:

— Наказание? За что? Я беру золото, от которого никому нет пользы. Оно лежит глубоко под землей в гробницах. И его хочет иметь Поа, писец. За золото он даст нам масло, вино и другие хорошие вещи. Я не могу пользоваться золотом, так же как ты и другие.

— Это правда,—согласился робко Менафт,—золотом владеют лишь знатные вельможи, но никогда — ремесленники или крестьяне.

— Ну, а раз так, тогда почему ты боишься наказания богов? Бери пример с Мунхераба, Хенума или Эменефа. Их привлекает не золото, а то, что дадут за него. Не мы грабители могил, а наши заказчики. Это их должен бы наказать Осирис, а не нас.

Менафт выпятил нижнюю губу. Слова Сейтахта поколебали его. Молча шагал он во мраке долины рядом со своими товарищами, размышляя: солнечный диск не может быть богом. И луна не может, да и ничто другое на небе и на земле. Сейтахт не лгал; он и правда хулил тогда богов, а они не сказали в ответ ни слова. Безмолвные и беззащитные лежали также и многочисленные фараоны в своих гробницах. Хотя при жизни они утверждали, что являются детьми небесных богов, а после смерти соединятся с Осирисом, однако они не защищались, когда воры грабили их гробницы. Да, очень возможно, что столяр прав: только люди могут карать и миловать людей на этом свете. И кто знает, что происходит на том свете? Оттуда еще никто не возвращался, чтобы дать показания.

На той стороне при обвалах скал снова раздался вой шакала. Он прозвучал словно вопль отчаяния. С противоположной стороны долины тотчас же последовал ответ. Теперь вой слышался уже в разных местах.

Менафт внимательно осмотрелся. «Это только шакалы,— подумал он,— наверняка это только шакалы». Они встречаются не только здесь. Он знал их привычку: подвывать своим собратьям. Не раз он прогонял их камнями, когда шакалы мешали ему спать. Просто смешно, что он их испугался. Однако Менафт оглянулся через плечо: что это за огоньки там позади, в темноте? Не светятся ли чьи-то глаза? А теперь огоньки потухли. Неужели его все-таки преследовал Анубис?

Сейтахт беззаботно шел дальше и смотрел вперед на дорогу. Он искал в темноте Мунхераба и двух других. Куда они ушли? Долина заканчивалась невдалеке скалами, которые, подобно гигантской стене, уходили высоко в небо. Гробница Тутанхамона должна была находиться где-то поблизости.

Сейтахт остановился, осмотрелся. Проклятия, которые он изрыгал, шипели, как вода на раскаленном камне. Недалеко слышался шорох, словно кто-то тер деревом о дерево.

Менафт испуганно схватил столяра за руку:

— Слышишь? Кто-то высекает огонь.

Столляр некоторое время прислушивался.

— Это они! — крикнул Сейтахт. — Эти сумасшедшие хотели разжечь огонь под открытым небом, вместо того чтобы ожидать нас.

Сейтахт поспешил вперед. Его набедренная повязка светлым пятном плыла в темноте, указывая дорогу, которую выбрал Сейтахт и которая вела к возвышенности. Это была стена, опоясывающая спуск к гробнице.

У восточного края стены вырисовывались силуэты трех фигур. Это наверняка были Мунхераб, Эменеф и Хенум. Вдруг там вспыхнула искорка.

Огонь осветил белое пятно набедренной повязки Сейтахта. Послышался его гневный свистящий шепот. Огонь внезапно погас, и четыре фигуры исчезли так неожиданно, словно провалились сквозь землю. Менафт понял: грабители спустились к гробнице.

В скале было вырублено шестнадцать ступенек. Шестнадцать. Число, которое оставило неизгладимый след в памяти Менафта. Одиннадцать лет назад на этих ступеньках он чуть было не расстался с жизнью.

В его памяти вновь всплыла страшная сцена, которая разыгралась здесь в прошлые времена.

Высеченный из глыбы благороднейшего желтого кварцита многотонный саркофаг медленно опускался по наклонной площадке к гробнице. Двенадцать рабов тащили его на деревянных катках через подземный ход в переднюю камеру и далее — в гробницу.

Он, Менафт, как искусный мастер был прикреплен к чиновнику, который следил за правильной расстановкой всех предметов в погребальном покое. Когда колоссальный саркофаг встал, наконец, на подготовленное для него место, надсмотрщики и рабы вздохнули свободнее. Саркофаг каменотесы вытесали с необычайным искусством; это была исключительно тонкая работа. Одно неосторожное движение при спуске, один сильный толчок в узком скалистом проходе могли безнадежно испортить саркофаг. Поэтому все — от надсмотрщика до последнего раба — считали, что доставка менее тяжелой крышки саркофага не представит особых трудностей.

И тогда это случилось. Один из канатов, на которых спускали крышку, лопнул. Тяжелая, как три каменных статуи в натуральную величину, крышка заскользила вниз по ступеням. Рабы тшкетно упирались в блок, их неудержимо тянуло вниз. Менафт попытался подставить под скользящую все быстрее крышку деревянный клин. Но и это не помогло. В самый последний момент он едва успел отскочить. Драгоценная крышка, с грохотом подскакивая на каждой из шестнадцати ступенек, раздавила на своем пути двух рабов и разлетелась на куски.

Надсмотрщик сорвал головной платок, затопал ногами в бесильном гневе. Он тотчас отстегал плетью оставшихся невредимыми рабов, а Менафту пригрозил всеми возможными карами. Но когда до его сознания дошло, что он, надсмотрщик, в первую очередь будет привлечен к ответственности, он стал сообщать, что делать.

С большой поспешностью и в глубокой тайне велел он доставить из давно разграбленного царского погребения крышку саркофага из красноватого гранита. Старые надписи и рисунки удалили, а на их месте Менафт с двумя помощниками вырезал новые по образцу разбитой кварцитовый крышки.

Но это могли разоблачить: красноватый гранит никак не подходил к желтому кварциту саркофага. Во время погребальных торжеств жрецам и вельможам разница должна сразу же броситься в глаза. Поэтому надсмотрщик распорядился покрасить поддельную крышку в желтый цвет, накинуть на нее покров и поставить в угол погребального покоя.

И вот наступило время погребальных торжеств. Холодный пот выступил на лбу у надсмотрщика. Но никто не заинтересо-

вался крышкой. Церемония проходила быстрее, чем обычно. Три вставленных друг в друга гроба — последний, из чистого золота, содержал набальзамированную мумию царя — были погружены в кварцитовый саркофаг; вельможи и жрецы поспешно оставили гробницу.

Новый царь Эйе собирался взять в жены юную вдову покойного фараона. Поэтому растягивать на длительное время торжество погребения никак не входило в его планы.

Это было смутное для Египта время. Вместо многочисленных старых богов в стране стали почитать одного — бога солнца Атона. Жрецы бога Амона ненавидели царей, которые лишили их влияния. Народ не знал, кому теперь верить — богам своих предков или Атону, которого царь объявил единственным богом. Потом вдруг совсем молодыми один за другим умерли три царя-еретика. Жрецы победили, а народ должен был теперь еще больше почитать своих старых богов.

Голос столяра быстро вернул Менафта к действительности.

— Ты где? Куда ты исчез? — кричал Сейтахт. — Опять испугался кары богов? Давай свой инструмент и отправляйся домой!

— Я останусь с вами, — решительно заявил Менафт.

— Тогда поторапливайся! Поможешь нам пробить проход в гробницу!

— Почему вы до сих пор не зажигаете света? — спросил Менафт. — В темноте я не могу работать.

Столяр поспешно спустился по лестнице к гробнице и закрычал своим сообщникам:

— Что с вами? Почему прекратили разводить огонь?

Из глубины послышалось ворчание Мунхераба:

— Ты же сам говорил, что надо подождать камнереза. Сначала ты ругаешься, что мы слишком рано разводим огонь, потом тебе кажется, что слишком поздно. Сам не знаешь, чего хочешь!

Водонос замолчал, и вскоре опять послышался звук трения. Вокруг рифленой поверхности веретена была обвита тетива лука, которая подобно пиле двигалась туда и сюда, вращая при этом само веретено. На верхнем его конце был надет набалдашник, который Мунхераб придавливал рукой. С помощью втулки, насаженной на нижний конец веретена, он сверлил подставку из мягкого дерева. В канавке возле просверленного отверстия лежал трут. Видимо, горшечник Эменef держал кусок мягкого дерева, так как теперь он подбадривал Мунхераба:

— Тяни быстрее лук! Дерево уже нагрелось и сейчас загорится!

Менафт услышал напряженное дыхание водоноса, потом увидел, как что-то сверкнуло в темноте. Эменеф, стоя на коленях и низко наклонившись к земле, изо всех сил раздувал трут. Посыпались искры, трут начал гореть. Затанцевал крохотный огонек. Хенум держал наготове масляную лампу.

Менафт посмотрел вверх. Перед ним находился замурованный вход в гробницу. На оштукатуренной стене были оттиснуты печати царского некрополя с изображением шакала над девятью пленными и печать фараона Тутанхамона. Кто без позволения повредит хотя бы одну из печатей, будет жестоко наказан.

Однако грабители бесстрашно ощупывали оттиски печатей на стене. Только руки Сейтахта слегка дрожали.

— Нас никто не опередил, все печати целы,— прошептал он взволнованно.

— Мы найдем много золота,— обрадовался Эменеф,— у меня будет столько масла, зерна и скота, как у какого-нибудь управляющего царскими поместьями.

— Не радуйся раньше времени, у нас пока еще нет сокровищ,— бросил ему Сейтахт.— Кто знает, не завален ли ход за этой стеной.— При этом он посмотрел на Менафта, как бы желая найти у него подтверждение своему предположению.

Камнерез схватил масляную лампу и начал внимательно осматривать верхнюю часть замурованного входа. На его лице застыло привычное сосредоточенное выражение, как во время работы в мастерской. Наконец Менафт передал лампу Мунхерабу.

— Подними лампу повыше и посвети мне,— приказал он, взял в руки бронзовое долото и приставил его к левому верхнему углу стены.

— Ты хочешь пробить сверху дыру? — удивился Эменеф.— Ведь гораздо удобнее пролезть снизу.

— Тогда ты недалеко уйдешь,— не глядя на него, ответил камнерез. Сейтахт догадался, что ход за этой стеной забит оставшимся после стройки неиспользованным камнем.— Но я надеюсь, что там у потолка осталось достаточно места, чтобы проползти.

Он с силой ударил по долоту и больше уже не оборачивался. Штукатурка на стене треснула под тяжелыми ударами камнереза. Обнажилась стена из плотно пригнанных друг к другу камней. Сверху ее замыкала толстая деревянная притолока: Менафт выдолбил под ней камни. Несколько камней упало во внут-

реннюю галерею. Образовался пролом. Нетерпеливо смотрели сообщники, как Менафт просунул лом в дыру. Наконец отверстие стало достаточно широким для того, чтобы в него мог пролезть человек. Хенум бросился вперед, но Сейтахт оттолкнул его в сторону:

— Ты останешься и будешь стоять на страже! Я полезу сам.

Нубиец обиделся.

— Мой господин приказал мне идти в гробницу вместе с вами.

— Я сказал, ты останешься здесь и не двинешься с места, иначе...

Столяр неожиданно схватил долото и грозно посмотрел на своих товарищей.

— Я полезу первым. Обождите меня! — сказал он, протиснулся в отверстие и приказал подать лампу. Грабители остались в темноте.

— Что замыслил Сейтахт? — спросил водонос. — Может быть, он хочет забрать все золото один и оставить нас стоять здесь?

— Имей терпение, он сейчас вернется обратно, — уверенно ответил Менафт. — Без нас он беспомощен. В гробнице есть еще несколько замурованных дверей.

Он прислушивался некоторое время, потом засмеялся злобно.

— Слышите? Он уже зовет нас. Дверь в переднюю комнату преградила ему путь. Полежайте внутри!

Пропустив Мунхераба и Эменефа, он остановил Хенума, прошептал ему:

— Ты видел, как жаден до золота Сейтахт. Я не верю ему. Если услышишь крик, бросай все и беги ко мне!

Хенум ударил себя кулаком по мускулистой груди.

— Я приду на помощь, если Сейтахт будет угрожать тебе. Поа, мой господин, обещал хорошо наградить меня, и я не позволю обокрасть себя.

Он охотно помог неповоротливому камнерезу протиснуться в пробитое отверстие, а сам стал слушать.

Менафт полз на четвереньках по щебню и осколкам камней. Спина камнерез все время касался свода. Горячий и душлистый воздух, тучи пыли, оставленные прошедшими вперед грабителями, затрудняли дыхание. Щебень завалил почти весь ход, свободным осталось лишь узкое пространство. Не раз казалось Менафту, что он застрянет. Камнерез был старше и не так подвижен, как Сейтахт и остальные сообщники. Ход казался ему

бесконечным, хотя он хорошо помнил, что длина его от первой двери до второй составляла всего лишь около пятнадцати шагов. Гробница Тутанхамона была одной из самых маленьких в Долине царей. О таком не очень значительном фараоне, которого жрецы считали к тому же почитателем бога Атона, не стоило много беспокоиться.

Задышавшись, толкал Менафт перед собой сумку с инструментом. Пот заливал глаза. Камнерез задышался. Узость прохода пугала его, и он чувствовал себя беспомощным, стиснутым этими страшными камнями. Сейчас или никогда выяснится, могут ли боги загробного мира наказывать. А если это случится, страшный конец ждет Менафта.

«Назад!» — приказал он себе и хотел уже повернуть обратно, когда услышал окрик Сейтахта. Столяр лежал на животе рядом со своими товарищами и направлял на Менафта свет масляной лампы.

— Ты ползешь, как улитка, Менафт. Поторопись! Перед нами еще одна стена.

Камнерез, тяжело дыша, осмотрелся. Каким образом в таком узком проходе он должен пробить дверь во второй стене? Он израсходовал все свои силы.

— Возьми мой инструмент и сам пробивай ход, — попросил он Сейтахта, — у меня нет больше сил.

Но столяр не хотел и слышать об этом.

— Кто из нас камнерез, я или ты? Если пробивать дыру буду я, то может обрушиться вся стена, а этого никак нельзя допустить!

Менафт колебался. Тогда к нему подполз на животе Эменеф и протянул руку.

— Дай инструмент, Менафт! Я буду пробивать отверстие.

Но Сейтахт яростно обрушился на него:

— Ты не сделаешь этого! Каждый из нас обязан делать свое дело. Вперед, Менафт, иначе...

Острые резца в руках Сейтахта было нацелено в лицо Менафту. Камнерезу не оставалось ничего другого, как покориться и ползти дальше. Горшечник и водонос прижались к стене. Сейтахт тоже с готовностью освободил ему место. И все же очищенное грабителями пространство было до смешного мало, чтобы в нем можно было работать. Когда-то тоннель был достаточно высок и широк. Человек среднего роста мог свободно поднять в нем руки, а расставив их, лишь с трудом доставал до стен. Но после того как ход был забит осколками камней, между сводом и слоем щебня осталось узкое пространство высотой не более трех пядей.

— Как я могу здесь работать,— жаловался Менафт, приблизившись к стене, которая загораживала проход.— Лежа на животе, я не могу действовать руками. А ведь здесь нужно долбить стену.

Он надеялся, что столяр поймет его и отправит назад. Но Сейтахт приказал двум другим сообщникам вырыть углубление перед стеной. Они сделали это, но подняли столько пыли, что даже лампы не стало видно.

Менафт думал, что задохнется. Он хотел отползти назад, но Сейтахт крепко держал его и отпустил лишь тогда, когда яма стала достаточно велика. Скорчившись, царапая колени об острые камни, Менафт пробивал стену. Он бил изо всех сил, как если бы это были голова и тело Сейтахта. Долгое время столяр был его другом, но теперь Менафт ненавидел его. Из-за этого совратителя боги наказали его. Но боги не знали, как долго он отказывался от участия в этом грабеже. Десять лет жизни будет стоять ему эта ночь, если он вообще выйдет отсюда живым. Может быть, пока еще не поздно, позвать на помощь Хенума? Но кто знает, поможет ли тот ему? Золото ведь еще не найдено. Золото Осириса-Тутанхамона!

Менафт продолжал работать с ожесточением. Один камень в стене никак не поддавался его ударам. Тогда он схватил лом. От ударов лом согнулся. Менафт застонал от напряжения. Кровь стучала в висках. Еще раз поднял он лом и вдруг почувствовал, как в груди что-то оборвалось. Выпустив инструмент из рук, Менафт схватился за сердце. В глазах зарябило. Застонав от боли, камнерез склонился вперед. «Птах, всемогущий Птах, прости меня»,— еще успел он подумать, после чего ему показалось, что он проваливается в бездну.

Сейтахт встряхнул его.

— Работай, работай! Отдохнуть сможешь дома.

Он протиснулся ближе к сделанному Менафтом отверстию, просунул в него лампу и жадно прильнул к дыре, словно увидел за стеной гору золотых сокровищ.

— Скоро мы будем там. Ты должен выбить еще только пару камней,— прошептал он и только теперь заметил, какое пепельно-серое лицо у Менафта. Камнерез сидел в яме на корточках, согнув спину. Его голова качалась из стороны в сторону. Левая рука бессильно упала на край плоского камня, там же лежал брошенный Менафтом инструмент. Менафт повалился ничком. Столяр испуганно подхватил его:

— Что с тобой, Менафт? Ответь, ты слышишь меня?

Камнерез, пожалуй, услышал вопрос, скорее не вопрос, а

шум, наполнявший голову. Какая-то кроваво-красная пелена кружилась вихрем вокруг него, внезапно она остановилась и превратилась в гигантский солнечный диск. Менафту казалось, что он узнал пылающего бога-солнце, чей жар обжигал ему сердце. Загудело в груди, словно по телу ударяли молотом. Жизнь гасла. Он думал, что плывет в бесконечную даль.

Мунхераб вскрикнул:

— Он мертв! — и, упав навзничь, закрыв лицо руками, простонал: — Осирис, пощади меня и прости!

Горшечник Эменеф втянул голову в плечи. Неужели Осирис действительно близко? Не схватит ли и его бог смерти? Он дрожал. Во рту пересохло. Впрочем, это могло быть от пыли. Он крепко обхватил камень. Нет, в его руках еще достаточно сил. Осирис не имел над ним власти. Ведь он простой горшечник. Камнерез же высекал изображения богов из камня, и боги хорошо знали его.

Сейтахт был уверен, что камнерез мертв. Возможно, он умер от страха. Кто постоянно боится наказания богов, тот живет полжизни. Сейтахту боги вообще не могут повредить. Он просто не верит в них. Куда же пропал Осирис? Разве эта гробница не принадлежит его царству, его загробному миру?

Сейтахт схватил инструмент Менафта. Он хотел доказать своим трусливым сообщникам бессилие Осириса.

— Смотрите сюда вы оба, — напустился он на них. — Я покажу вам, что я сильнее богов. — Он изо всех сил ударил по замурованной двери.

Мунхераб испуганно уставился на него и подумал: сейчас Осирис убьет и дерзкого столяра.

Эменеф не чувствовал страха; с любопытством наблюдал он, как Сейтахт расширяет отверстие в стене. Вдруг ему пришла в голову мысль, что ведь и столяр создавал изображения богов, а поэтому был им тоже достаточно известен. Снова ему стало жутко.

Сейтахт отложил инструмент.

— Что, по-прежнему трусите? Можете отправляться на все четыре стороны, но золото достанется мне одному.

Эменеф вскочил.

— Я буду помогать тебе. Но скажи прежде, что случилось с Менафтом?

— Вытащите его наружу, — приказал столяр. — Труп не должны найти здесь. Пусть Хенум поможет вам спрятать покойника в одной из пустых царских гробниц.

Столяр вновь приставил долото и продолжал работать.

Эменеф толкнул водоноса. Из-за шума ударов Сейтахт не расслышал, как он сказал своему товарищу:

— Ну, что рот разинул? Если мы не поторопимся, столяр сам вынесет все золото, а мы останемся такими же бедными, как и были.

Некоторое время Сейтахт пробивал отверстие, потом оглянулся. Он остался один. Масляная лампа коптила. Столяр обрывал и выбросил обугленный конец фитиля — он сослужил свою службу и был уже не нужен, как и Менафт, которого теперь, наверное, уже зарыли в землю. А ведь он был искусным камнерезом и хорошим товарищем.

Вздохнув, Сейтахт взялся за лом. Если бы Менафт умер не здесь, а, скажем, у себя дома, он искренне скорбел бы о его смерти. Но здесь над ним властвовали золотые сокровища — ведь только тонкая стена отделяла его от несметного богатства. Сейтахт с силой ударил ломом стену. После третьего удара лом не нашел опоры. Быстро выломав еще несколько камней из стены, столяр с лихорадочной поспешностью протиснулся в отверстие ногами вперед. Свой инструмент он небрежно бросил на той стороне, а масляную лампу бережно втащил за собой. Отыскав ногами опору, Сейтахт почувствовал, что это сундук. Но едва он стал на него, как тот развалился. Собрав все присутствие духа, столяр ухватился за край стенки, помешав тем самым лампе погаснуть. Яростно оттолкнул он обманчивую подставку и упал вниз. Подняв лампу вверх, он оглядел помещение. Глаза его расширились. Куда бы ни бросил он свой взгляд, повсюду сверкало золото. Перед ним стояли три больших лежа в форме чудовищных зверей с вытянутыми туловищами. Его ослепил царский трон, обитый искусно обработанным листовым золотом. Он увидел расписные ларцы, отделанные эбеновым деревом, слоновой костью, золотом, драгоценными камнями и покрытые богатой резьбой. Здесь стояли роскошные охотничьи колесницы царя, хотя и разобранные, но не утратившие своего великолепия. Там — вазы из прозрачного алебаstra — чудо резьбы по камню. А там! Золотой сундук!

Золото, повсюду золото. А сзади у стены...

Сейтахт отскочил назад и нагнулся, защищая лицо левой рукой. Там, у стены перед входом в погребальный покой, стояли два стража. Один — справа, другой — слева. Они были неподвижны и молча и пристально глядели друг на друга. Это были статуи, выполненные в натуральную величину!

Сейтахт тяжело дышал. Страх парализовал его, так ужасающе правдивы были эти фигуры. Стражи держали в руках позо-

лоченные булавы и длинные посохи. Золото сверкало на их шлемах, набедренных повязках и даже сандалиях.

Бросив еще один пытливый взгляд на деревянные фигуры, Сейтахт поспешно начал опустошать ларец.

Эменеф первым обнаружил, что камнерез жив. Они уже успели оттащить его от гробницы на расстояние выстрела из лука, когда горшечник услышал тихий вздох. Почувствовав, что мнимый покойник зашевелился, Мунхераб от страха уронил его. Хенум почти не испугался. Ему не раз приходилось вылавливать из Нила еле живых людей. Он начал массировать грудь Менафта и опускать его руки, а потом стал дуть ему в рот. Это, по мнению египтян, дарило новую жизнь покойнику.

Менафт и правда опять вздохнул, потом открыл глаза. Еще не придя полностью в сознание, он не сразу понял, где находится. Три темные фигуры окружали его. Над ним блестели звезды. Теперь ему стало все ясно — он на том свете. Фигуры около него — это посланцы богов из потустороннего мира. Они поведут его к высшему судье — Осирису. Может быть, они выступят в качестве свидетелей перед Осирисом на его стороне, и тогда наказание будет уменьшено. И камнерез воспрянул духом.

— Я не виноват, о боги! Я вовремя раскаялся в том, что сотворил. Я хотел убежать из гробницы, но столяр Сейтахт заставил меня остаться, пригрозив резцом. Вы должны сказать об этом Осирису. Слышите?

Мунхераб посмотрел на Менафта с простодушным удивлением. Эменеф наклонился вперед.

— Что ты мелешь, Менафт! Уж не лишился ли ты рассудка?

— Может быть, столяр треснул его по голове? — предположил Хенум.

Глухой голос нубийца заставил Менафта насторожиться. Притянув Хенума к себе, камнерез пытался разглядеть в темноте его лицо.

— Это ты, Хенум? — удивился он. — Разве я не на том свете?

Раб залился своим своеобразным, клокочущим смехом.

— Мы уже вытащили тебя оттуда. Ты был как мертвый. Мы уже хотели похоронить тебя.

— Ну, а раз ты жив, мы возвращаемся к Сейтахту, иначе он все лучшее заберет себе, — сказал Эменеф и потащил за собой Мунхераба.

— Останьтесь здесь! — закричал Менафт. — Осирис возьмет ваши жизни. Он звал меня. Я уже был на том свете!

Но Эменеф и Мунхераб уже исчезли в темноте.

Он встал, шатаясь, и уцепился за раба.

— Верни их обратно, Хенум! Осирис жестоко накажет их. Он всех уничтожит!

Хенум равнодушно наблюдал за убегающими товарищами.

— Я не могу остановить их. Ведь они свободные люди, а я всего лишь только раб.

— Тогда я приказываю тебе остановить их. Беги за ними, иначе ты будешь виноват.

Нубиец пожал плечами.

— Почему же я буду виноват, если мой господин прислал меня сюда? Я делаю только то, что он приказал.

— Тогда я не позволю им грабить бога! — закричал Менафт и заковывал прочь.

Перед входом он остановился. Подняв руки к звездному небу, он взмолился, как жрец Амона:

— Дайте мне силы, о справедливые боги! Я ваш слуга — пусть буду я сильнее ваших врагов!

Уверенность в помощи неба вдохновила его. Быстрее, чем в первый раз, проник он в проход и пополз на животе по щебню. В темноте он то налетал на камни, то ударялся головой о свод. Но Менафт не чувствовал боли. Он верил, что выполняет священный долг и искупит свою вину за осквернение гробницы. Вскоре Менафт увидел перед собой слабый огонек, затем слышались шум, грохот и крики. Грабители могил рылись в сокровищах.

Камнерез пополз еще быстрее. Протиснувшись через второй пролом в стене, он в ужасе оцепенел. Казалось, что здесь трудились демоны. Сундуки и лари были открыты и перевернуты. Их содержимое было повсюду разбросано. Грабители отбросили утварь и сосуды, сорвали золотые украшения с драгоценных вещей. Мунхераб стоял на куче расшитых золотом одежд и рылся в чудесно расписанном сундуке. Эменеф изо всех сил рвал золотую обшивку с царского трона. Столяр стоял на коленях перед небольшой горкой золотых предметов из погребальной утвари. Он походил на голодного хищника, который хочет проглотить больше, чем может.

— Остановитесь! — закричал сверху Менафт осквернителям могилы. — Оставьте все лежать на месте и бегите! Здесь царство Осириса! Я видел его своими глазами, когда он возник передо мной как раскаленное солнце. Спасайтесь! Не мешкайте, иначе он сожжет вас!

Мунхераб и Эменеф смутились. Они, должно быть, уже общили Сейтахту о том, что мнимый покойник воскрес, так как

столяр не был удивлен и испуган его появлением. На предостережение Менафта он ответил злым смехом:

— Ты, дурак, видел только одного бога. А я покажу тебе многих богов. Смотри! Здесь боги из дерева, камня и золота. И не один не будет защищаться, если я оплую его. Все они мертвы. Это мертвые боги. А если кто и сгорит, то только они сами, когда я подожгу их пламенем своей лампы.

Лицо столяра исказилось от гнева. Его невозможно было образумить. Скорее можно было убедить Мунхераба и Эменефа.

Менафт умолял их, угрожал наказанием богов. Некоторое время они глазели на него, но потом опять начали копаться среди разбросанных в беспорядке сокровищ.

Еще раз попытался Менафт уговорить столяра. Тогда Сейтахт начал неистовствовать. Он схватил глиняный сосуд с изображениями богов и разбил его о стену. Такая же судьба постигла Гора, бога с головой сокола. Столяр растоптал ногами ларец, на дверце которого были изображены фигуры Исиды и Осириса. На мелкие куски разлетелись драгоценные вазы и резные предметы. Каждое разрушение сопровождалось ревом безумца:

— Защищайтесь, великие боги! Накажите меня, если можете! Ну, где ваша сила? Нет ее, нет! Я разобью вас — я, столяр Сейтахт!

И египетские боги разлетались на мелкие куски один за другим. Застонав, прижался Менафт лицом к пролому в стене. Почему Осирис не сожжет огнем этих преступников?

Мунхераб и Эменеф крепко держали разбушевавшегося столяра.

— Успокойся, дурак. Ты хочешь уничтожить все, что нам так нужно.

Сейтахт отбросил ногой осколки.

— Все это нам не нужно. Я хочу лишь золота...— И он закричал озадаченным сообщником: — Ищите, ищите! Что вы стоите и глазеее? Тащите золото, золото!

Он осмотрелся вокруг, обнаружил среди посуды ларец и потряхнул его содержимое на землю. Зазвенели браслеты, ножные обручи, кольца, цепи — все из чистого золота, украшенные сверкающими камнями и цветной эмалью.

Следующей находкой Сейтахта был ценнейший сундук, обшитый листовым золотом, на котором мастер выбил изящный барельеф из жизни царя и его супруги Анхесенамон.

Сейтахт отодвинул засов на двойной двери. Заблестела статуэтка бога Амона из массивного золота. Она стояла на маленьком пьедестале. Сейтахт вытащил ее наружу и поднял вверх.

— Смотрите-ка, глупцы! Шарите в бесполезном хламе и не видите подлинных драгоценностей. Золотой бог! Он весит столько же, сколько вся мелочь, которая валяется здесь.

С этими словами он отшвырнул ногой все найденные ранее сокровища. Горсть колец покатились по полу.

Эменеф проводил внимательным взглядом брошенные столяр-ом драгоценности. За спиной Сейтахта он незаметно подошел к ним, поспешно собрал кольца в шарф и завязал его. Горшечник бросил настороженный взгляд на своих сообщников, но никто из них ничего не заметил. Узелок с кольцами исчез под набедренной повязкой Эменефа.

Менафт видел все: хаос вокруг и алчные лица грабителей. На земле валялись разбитые изображения богов. Он все еще пытался найти объяснение: почему же боги не наказывают за это страшное святотатство? Ему-то бог солнца все-таки явился во всем своем грозном облики. Или он уже так стар, что память ему изменяет? Неужели все то, что он, как ему казалось, видел,— это только результат переутомления? Почему же теперь он не видит раскаленного солнца? Огонь в его голове погас, дыхание успокоилось, сердце билось, как прежде. Только острый камень, на котором он лежал, до боли впился в его тело. Нечего ему больше здесь делать. Чего он ждет? Камнерез собрался уже было ползти обратно, когда услышал крик Эменефа:

— Здесь еще одна замурованная дверь!

— И там тоже,— сказал Мунхераб, показав на стену, где стояли два стража.

— У вас острый взгляд,— насмешливо сказал Сейтахт,— но вы всегда видите то, что я уже давно заметил. Или вы думаете, что здесь собраны все сокровища? Лучшие из них — за этими дверями. И этот помешанный поможет нам их взломать.

Он прыгнул к Менафту, схватил его за руку и с силой потянул его к себе.

— Иди сюда, любимец богов! Ты уже давно бьешь баклуши. Пора снова браться за работу. Помогите мне вы оба! Он сделал знак водоносу и горшечнику и с их помощью протаскил камнереза через дыру.

Менафт не сопротивлялся и не защищался. Он дал себя поднять и крепко сжал инструмент, который ему сунули в руки. Пережитое сокрушило его веру в карающую десницу божества. Только от людей исходит добро и зло. Столяр превосходил его силой и хитростью. Итак, он должен ему подчиниться.

И Менафт выдолбил дыру в нижней части замурованной двери. Безучастно наблюдал он за тем, как Мунхераб и Эменеф проскользнули в лазейку. Камнерез слышал шум и проклятья,

раздавшиеся в темноте соседней комнаты, когда грабители стали кивались головами. Они потребовали от Сейтахта масляную лампу; но тот, по-видимому, не доверял им и приказал передавать через отверстие в переднюю комнату те предметы, которые, судя по их тяжести, могли быть золотыми. Он осматривал их и большинство из этих ценностей небрежно откладывал в сторону. Внезапно в кладовой, где действовали воры, что-то разбилось. Наступила тишина. Затем раздался голос Мунхераба:

— Чувствуешь, Эменеф, как пахнет масло в кувшине? Что бы это могло быть?

— Не знаю,— ответил горшечник.— Может быть, это масло, которое цари употребляли для натирания? Здесь много таких сосудов.

Сейтахт быстро нагнулся к дыре.

— Что вы там бормочете? Нашли благовонные масла? Ну-ка, передайте один сосуд сюда!

Эменеф и Мунхераб передали алебастровый сосуд через отверстие. Он был высотой в фут, а его ручки были увенчаны львиными головами двух богов, вырезанными из камня. Сейтахт сорвал крышку и понюхал содержимое. Он с удивлением посмотрел на Менафта:

— Это действительно изысканное благовонное масло. Оно ценнее золота. Если бы мы смогли унести отсюда несколько полных сосудов...— Он не договорил до конца и крикнул: — Сколько таких кувшинов вы насчитали?

— Здесь их довольно много,— последовал ответ.— Они нужны тебе?

— Да, да. Давайте их мне. Все, которые найдете! Слышите? Я хочу заполнить их все. И вылезайте с ними наружу!

Эменеф и Мунхераб стали передавать столяру алебастровые вазы и кувшины различной формы. Из каждого сосуда Сейтахт брал пробу. Глаза его блеснули.

— Это огромное богатство! — кричал он.— Я оставляю их только для себя. Понюхай, Менафт! Здесь драгоценная мазь. А здесь — благовонное масло... Только самые богатые в стране могут позволить себе натираться ими.— Размышляя над чем-то, он бормотал: — Сосуды очень тяжелые. Но завтра ночью я вернусь и все масла и мази перелью в бурдюки из козьей кожи. Если я вынесу все таким образом, то вместе с товарами, вымененными на золото, перевезу это на барже по Нилу в Гелиополь. И буду там жить, как богатый торговец. Прислуживать мне будут рабы...

Менафт понимал его. Ведь мечта столяра была также и его мечтой. Уже тридцать лет работал он в царских мастерских

каменотесов, но так и не скопил никакого богатства. Его начальник, надсмотрщик и главный надсмотрщик получали большие награды, если царские заказчики были довольны работами мастерской по украшению гробниц. Чиновников награждали должностями за искусное украшение саркофагов и погребальных покоев, хотя сами они только выбирали лучшие образцы, изготовленные их подчиненными, и представляли их на просмотр властителя. Если царю нравилась будущая гробница, в которой он вместе со своими сокровищами надеялся вести царскую жизнь и на том свете, то надсмотрщик передавал заказ.

Да, Сейтахт оставался бедным, так же как и Менафт. Поэтому жадность столяра к богатству была понятна. Но сокровища мертвых не могли принести счастья. Они принадлежали загробному миру, и он, Менафт, не стал бы брать оттуда ничего.

Из кладовой доносились какие-то странные звуки. Руки Мунхераба коснулись в темноте горлышка пузатого кувшина с вином. Он поднял один из глиняных кувшинов и разбил его о землю. Он тотчас же узнал запах жидкости.

— Эменеф! На этот раз я нашел кое-что приятное. Вино из царских подвалов! Хочешь попробовать? — Он сломал глиняную печать на горлышке второго кувшина и выпил.

Вино было изысканным.

Это признал и Эменеф. Работа пробудила в нем жажду. Горшечник пил большими глотками.

— Хорошо живут цари на том свете, — сказал он. — Ведь они берут с собой все драгоценности, отправляясь в загробный мир. Ты понял, сколько корзин, полных винограда, фиников, дынных косточек и других хороших вещей лежит здесь?

Мунхераб пил и чмокал.

— Да, да, а когда умираем мы, нас просто зарывают в песках пустыни. В лучшем случае положат в гроб амулет. А цари, вельможи и высшие чиновники позволяют себе строить дорогие гробницы и наслаждаются в них приятной прохладой. Пей, Эменеф, такого вина ты даже не нюхал ни разу за всю свою жизнь.

— Это правда. Дай сюда кувшин! — Эменеф снова сделал большой глоток. В кувшине забулькало. Для Мунхераба этот звук был подобен музыке.

— Дай мне тоже отпить еще разок, — попросил он и уселся поудобнее на полу. Кувшин был тяжелым, но вино в нем бесподобно! Долгое время выдерживалось оно в царских подвалах и потом еще одиннадцать лет стояло в этой прохладной подземной камере. Знаки древнеегипетского письма жрецов на глиняных табличках удостоверяли, что вино это выжато из лучших

сортів винограда, який рос в царських поместях в дельте Ніла. Вино було крепкое и быстро пьянило.

Мунхераба и Эменефа не интересовали ни печати, ни знаки. Они были простыми людьми, и их никто не учил ни писать, ни читать. Восхитительное питье было им все больше по вкусу. Водонос и горшечник по очереди тянулись к кувшину, забыв о поисках сокровищ. Эменеф почувствовал себя так беззаботно и радостно, что начал петь; а Мунхераб тем временем отбивал кулаками аккомпанемент на кувшине.

Сейтахт испуганно вскочил, пробудившись от своих грез. Он все еще мечтает или действительно слышит пение? Губы Менафта не шевелились. Он стоял, прислушиваясь, и пристально смотрел на пламя масляной лампы.

Певец находился в кладовой!

Сейтахт вскочил:

— Что вы там делаете? Вы сошли с ума?

— Нет, мы нашли вино,— заорал Мунхераб и засмеялся.— Самое лучшее вино на свете! Иди сюда и выпей с нами за здоровье царя!

Столяр посветил в отверстие. Там, на земле, сидели эти два дурака и крепко обнимали пузатый глиняный кувшин.

— Вон отсюда! Сейчас же вылезайте, иначе я спущу с вас кожу! — бушевал Сейтахт.

Страшная угроза отрезвила пьяниц. Отправиться на тот свет без кожи считалось самым большим наказанием. Они блуждали бы там без лиц целую вечность. Покорно вылезли они один за другим из кладовой и зажмурились от света лампы, которую Сейтахт поднес к ним.

Мунхераб виновато спросил:

— Что нужно еще делать? Разве мы нашли недостаточно золота?

Столяр поднял левую руку, словно хотел ударить его.

— Нет, еще слишком мало! В сокровищнице золота в три раза больше. Я не собираюсь оставлять его здесь.

— Но как же мы унесем столько золота? Ведь нам предстоит дальняя дорога,— робко сказал Эменеф.

Мунхераб хитро улыбнулся:

— Зачем пришел с нами Хенум? Ты забыл о нем? Раб силен и понесет двойной груз.

Сейтахт издал шипящий звук, что, по-видимому, должно было выражать его презрение к ленивому водоносу. Потом он схватил Менафта за руку и потащил его к запечатанной стене. Он указал на правый нижний угол.

— Здесь ты пробьешь дыру. Я хочу пройти мимо погребального ковчега в сокровищницу.

И опять Менафт беспрекословно послушался. Но, взявшись за долото, он испуганно посмотрел на фигуры стражей гробницы. Оба они стояли в одинаковых позах на подставках: левая нога выставлена вперед, словно стражи готовились двинуться дальше. В кулаках они сжимали булавы таким образом, чтобы казалось, будто в следующий момент они будут подняты и просвищены над головой. Пристальный взгляд, казалось, предупреждал грабителя: не трогай эту дверь! Мы убьем тебя, если ты посмеешь нарушить покой царя!

Столяр сразу понял, что означает испуганный взгляд Менафта.

— Какой же ты трус, если испугался стражей из раскрашенного дерева,— издевался он. Потом он выхватил из кучи лежащей рядом погребальной утвари две полотняные тряпки.

— Я прикрою их, чтобы они не могли тебя видеть. Ну, ты все боишься?

Сейтахт закрыл тряпками стражей, потом потряс одну из фигур и язвительно засмеялся:

— Не упади ты, деревянный человек, иначе мой друг Менафт поверит, что ты живой, и умчится прочь.

Менафт сконфуженно потупил взор. Столяр снова доказал ему, что все эти скульптуры бессильны против людей. Он решил не думать больше о наказании богов и изо всех сил стал бить молотком. Стена дрожала под его ударами. Куски штукатурки с печатями Города мертвых и фараона Тутанхамона стали крошиться.

Сверху донизу на стене были оттиснуты эти печати. Зачем? Для кого? Ни в одной из царских гробниц не смогли они испугать воров.

Наверное, Менафт был первым грабителем, который испугался гнева богов.

Никто до них не проникал еще в царскую гробницу так просто. Здесь не было ни шахт, ни ложных ходов, как в гробницах великих фараонов Древнего царства. Каменные блоки в рост человека нигде не загораживали прохода внутрь. Только эта тонкая стена преграждала вход в погребальную камеру и к сокровищам в соседней комнате. За этой стеной покоился царь, который уже при жизни стал богом. Об этом свидетельствовало его имя — Тутанхамон, что означало: «Живое подобие Амона».

Менафт сильнее и сильнее бил стену. Он хотел заглушить мысли, которые заставляли его опасаться худшего.

Внезапно чья-то рука схватила его за плечо. Менафт вскрикнул. Над ним склонился Сейтахт.

— Дыра достаточно велика. Отойди, я пролезу.— Он подал знак Мунхерабу и Эменефу, которые до сих пор недоверчиво разглядывали стражей.— Идемте со мной. Менафт останется здесь и будет принимать вещи, которые мы ему подадим.

Камнерез сел на корточках рядом с проломом и наблюдал, как грабители один за другим протиснулись через отверстие в стене. Эменеф лез последним. Узелок, который был наполовину засунут сзади под набедренной повязкой, вывалился. Камнерез быстро схватил его и нащупал несколько колец, завязанных в тряпку. Он насчитал восемь штук. Одно из них он поднес к отверстию, через которое теперь проникал свет от лампы из погребального покоя. Это было искусно отделанное кольцо из литого золота, которое, может быть, носил сам царь.

Менафт вскочил и спрятал узелок с драгоценностями в куче платья. Теперь этот узелок останется лежать здесь навечно. Если бы душа фараона, присутствующая в этой гробнице, могла бы рассказать богу Осирису об этом поступке и о том, что Менафт не принимал участия в грабеже!

Довольный Менафт снова уселся на корточках перед отверстием. Может быть, он должен совершить что-либо более значительное, чтобы задобрить дух Покровителя мертвых. Нужно припрятать часть драгоценностей, которые сейчас начнут передавать ему грабители. Впрочем, они ведут себя удивительно тихо. Ни звука не проникало из погребального покоя.

Обеспокоенный и в то же время сгорая от любопытства, Менафт просунул голову в отверстие в стене. То, что он увидел, поразило его. Перед ним возвышалась золотая стена. Это была стенка-дверца гигантского погребального ковчега из позолоченного дерева. Ее покрывали многочисленные письмена и скульптуры. Ковчег заполнял весь погребальный покой так, что между четырьмя его сверкающими золотом стенками и каменной стеной гробницы оставалось пространство, равное длине вытянутой руки.

Но Менафта поразило не великолепие золотого погребального ковчега, а поведение Сейтахта. Столяр стоял неподвижно в проходе между водоносом и горшечником. Он освещал лампой золотую двухстворчатую дверь ковчега. Его лицо сияло отраженным блеском золота и казалось просветленным, как у безумно молящегося. Он нежно водил кончиками пальцев по створке двери и шептал:

— Над этим ковчегом я тоже работал. Эта дверь — мое изделие. Она хорошо мне удалась, не правда ли?

Мунхераб и Эменеф, раскрыв рты, любовались этим шедевром. Их взгляды переходили от искусно выполненного золотого фриза на верхней части к изображениям на дверях и боковых стенках.

— Ты большой мастер! — похвалил Мунхераб. — Я никогда не поверил бы, что этот ковчег был сделан людьми, которые говорят и двигаются, как я. Я принял его за произведение богов.

Эменеф согласно кивал головой, а затем спросил:

— Сколько вам пришлось работать над этим ковчегом? Я думаю, понадобилось несколько лет, чтобы вырезать такие изящные фигуры и письмена и покрыть их золотом.

Сейтахт нахмурил лоб от тяжелых воспоминаний.

— Много раз наступало полнолуние, пока одна из четырех стен этого ковчега была выполнена. И когда наши руки уже перестали чувствовать, а глаза — видеть, надсмотрщик угрожал, что отправит всех в царские каменоломни и заставит там выполнять работу рабов, если мы вовремя не закончим.

Мунхераб задумчиво качал головой.

— Почему вас так торопили? Ведь всегда наши цари сооружали свои погребальные ковчегі еще при жизни и саркофаги тоже.

Эменеф наклонился вперед и тихо прошептал:

— Разве ты забыл, что фараону Тутанхамону было только восемнадцать лет, когда он умер? Кто мог знать заранее, что он так скоро умрет?

— Может быть, жрецы Амона, — ответил Сейтахт. Он перевел свой взгляд с горшечника на водоноса и обратно. — Вы никогда не слышали о том, что молодого царя отравили?

Мунхераб в страхе наклонил голову, словно уклоняясь от удара.

— Об этом говорить очень опасно. Многим за это уже вырвали языки.

— Здесь нас никто не слышит, — ворчал горшечник. — Правда также и то, что жрецы Амона были врагами юного царя. А то, что они его убили, знает сегодня самый глупый раб в стране.

— И все-таки я не хочу знать этого, — защищался Мунхераб. — Лучше я сохраняю свой язык и стану глупым богачом. Открывай ковчег, Сейтахт! Ты ведь сказал, что в нем много золота!

Он схватился за засов, но Сейтахт оттолкнул его:

— Ты не смеешь касаться этих дверей! Это моя работа, как и все ковчегі внутри.

— В этом большом ковчеге есть еще и другие? — удивился Эменеф. — Как же вы их туда поместили?

Этот вопрос сразу заглушил гнев Сейтахта. Он был горд, что может объяснить.

— Здесь четыре ковчег, вставленных друг в друга. Мы доставили их в эту камеру в разобранном виде и прежде всего соорудили самый маленький и самый красивый вокруг саркофага. Только такие художники, как я, имели право выполнять подобную работу.

Мунхераб хитро подмигнул:

— А какова была награда за этот большой труд? Ты, наверное, стал очень богатым, если не хочешь даже раскрыть двери ковчег и достать золото, которое тебе причитается.

— Я достану золото, но не из этих ковчегов! — закричал Сейтахт, вновь багровея от ярости и тотчас же начал протискиваться за спиной Мунхераба. — Убирайся отсюда, уйди прочь с дороги! — Он оттолкнул водоноса и тем самым заставил горшечника также уйти с прохода. Тут свет исчез, и Менафт услышал крик ужаса. Эменеф первым достиг входа в сокровищницу, но путь ему загораживала статуя стража мертвых — бога Анубиса.

Бросился ли бог на незваных гостей? Растерзал ли их уже?

Менафт со страхом прислушивался. В погребальном покое царила мертвая тишина.

Эменеф все еще стоял перед изваянием бога, оцепенев от ужаса.

Ничего не подозревая, завернул он за угол погребального ковчег и ощупью стал двигаться вдоль каменной стены. У входа в темную сокровищницу он остановился и ждал, пока Сейтахт посветит ему лампой.

И тогда он закричал. Ужасен был неожиданный вид бога Анубиса. Он лежал на позолоченном постаменте в облике собаки с головой шакала. Длинные острые уши стояли прямо и настороженно. Глаза сверкали от ярости.

Эменеф не сомневался: божественный страж гробницы прыгнул бы на него, как только он пошевелился бы. Тут на него налетел Мунхераб, подталкиваемый Сейтахтом. По тому, как Эменеф держал руки, словно защищаясь от удара, и по испуганному выражению его лица Мунхераб понял, что идущий впереди увидел нечто страшное. Осторожно заглянул он через плечо Эменефа.

На него грозно смотрел бог Анубис.

В ужасе Мунхераб закрыл лицо руками.

Странное поведение сообщников насторожило Сейтахта. Он

отступил на один шаг назад и приготовился бежать. На лицах его спутников был написан смертельный ужас. Насколько он знал, их не так-то легко было испугать. Что они могли увидеть ужасного, чтобы так испугаться?

Эменеф застонал, медленно нагнулся, поднял руки и, дрожа всем телом, попятился назад. Теперь зашевелился и Мунхераб. Он поднял левую ногу и искал, куда бы ее поставить. Внезапно повернувшись, он попробовал отскочить, но так как Эменеф предпринял то же самое, они столкнулись с такой силой, что оба упали.

— Прости меня, великий Анубис! — причитал Эменеф, лежа на земле и закрыв лицо руками.

Только теперь Сейтахт понял все. Он схватил горшечника за плечи.

— Вы испугались куска дерева? Эта собака Анубис сделана в нашей мастерской! Пропустите меня. Я покажу вам, что он не может даже кусаться.

Бесцеремонно наступив на распростертого Мунхераба, протиснувшись мимо Эменефа, он осветил изваяние бога. Секунду черная голова шакала с глазами из алебастра и обсидиана приковывала его взгляд. Если фигура Анубиса даже при свете лампы приводила в трепет, как должна она была напугать в полумраке обоих грабителей. Они все еще боязливо поглядывали на нее. Теперь Сейтахт должен был доказать, что мнимый бог не мог ни прыгать, ни кусаться.

Сейтахт поднял лампу к морде шакала и крикнул:

— Ну, мой добрый старый пес Анубис, как поживаешь? Здесь довольно скучно, не так ли? Мне тоже не хотелось бы сто тысяч лет сидеть на одном и том же месте. Ну, а теперь подвинься в сторону! Я и мои друзья хотим очистить сокровищницу.

В полном страха ожидании Мунхераб и Эменеф подняли головы. Они увидели, как Сейтахт поставил лампу на землю и оперся о постамент, на котором лежал грозный страж гробницы. Черный шакал не прыгнул ни после первого, ни после второго толчка, а потом вообще был отодвинут в сторону.

Столяр снова поднял лампу и осветил сокровищницу. Его глаза расширились. Он не надеялся найти здесь такое богатство. Вокруг стояли многочисленные ларцы, инкрустированные золотом, серебром и слоновой костью. Ему бросился в глаза ларец для драгоценностей из эбенового дерева, наверное, доверху набитый великолепными кольцами, деревянными цепочками и браслетами самого царя. Он увидел богато украшенные футляры, определенно предназначенные для хранения луков и

стрел, а также сундуки для одежды царя. Сундуки стояли один на другом и все были набиты до отказа дорогими тканями и одеждой. Удивленный взгляд столяра скользнул по маленьким черным саркофагам, по фигурам из позолоченного дерева и моделям судов разной величины. Все это должно было пригласить мертвому фараону во время путешествия через загробный мир.

У противоположной стены камеры что-то тускло блеснуло. Сейтахт поднял лампу повыше. Возглас восхищения сорвался с его уст. Там стоял массовый ковчег на санях-полосках. Блеск его золота ослеплял. Карниз в виде поднявшихся кобр, поддерживаемый четырьмя колоннами, простирался до самого потолка. Четыре богини охраняли стены ковчега, стоящего между колонн. Столь искусной показалось Сейтахту это чудесное творение, что он подошел поближе и стал рассматривать деталь. Со знанием дела он осторожно провел кончиками пальцев по резьбе. И только теперь столяр признал, что ковчег вышел из его собственной мастерской. Он стоял перед ковчегом, внутри которого хранились набальзамированные внутренности царя. Конечно, для них был изготовлен драгоценный футляр. Имеет ли он право ради жалких кусочков золота разрушить это чудо искусства? Вокруг стояло достаточное количество сундуков, наполненных драгоценностями. И он пошел искать другие сокровища. Мунхераб и Эменеп наблюдали из погребальной камеры, как столяр ощупывал большой золотой ковчег. Водонос толкнул товарища и прошептал ему на ухо:

— Почему он стоит там и глазет на этот шкаф, вместо того чтобы взломать его?

— Я думаю, он беседует со статуями богов, которые стоят перед ним. Он и с Анубисом, сторожевой собакой, тоже разговаривал.

Мунхераб с сомнением покачал головой.

— Деревянная фигура не может ни слушать, ни разговаривать.

— Это ты теперь так говоришь,— взволнованно прошептал горшечник,— а недавно сам свалился от страха, когда эта сторожевая собака уставилась на нас. И ты убежал бы точно так же, как и я, если бы Сейтахт не успокоил бога. Он знает тайны, о которых мы не имеем понятия. И в этом погребальном ковчеге наверняка есть что-то таинственное, что столяр не хочет нам показать.

— Ты ошибаешься,— возразил Мунхераб.— Таинства ведомы только жрецам. Боги посвятили их в свои тайны в святилищах и научили разным волшебствам.

Эменеф задумчиво рассматривал золотую стену погребального ковчега с искусно выполненными изображениями.

— Сейтахт, наверное, тоже учился у богов, потому что обыкновенный человек не смог бы создать такой ковчег. Подумай, Мунхераб. Сейтахт сын крестьянина. Его отец владел лишь простым крестьянским инструментом, парой глиняных горшков да связкой соломы, на которой спал вместе с женой и детьми. Как мог сын крестьянина изготовить золотые чудо-ковчег, если он никогда прежде не видел их?

Мунхераб задумчиво кивнул.

— Может быть, ты и прав. Сейтахт, должно быть, обучался колдовскому искусству. В передней комнате он разбил изображения богов, и с ним ничего не случилось, потом он договорился со стражами гробницы и с богом Анубисом, чтобы они нас не растерзали.

Эменеф назидательно поднял вверх указательный палец.

— Но я прав и тогда, когда говорю, что в этом ковчеге лежит что-то таинственное. И я хотел бы это получить. Может быть, это сделает меня вельможей или даже царем.

— Оставь волшебство там, где оно есть. Оно может оказаться для нас опасным,— прошептал испуганно водонос. Он хотел оттащить Эменефа, но тот прыгнул назад и сорвал печать, которой были скреплены створки дверцы ковчега.

— Я хочу по крайней мере видеть, что спрятано за этими дверями,— прошептал он и приоткрыл одну створку. Но в полутьме ему не удалось различить, что было в ковчеге. Поэтому он протянул руку внутрь, нащупал там стену, а на ней вторую печать.

В тот же момент свет упал в узкое пространство между погребальным ковчегом и скалой. У входа в сокровищницу, высоко подняв левую руку с лампой, стоял Сейтахт.

— Чем вы тут занимаетесь, негодяи! — закричал он. — Не сломали ли вы ковчег? — Теперь он поднял над головой и правую руку. Тяжелая золотая булава угрожающе повисла над головой Мунхераба.

Водонос умоляюще простер руки.

— Не бей нас, великий Сейтахт! Мы не дотронулись до твоего творения!

— Мы только полюбовались им, господин,— добавил Эменеф. Голос столяра вовремя предупредил его. С быстротой молнии горшечник захлопнул створки двери и стал сзади Мунхераба. Теперь его лицо выражало смирение и преданность.

Столяр опустил золотое оружие. С удивлением смотрел он на обоих сообщников. Они называли его «великий Сейтахт»

и «господин». Он не понимал, почему они вдруг наградили его титулами, которые приличествуют лишь чиновнику. Более дружелюбно, чем намеревался, он приказал:

— Пойдемте в сокровищницу. Помогите мне упаковать золотую утварь, которую я нашел там.

Менафт вытащил голову из пролома. Он слышал все, о чем говорили только что Эменеф и Мунхераб, и облегченно вздохнул. Ожидая худшего, он решил стать ворами поперек дороги, если бы они рискнули взломать погребальный ковчег. Он не мог помешать краже сокровищ, но покой бога в золотом домковчеге не должен был быть нарушен.

Простодушные грабители строили догадки о каком-то волшебном предмете, спрятанном в ковчеге и способном придать силы его владельцу. На самом деле ничего подобного там не было.

Четвертый, последний ковчег погребального покоя действительно был неповторимым произведением искусства, но уж, конечно, никаким не волшебством. Внутри саркофага хранились два позолоченных деревянных гроба, вложенных друг в друга. Во втором находилось бесценное сокровище. Оно было такое тяжелое, что много лет назад десять мужчин едва подняли его.

Менафт ясно представил себе, как это было.

Началось время торжественного погребения. Высшие сановники государства тянули саркофаг на санях на полозьях. На них лежал гроб, в котором покоилось набальзамированное тело фараона Тутанхамона.

Этот гроб был самым красивым произведением искусства, какое Менафт когда-либо видел. Он был выкован из листового золота толщиной с бычью кожу. Лучшие ювелиры Египта сделали его в форме скульптуры бога Осириса. Он излучал такой блеск, что многие закрывали глаза. Он был уложен в нижнюю половину второго гроба, вырезанного из дуба, позолоченного и, так же как и металлический гроб, сделанного в виде бога Осириса. Теперь там лежал золотой бог во всем своем великолепии и ждал, пока жрецы польют его священным маслом. Лик его сиял; блестели драгоценные камни и цветная эмаль. Сверкало ожерелье из красных и желтых золотых бус и синих камней. Фигуры двух богинь, искусно выкованные из металла, своими крыльями укрывали тело бога-царя, как будто хотели защитить его в вечности.

Очарованный красотой этого произведения искусства, камнерез Менафт был тогда убежден в том, что в золотом гробу

действительно покоится бог. А когда после торжественной церемонии крышка второго гроба была закрыта, Менафт понял, что и через тысячелетия ни один мастер не сможет создать ничего подобного.

Позолоченный деревянный гроб тоже был настоящим чудом искусства. Его вложили в третий гроб так точно, что между ними невозможно было даже просунуть палец. И этот третий гроб также воспроизводил фигуру Осириса и был весь покрыт золотом.

Все три вставленные друг в друга гроба были потом помещены в кварцитовый саркофаг, и молодая вдова царя-бога Анхесенамон подошла и попрощалась с покойным.

Она была совсем еще ребенок и плакала навзрыд, как дитя, когда в сопровождении жрецов шла к саркофагу. Долго и пристально смотрела она на большой позолоченный деревянный гроб, в котором покоилось тело ее супруга. Сходство черт лица любимого с очертанием лица Осириса, в виде которого был сделан гроб, смущало ее. При свете многочисленных масляных лампочек металлическая облицовка сверкала, как золотой покров, и Анхесенамон казалось, будто бог дышит. Глаза из черного обсидиана и прозрачного белого алебаstra, казалось, смотрели на богов. А полные губы словно готовились рассказать о тайнах потустороннего мира.

Жрецы бормотали последние заупокойные молитвы. Запах курящегося ладана и благовонных масел и смол наполнял помещение. Пламя масляных ламп колебалось. Тускло блестело золото. Тени метались по стенам. Предостерегающе покашливал верховный жрец. И тогда девочка-царица Анхесенамон пришла в себя. Она бросила робкий взгляд на присутствующих, потом быстро наклонилась над саркофагом. Дрожащей рукой положила она венок из цветов вокруг царских символов — урея и головы коршуна — на лбу Осириса.

Менафт как будто снова увидел перед собой этот трогательный маленький букетик полевых цветов. Камнерез вспомнил слезы нежной царицы, капающие на золотой лик бога-царя; вспомнил как, пошатываясь, покинула она гробницу.

Менафт потер лоб. Он хотел стереть воспоминания об этих событиях одиннадцатилетней давности. Но это ему не удалось. Образ маленькой Анхесенамон все время стоял перед глазами. Влажное от слез лицо царицы, казалось, заклинал: «Я умоляю тебя, выгони богохульников из гробницы! Они заберут у моего дорогого покойника все, в чем он нуждается для того, чтобы жить в загробном мире, как подобает царю. Помоги мне, помоги!»

Менафт вскочил в испуге. Из пролома был виден слабый свет. Голоса стали громче. Из погребального покоя его звал Мунхераб:

— Менафт, ты здесь? Осторожно, я передаю ценные вещи. Много золота! Держи, мой дорогой, вещи тяжелые!

Узел заткнул отверстие в стене. Когда Менафт потащил его в переднюю комнату, раздался металлический звон. Камнерез нагнулся и заглянул в погребальный покой. Мунхераб уже убежал. Второпях Менафт разодрал узел. Он ощутил под руками браслеты, статуэтки, ожерелья, кольца и множество других украшений и посуды. В темноте он нащупал также какой-то предмет, состоящий из многих частей, который мог быть чешуйчатым панцирем.

Он выбрал самые большие предметы и уже хотел их спрятать, когда вернулся Мунхераб со вторым узлом, который был еще тяжелее, чем первый. Мунхераб стал совать в переднюю комнату отдельные предметы: парадную одежду, булавы, мечи и другое оружие, покрытое инкрустациями из золота и драгоценных камней, а также вазы и украшения. И тотчас же убежал за новыми сокровищами. Подобно Эменефу, Мунхераба охватила жадность при виде чудесных сокровищ, которые Сейтахт выбросил из ларцов. Водонос не хотел ничего оставлять здесь. Он хватал все, что блестело как золото, а кроме того, его еще нагружал горшечник. Многие из вещей падали на землю и были забыты или растоптаны, потому что Сейтахт тем временем находил еще большие ценности, которые обязательно надо было унести. Ужас охватил Менафта, когда он понял, что сообщники хотят унести из сокровищницы большую часть богатств. После каждой партии груза, который Мунхераб, а теперь и Эменеф проталкивали ему через отверстие в стене, холм из драгоценностей поднимался все выше и выше. С лихорадочной поспешностью прятал камнерез все, что попадало ему под руки, под валявшуюся в беспорядке погребальную утварь, которую еще раньше отбросили как не имевшую ценности в сторону. Вдруг Менафт увидел какую-то вещь, которую он принял за панцирь. Он был довольно тяжелый и, казалось, на редкость ценный. Осквернители могил не должны были унести его. Камнерез тащил и дергал мнимый панцирь. Наконец он освободил его. Менафт собирался как раз спрятать панцирь, когда услышал, что один из грабителей зовет его. Камнерез быстро бросил драгоценный предмет позади себя.

В отверстие протолкнули какой-то ларчик, за ним узел, а потом в переднюю комнату пролез Сейтахт. Он высоко поднял лампу и осветил сваленные в кучу сокровища. Об Эменефе и

Мунхерабе, которые появились за ним, он не заботился. Для него существовало только золото. Глаза столяра блестели как в лихорадке. Он поднял оружие и золотую посуду так, что они заблестели в свете лампы. Вдруг он начал что-то искать вокруг себя и недовольно поднял брови.

— Куда делся парадный панцирь царя? — напустился он на Мунхераба. Теперь и водонос оглядел награбленное добро.

— Я вынес его, я уверен в этом. Но я не вижу его здесь, покажи мне его! — закричал столяр раздраженно.

Менафт до сих пор сидел на корточках возле пролома. Он понял, что подразумевал под парадным панцирем царя Сейтахт, и медленно отполз назад. Непонятный предмет, который он принял за нагрудный панцирь, оказался одним из тех драгоценных украшений, которые цари Египта надевали во время торжественных приемов. Он состоял из большого воротника-пелерины и широкой набедренной повязки из нескольких сотен золотых пластинок. Эта драгоценная вещь лежала сзади него!

У него не было времени убрать панцирь. И теперь он хотел прикрыть его своим телом. Устремив взгляд на столяра, Менафт опять подвинулся назад. Он уже почувствовал под пальцами часть парадного панциря, когда Сейтахт уставился на него. Настороженный взгляд и странное поведение Менафта показались столяру подозрительными. Он прыгнул к нему и оттолкнул в сторону.

— Проклятый вор! — закричал Сейтахт. — Самую драгоценную вещь, которую нашел я, ты хочешь присвоить себе! — И он бросился на камнереза с кулаками. Трижды кулак опускался на голову и плечи Менафта. Хотя удары почти оглушили его, все же страстное желание защитить собственность царя победило. Он бросился на драгоценную вещь и прикрыл ее своим телом.

Мунхераб и Эменef пришли на помощь Сейтахту. Они крепко держали Менафта, а столяр тем временем пытался вырвать у него драгоценность. Когда Менафт лег на спину, Сейтахт уперся ногой ему в живот. Потом он наступил на лицо камнереза и стал рвать панцирь с таким неистовством, что звенья его порвались. Но Менафт крепко вцепился в оставшуюся часть панциря. С силой, которую придало ему отчаяние, защищался он от Мунхераба и Эменefа. Вскоре то, что несколько минут назад было еще величайшим произведением ювелирного искусства, было разорвано на мелкие части.

Не помня себя от злости, бросились грабители на Менафта. Они, вероятно, убили бы его, так как его силы иссякали. Камнерез больше уже не защищался, он только думал: «Осирис, помоги мне! Помоги своему слуге Менафту! Они убивают меня.

Пошли на помощь Анубиса, или они убьют меня!» Но не бог загробного мира, не его сторожевая собака Анубис, а раб Хенум пришел на помощь страдающему камнерезу. Он услышал бешеный рев Сейтахта, а затем крики Мунхераба и Эменефа. Сначала он подумал, что оба они спорят со столяром из-за дележа добычи. Но когда он услышал шум ударов, то испугался, что трое грабителей напали на Менафта. Не колеблясь, он пополз по забитому щебнем ходу и увидел, что его предположение подтвердилось: они как раз собирались убить камнереза. Этого не должно было случиться. Камнерез разговаривал с ним как с равным.

Хенум попытался протиснуться в переднюю комнату через пролом в стене. Но это ему не удалось: слишком широки были плечи. Тогда он просунул свой огромный кулак и закричал громовым голосом:

— Оставьте его в покое, а то я переломая вам кости!

Горшечник и водонос испуганно обернулись. Они решили, что слышат голос бога мести. Сейтахт, напротив, мгновенно схватил один из найденных бронзовых мечей и швырнул его в Хенума. Оружие не достигло цели. Вслед за мечом в каменную стену ударилась статуэтка бога из слоновой кости величиной с кулак.

Сейтахт нагнулся в поисках третьего метательного снаряда.

— Свободному человеку ты хочешь переломать кости, проклятый раб? Я научу тебя...— закричал он и метнул в него тяжелую, покрытую золотом булаву. Ручка завертелась в воздухе и головка задела руку Хенума. Теперь и ему грозила опасность быть убитым, тем более что теперь уже и Мунхераб с Эменефом стали бросать в него тяжелые предметы.

— Прекратите!— закричал он.— Я пришел только затем, чтобы предупредить вас. Я видел огни в долине. Они приближаются к этой гробнице!

Эменеф выскочил вперед.

— Это жрецы! Бежим! Быстрее! Иначе нас поймают и сожгут живьем!

Горшечник вопросительно и в то же время со страхом посмотрел на Сейтахта, но в нем не было и признака испуга. Сейтахт только прищурил глаза, когда спросил Хенума:

— Откуда идут огни?

— Оттуда, где встает солнце,— соврал Хенум.

Обрадовавшись беспокойству Сейтахта, он начал сочинять дальше:

— Было много огней. В темноте они качались в воздухе. Я думаю, едут стражники с факелами!

— Это могут быть воины царя! — закричал в ужас Эменеф и отскочил к стене, которая преграждала выход.

— Останься, трус! — закричал ему вдогонку Сейтахт. — Ты хочешь бросить здесь золото? Возьми все, что можешь унести, иначе не выйдешь живым из этой гробницы!

Спокойным голосом он приказал Мунхерабу:

— Расстели парадные одежды и упакуй все, что там лежит!

Водонос причитал:

— Мне не нужно золото, оно приносит несчастье. Если это действительно всадники, то они скоро будут здесь и... — Он не смог договорить. Столяр нанес ему такой удар, от которого Мунхераб зашатался. Эменеф без возражений подчинился приказу Сейтахта, увидев, как тот выхватил из богато украшенного драгоценными камнями колчана длинную боевую стрелу и держал ее как копье, приготовленное к броску.

С большой поспешностью сокровища были завернуты в полотна, звериные шкуры и одежды, и один за другим тюки были переданы наверх Хенуму.

Теснота помещения не позволяла Хенуму повернуться. Ему пришлось протискиваться вперед ногами и при этом тащить за собой два тюка. Дорога казалась ему бесконечной. Пыль и раскаленный воздух затрудняли дыхание. Кожа его была ободрана, пот лился по лбу. Хенум проклинал и тяжелое золото и своего жадного хозяина, придворного чиновника Поа. Столяру он, в свою очередь, желал самую дурную болезнь, а себя ругал именами самых отвратительных животных, каких только знал.

И кто ему велел лезть в эту проклятую дыру! Дремать на воздухе было намного приятнее. Если бы речь шла о возвращении домой, они все равно нагрузили бы на него самый большой груз. А во всем был виноват только этот сумасшедший Менафт. Очевидно, он опять угрожал столяру мстостью богов и поэтому был побит. Теперь несчастный камнерез лежит в гробнице и, возможно, там и умрет. И ни один из его богов не поможет ему.

Хенум отдохнул немного, чтобы перевести дух, а потом опять потащил тюки. Что-то зазвенело, завязки на одном из узлов ослабели, и золотые предметы высыпались на землю. Хенум не остановился. Ноги нубийца провалились куда-то в пустоту, и он сразу же вдохнул свежий воздух. Последнее усилие — и раб оказался на свободе. Задыхаясь, бросил он тюк рядом с собой. Над ним раскинулось звездное небо. Жизнь была все-таки прекрасна! Как приятно вытянуть, наконец, затекшие руки и ноги! Во второй раз он ни за что не полезет в эту пропасть.

Из гробницы его позвали. Пусть зовут. С удовольствием он потерял руки. Тем, кто остался там внутри, он не завидовал. Им предстояло с огромным трудом тащить тяжелые тюки золота через узкие проходы. Но что же все-таки случилось с камнерезом? Ведь он был избит до полусмерти. Собственными силами ему не выбраться из этой ужасной тюрьмы.

Хенум озабоченно нахмурил лоб. Менафта ему было жаль. Он охотно помог бы ему, но не знал, как это сделать.

Словно в поисках совета, Хенум задумчиво посмотрел на усеянное сверкающими звездами небо. При этом он вспомнил о той небылице про приближающиеся огни, которую он рассказывал своим сообщникам в гробнице. Почему нельзя прибавить кое-что новое к этой сказке? Он мог бы сказать, что прибыли всадники, от которых ему пришлось бежать. Или еще лучше: он убежал, отвлекая всадников от гробницы, чтобы грабители могли безнаказанно унести добычу в безопасное место. Этому они определенно поверят и будут ему вдобавок благодарны. В действительности он хотел просто спрятаться поблизости от гробницы, чтобы после ухода сообщников освободить камнереза Менафта.

Довольный этой счастливой идеей, Хенум рассмеялся своим особенным, булькающим смехом, который, казалось, исходил из живота. Завтра его уже никто не сможет уличить, врал он или говорил правду.

Сейтахт неистовствовал. Мунхераб и Эменеф кричали до хрипоты. Ничто не помогало. Снаружи не раздавалось никакого ответа. Хенум не давал о себе знать. Может быть, его уже схватили всадники? Или жрецы Города мертвых?

Горшечник высказал это предположение первым. Сейтахт сначала дико уставился на него, но потом сам стал озабоченно прислушиваться. Ни единого звука не раздавалось у входа в гробницу.

Должно быть, там было что-то неладно, иначе Хенум обязательно откликнулся бы. Убежать он определенно не мог. Этот раб скорее дал бы себя сожрать крокодилу, чем послушался своего господина. Может быть, теперь стража устроила засаду у входа? Вполне возможно, что эти люди были врагами царского писца Поа, которые каким-либо образом узнали о его намерении ограбить гробницу Тутанхамона с помощью доверенных лиц. Полный страшных предчувствий, Сейтахт посылал страшные проклятия. Горе ему и его спутникам, если его предположение оправдается! И все же он не желал ждать здесь вечность. Он хотел удостовериться в этом, и немедленно.

Один из них должен сейчас проползти по проходу.

Менафт?

Он лежал как мертвый на куче царской одежды.

Эменеф?

Он трясся от страха. Мунхераб сидел, согнувшись, на земле и визжал, как собака под плетью.

Ни один из этих трех жалких людишек не отважился выйти наружу. Если ему уготована смерть, он не сможет ее избежать.

Сейтахт подал знак горшечнику.

— Я полезу наружу и возьму с собой один тюк золота. Если я позову вас — значит опасности нет. Но если закричу: «Могущественный Птах!» — тогда плачьте о великом мастере, так как я буду мертв.

— А что будет с нами? — со страхом прошептал Эменеф.

Сейтахт язвительно засмеялся.

— Об этом вы должны спросить Менафга. Он хороший друг богов. Может быть, он сумеет уломать одного из них, и тот спрячет вас. — Потом он подтянул ноги и пополз в темный проход.

Тюк, который столяр перед тем протолкнул в дыру, он двигал перед собой, как щит. Сейтахт лелеял слабую надежду с помощью этого тюка сохранить себе жизнь. Если он с силой вытолкнет его из выхода, золото посыплется на землю и, возможно, отвлечет бдительность караулящих его врагов. Воины, несомненно, никогда в жизни не видели таких драгоценностей. Если бы они бросились на них, то ему, возможно, удалось бы убежать в суматохе. Но если его подкарауливали жрецы, то спасения нет. Жрецы царского Города мертвых привыкли к виду золотых сокровищ гробниц.

Дорога через узкий душный туннель казалась столяру бесконечной. Он жаждал развязки. Но золотой груз был тяжел. Временами он цеплялся за острые камни, и столяру еле удавалось снова освободить его. Задышавшись, он остановился и уперся лбом в свою носу. Пыль забила в легкие, разъедала глаза. Сейтахт думал, что задохнется, и проклинал это золото. В тысячу раз больше отдал бы он теперь за то, чтобы быть как можно дальше от этой проклятой гробницы.

В бессильной ярости столяр бил кулаком по сокровищу, ради которого поставил на карту свою жизнь. Вдруг тюк попался вперед — туннель кончился.

Сейтахт напряженно прислушался. Сердце готово было выскочить у него из груди. Кровь стучала в висках. Он не воспри-

нимал ничего, кроме этого непрерывного стука. Снаружи его, наверное, подкарауливали мстители.

Протянув руки, Сейтахт дрожащими пальцами развязал узел. Его содержимое должно было вылиться наружу, как бурный поток. Он последний раз изо всех сил толкнул тюк. Золото зазвенело по ступеням. В ночной тишине это походило на бряцание оружием. Потом дребезжание прекратилось. Не было слышно ни звука. Ни один страж не выскочил из своего укрытия. Или ожидали его появления?

Холодный пот выступил на лбу у столяра. Сейчас должно было выясниться, суждена ли ему смерть. Он чувствовал себя хищником, попавшим в западню.

Чего же он ждал? Боялся? Он всегда ненавидел трусов.

Стремительно ринулся Сейтахт в пустоту. Перекувыркнувшись через голову, он упал на золотую утварь и уставился на звездное небо. «Всемогущий Птах, благодарю тебя!» — подумал он и даже усмехнулся этой поспешной молитве. Птах, защитник Египта, и не подумал бы спасти осквернителя могил от смертельной опасности. Скорее он мог надеяться на духа-хранителя, потому что был великим художником.

И завтра ночью ему, может быть, удастся пронести алебастровые сосуды с драгоценными благовонным маслом и эссенциями.

Но куда же девался Хенум? Два узла с золотом, которые притащил нубиец, лежали на первой ступеньке лестницы. Если бы стражи схватили и увели раба, то не оставили бы, наверное, без внимания драгоценные тюки. Или они намеренно хотели ввести в заблуждение сообщников Хенума?

Следовало быть крайне осторожным, так как стражи вполне могли скрываться поблизости.

Согнувшись, и так тихо, как только мог, Сейтахт поднялся по ступеням. Наверху он прислушался затаив дыхание. Ни малейшего шороха не было слышно. Сейтахт огляделся вокруг, но не заметил ничего подозрительного. Тогда столяр отошел на несколько шагов от входа в гробницу, готовый исчезнуть в темноте, если покажется подозрительная тень.

Но ничего не произошло.

— Хенум! — позвал он приглушенно в ночную тишину. И еще раз уже громче: — Хенум!

Никакого ответа.

В задумчивости он спустился вниз к входу в гробницу и позвал товарищей. Столяр слышал, как они обрадовались, и поспешно поползли по туннелю.

— Вы взяли золото? — закричал Сейтахт в пролом.—

Я не советовал бы вам возвращаться с пустыми руками, иначе вам не видеть неба!

Он слышал, как они с проклятиями быстро полезли назад.

Если бы он дольше остался у входа, то мог бы услышать, как Мунхераб сказал горшечнику:

— По дороге к твоей хижине я убью его, клянусь тебе. Золото для него важнее, чем наши жизни.

Сейтахт был уже занят тем, что собирал добычу, разбросанную по земле.

Менафт очнулся от глубокого обморока. Непроницаемая тьма окружала его. Не на том ли он уже свете? Оцепенев от ужаса, камнерез прислушался, но услышал только свое тяжелое дыхание. Он хотел было подняться, но ощутил резкую боль в груди. Вероятно, ему сломали несколько ребер. Голова горела как в огне. Он попытался вытянуть правую ногу и совсем не почувствовал ее. Руки, лицо, спина — все было сильно разбито. Только левой рукой он мог двигать безболезненно. Менафт хотел узнать, где он находится, и ощупывал землю вокруг себя. Прежде всего камнерезу попалась ручка от какой-то вазы, потом его пальцы скользнули по крышке ларца и, наконец, нашли туго набитый узел.

Теперь Менафт понял все.

Этот узел осквернители могил оставили. И его тоже.

Он был один в гробнице!

Когда утром на востоке поднимется бог солнца, стражи и жрецы Города мертвых увидят пролом в замурованном входе и начнут осмотр гробницы. Если они найдут его здесь, то ему предстоят ужасные пытки. Он должен покинуть эту гробницу или убить себя.

Несмотря на страшную боль, Менафт облокотился на левую руку и попытался медленно ползти. Ему удалось сделать небольшое движение, и он с радостью почувствовал, что может двигать и левой ногой. Но тут у него от боли захватило дух, голова закружилась, и он опустился на землю. Некоторое время камнерез лежал неподвижно, собираясь с силами. Но потом ему пришлось на ум, что отверстие в стене пробито слишком высоко, а сам он без посторонней помощи не сможет влезть наверх.

Отчаяние охватило Менафта. Как несправедливы боги, что так наказали его, а настоящим преступникам позволили скрыться! Он один защищал собственность царя-бога Тутанхамона и теперь лежит здесь беспомощный. Видит ли кто-нибудь из многочисленных богов его бедственное положение? Может,

все они лишь выдумка людей? Или есть только один владыка над небом и землей? И он помогает лишь тем, кто в него верит?

Камнерез поднял левую руку вверх и крикнул неведомому богу:

— Ты, которого я никогда еще не видел! Умоляю тебя, помоги мне, чтобы я смог узнать о твоей власти над слепыми и глухими богами из дерева и камня!

Крик о помощи замер вдали. Менафт все еще держал руку над головой. Он надеялся, что с минуты на минуту он будет вознесен наверх незнакомым единственным богом. Но ничего не чувствовал.

Следовательно, никакого бога вообще не существовало!

В отчаянии камнерез опустил руку. Зачем он сопротивлялся осквернителям могил? Если бы он помогал им, то был бы теперь уже на свободе и к тому же богатым человеком.

Ни один бог еще не вознаградил добро и не покарал зло. Только люди судили друг друга. И его, камнереза Менафта, они осудят жестоко.

Страх от сознания, что его ждет наказание, был так силен, что Менафт заплакал. Щеки стали мокрые от слез, и камнерез устало поднял руку, чтобы вытереть их. Вдруг он застыл. До него донесся шорох. Какой-то человек пролезал в отверстие стены.

Потом Менафт отчетливо услышал, как неизвестный протискивался сквозь туннель. Он приближался, тяжело сопя.

Теперь он позвал его:

— Менафт, ты жив еще? Это я, Хенум! Я хочу вынести тебя!

Менафт пошевелил губами, но язык не слушался его. Радость была слишком велика. Неизвестный бог услышал его молитву и прислал своего слугу Хенума, раба! Нубиец закричал в пролом:

— Менафт! Отвечай! Скоро наступит день. Мы должны уходить!

Наконец-то Менафт вышел из оцепенения.

— Я здесь,— прошептал он.— Иди сюда, добрый человек... и помоги мне встать!

— Это они так избили тебя?— удивился Хенум.— Да, трудно будет тебя вынести. Я должен сначала увеличить дыру.

И он изо всех сил стал трясти камни, мешавшие проходу.

Менафт слышал тяжелое дыхание нубийца и звук падающих камней.

Его спаситель карабкался через пролом. Он ощупью добрался до него, поднял Менафта и понес.

С удивлением услышал он шепот камнереза:

— Я благодарю тебя, единственный владыка земли и неба.

Хенум решил, что Менафт просто бредит в лихорадке, так как о единственном владыке земли и неба он еще никогда ничего не слышал...

Утреннее солнце уже высоко стояло над скалистыми горами, когда Минхун, страж гробниц в царском некрополе, добрался, наконец, до дома главного надзирателя Города мертвых, Небхера. Он чуть не падал от изнеможения. Дальний путь из Долины царей он проделал, состязаясь с солнцем. Чем выше оно поднималось, тем сильнее становился его страх получить от своего господина ударов розог больше, чем может вынести человек.

Минхун совсем не чувствовал себя виновным в том, что прошедшей ночью дерзкие грабители очистили гробницу фараона Тутанхамона. Он приготовился вчера, как и всегда с заходом солнца, отправиться со своими товарищами в ночной дозор в Город мертвых. Они уже зажгли факелы и надели колчаны, когда появился их начальник, дозорный Энемпсес, и обратился к ним с длинной речью. Он говорил о строгих обязанностях стражей гробниц, о том, что их служба в Городе мертвых — это в то же время служение богам. И никто из них не смеет и помышлять о том, чтобы спать ночью, так как боги слышат и видят все. Они назовут имя забывшего свой долг стража своим жрецам, и те беспощадно его накажут.

Все, что сказал Энемпсес, было и без того известно каждому из них. Все они были удивлены, почему дозорный об этом так долго говорил. И еще больше они удивились, когда, помимо угроз, он начал хвалить их за усердие и подарил полный бурдюк вина. Каждый мог пить сколько ему угодно. Тех, кто пил мало, Энемпсес даже поощрял подкрепиться перед тяжелой ночной службой.

Вино имело странный привкус. Уже после нескольких глотков Минхун почувствовал непреодолимое желание спать и видел товарищей словно в тумане. О том, что произошло дальше, он не мог уже вспомнить.

В предрассветных сумерках его разбудили шаги Энемпсеса. Как взбесившийся бык, неистовствовал дозорный, а потом поклялся, что каждый из перепившихся стражей получит пятьдесят ударов розгами по подошвам ног. Он выгнал их дубинкой и потребовал, чтобы стражи тотчас же осмотрели все царские

гробницы в долине. И тогда Минхун обнаружил нечто ужасное: гробница Тутанхамона была взломана! Добыча грабителей была так велика, что много золотых предметов из погребальной утвари было брошено перед входом.

Очень странно встретил Энемпсес это ужасное известие: он даже бровью не повел. Он только спросил, не видел ли Минхун кого-либо из жрецов в долине, и после этого приказал ему так быстро, как он только мог, уведомить главного надзирателя Небхера.

Пошатываясь от усталости, Минхун приближался теперь к воротам дома, в котором жил чиновник. Страж пристально вглядывался в стену дома, будто он мог проникнуть туда и узнать, как примет Небхер известие. Минхун страстно желал, чтобы высокий господин хорошо отдохнул и пребывал в прекрасном настроении.

Небхер был известен как вспыльчивый человек. Многих стражей он приказывал бить из-за ничтожных провинностей до тех пор, пока у бедняги не трескалась кожа. Других за подобную же вину наказывал лишь пинком ноги.

Из ворот дома вышел раб. Минхун спросил его приглушенным от страха голосом:

— Скажи мне, друг, куда посмотрел сначала твой господин после пробуждения? На запад или на восток?

— Этого я не могу тебе сказать, — ответил раб. — Ты здесь чужой. Господин может наказать меня, если я расскажу тебе, что ему указали боги.

Минхун умоляюще сложил руки.

— Поверь мне, мой дорогой, я не выдам тебя. Ты можешь мне даже не говорить, а только намекнуть. Укажи пальцем направление, прошу тебя!

Раб лукаво хихикнул.

— Ты хитрый человек. Но я окажу тебе такую любезность — смотри сюда... — Он указал на восток. — Туда повернул свой лик мой господин. Это означает добрую весть для него.

Минхун застонал, словно от боли. Он закрыл лицо руками и поднял его к солнцу:

— Да защитит меня огненный бог там наверху, так как я принсс очень плохое известие.

Раб хотел было задать вопрос, но его оттолкнул пузатый мужчина, незаметно вышедший из дому. Он стоял теперь, широко расставив ноги, ковыряя ногтем между зубами, и, жмурясь, рассматривал Минхуна, который все еще прикрывал руками лицо.

— Кто этот человек? — напустился толстяк на раба.

При звуке чужого голоса Минхун посмотрел вверх.

Перед ним стоял сам главный надзиратель Города мертвых Небхер.

Страж тотчас же бросился на землю. Он услышал ответ раба и решил, что солнце затмили тучи. Теперь он почувствовал, как его ударили ногой по плечу — это означало, что ему велено говорить.

— Великий господин! — страж хрипел от волнения. — Твой преданный слуга Энемпсес послал меня к тебе. Я должен сообщить тебе, что сегодня ночью ограбили одну из царских могил.

Минхун ждал, что его ударят головой о каменную плиту. Но когда этого не случилось, он осмелился взглянуть на ноги Небхера. Они стояли неподвижно. Сверху прозвучал голос чиновника.

— Какую гробницу?

В его голосе не слышалось гнева. Минхун поднял глаза еще выше. Он увидел Небхера, который смотрел вдаль, и отважился прошептать:

— Гробницу царя-бога Тутанхамона, великий господин.

От страха он втянул голову в плечи, но Небхер продолжал ковырять ногтем между зубами. Он произнес монотонно, словно во сне:

— Следовало бы вас всех, включая дозорного Энемпсеса, посадить на кол. — После небольшой паузы последовал новый вопрос: — Сколько золота похитили проклятые собаки из гробницы?

Минхун вздохнул.

— Не знаю, великий господин. Но я думаю... Должно быть... очень много, так как часть драгоценностей они бросили перед входом.

— Ты ничего не знаешь и смеешь сюда являться?! — закричал внезапно главный надзиратель гробниц. Его голос сорвался от гнева. — Я велю тебя отстегать плетью, чтобы ты запомнил, как приносить неточные известия!

Минхун умоляюще протянул к нему руки.

— Великий господин, прости меня, я не виновен! Твой слуга Энемпсес так спешил послать меня к тебе, что даже не дал стражам времени обследовать гробницу.

Дерзкий ответ, казалось, сбил с толку Небхера. Он некоторое время пристально смотрел на распластавшегося перед ним стража, словно хотел броситься на него, потом внезапно повернулся к рабу и потребовал неожиданно спокойно:

— Запрягай самых быстрых лошадей в мою охотничью колесницу. Поспешите. Я должен тотчас же ехать в Долину царей.

Энемпсес стоял перед спуском в гробницу. Он нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Жара стала невыносимой, а легкое дуновение ветерка, которое создавал раб, обмахивая его опахалом из пальмовых листьев, почти совсем не освежало.

На почтительном расстоянии от своего начальника стояло несколько стражей. Им было ясно, что Энемпсес ждет вестника от главного надзирателя, и они шепотом строили предположения о приказе, который этот вестник привезет. Может быть, вестник привезет приказ, предписывающий наказать всех стражей ударами розог. И им придется вынести их, даже не смея защищаться, хотя виною этого нового ограбления была не их невнимательность. Во всем виноват был один Энемпсес.

Почему вчера вечером он выдал им так много вина? То, что это не было случайностью, понял даже самый глупый из них. Всегда перед тем, как грабители посещали ночью Город мертвых, начальство отдавало какие-то странные приказания. Так, например, перед ограблением одной из самых богатых царских гробниц стражам было приказано занять все горные тропы в окрестности. И в эту самую ночь банда грабителей прошла в долину по неохраняемой основной дороге.

Но кто осмелится открыто высказать подозрение, что один из высших чиновников покровительствует вору? Такой наглец, вероятно, вскоре будет найден мертвым где-нибудь в ущелье. Гораздо умнее было держать язык за зубами и претерпеть наказание, даже будучи невиновным.

Дозорный Энемпсес пользовался покровительством главного надзирателя Небхера, а тот, в свою очередь, имел хорошего защитника — могущественного придворного чиновника Поа. А одного только легкого кивка Поа было достаточно, чтобы дерзкий умолк навеки.

Поэтому подчиненные дозорного Энемпсеса покорно ожидали своей участи. Но вместо гонца они увидели приближающееся облако пыли и вскоре узнали охотничью колесницу главного надзирателя. Четверка чистокровных лошадей тащила легкую повозку.

Небхер сам горячил лошадей. Как бог мести, летел он в Долину царей. Это означало самое худшее!

Стражи испуганно отступили назад, когда Небхер, натянув поводья, остановился у входа в гробницу. Он милостиво позволил Энемпсесу помочь ему сойти с колесницы, не удостоив, однако, ревностного слугу ни единым взглядом и ни единым приветствием. Он так надувал щеки, словно готов был лопнуть от злости. С минуту Небхер стоял молча, уставившись на сту-

пени, ведущие к гробнице, как бы усиленно вспоминая, зачем он приехал сюда. Потом быстрым движением вытер пот с затылка черепа и проворно спустился по ступеням.

Бросив беглый взгляд на стражей, Энемпсес последовал за ним. Однако стражи неверно поняли его и подошли поближе. Движением руки Энемпсес отослал их обратно. По его лицу сначала нельзя было понять, гнев или страх владеет им. Лишь когда он остановился на нижней ступеньке лестницы перед замурованным входом, неподвижное выражение его лица изменилось. Он улыбнулся своему начальнику как человек, уверенный в том, что его ждет похвала.

— Великий господин,— сказал он, насмешливо поклонившись.— Я надеюсь, ты доволен мной.

Толстый главный надзиратель поднял коротенькую руку, словно для удара, и злобно прошипел:

— Ты что, смеешься надо мной? Посылаешь ко мне идиота, который даже не может сказать, сколько золота вынесли из этой гробницы. Или ты собрался присвоить себе часть нагребленного?

Насмешливо улыбаясь, Энемпсес показал на несколько золотых предметов из погребальной утвари, валявшихся на земле:

— Господин, посмотри, что здесь лежит, и повтори, что я нечестен. Разве я не мог спрятать эти вещи до твоего приезда? Я говорю тебе, что столяр Сейтахт хорошо потрудился. Бедняга нашел, должно быть, столько золота, что эти драгоценности показались ему не стоящими внимания.

Небхер удивленно посмотрел на дозорного.

— Почему ты говоришь — бедняга? Этот человек получит свою часть. Господин Поа еще никогда не обманывал честного слугу.

Энемпсес внимательно посмотрел вверх, но не заметил никого, кто мог бы его подслушать. И все же он наклонился еще ниже к Небхеру:

— Сейтахта убили сегодня ночью,— прошептал он.— Труп нашел мой раб-лодочник. Перед восходом солнца я послал его замести следы Сейтахта. Я был осторожен, как всегда.

— Раб еще сегодня должен лишиться языка! — прошептал Небхер.— Ты слышишь? Сегодня же. Он не должен говорить!

Энемпсес опять оскалил зубы.

— Успокойся, господин. Мне не нужны рабы, которые мо-

гут разговаривать. Ни у кого из моих рабов нет языка. А я никому не расскажу, что сам похоронил столяра.

— Это ты сделал? — удивился Небхер.

— Да, я. Или мне надо было оставить его лежать до тех пор, пока прилетят коршуны и оповестят о случившемся? Мы можем радоваться, что избавились от главного свидетеля. А кроме того, теперь наша доля возрастет.

Небхер застонал и снова вытер пот с головы.

— Это меня мало радует. Сейтахт был прославленный мастер. Его будут искать. А это может доставить нам неприятности. Камнерезу Менафту я совсем не доверяю. У него в голове никогда не было порядка. Может быть, это он убил Сейтахта?

— Для нас это теперь безразлично, господин. И ты ведь вовсе не поэтому утруждал себя приездом, не так ли?

Главный надзиратель ничего не ответил. Проявив внезапно необыкновенное усердие, он внимательно осмотрел пролом в замурованном входе и сказал:

— Послушай, Энемпсес, твои люди должны сейчас же проникнуть в гробницу и привести там все в порядок. А то, что лежит вокруг, нужно побыстрее убрать. Потом вели замуровать проломы и запечатать печатью Города мертвых. Если жрецы узнают, что эта гробница была тоже взломана, ты скажешь им, что в ней все цело, так как твои люди своевременно прогнали воров. Ты понял?

Энемпсес поклонился.

— Все будет так, как ты сказал, господин. Мои стражники будут счастливы, если я не накажу их на этот раз плетьюми.

— Это хорошо. Я доверяю тебе,—пробормотал главный надзиратель и собрался идти. На третьей ступеньке он остановился. Прищуриль глаза, он указал на золотые вещи на земле.

— Что с ними делать? Надеюсь, ты не оставишь их здесь?

Энемпсес клятвенно прижал руку к сердцу и сказал с притворной серьезностью:

— Господин, мои стражи будут свидетелями, что я велю убрать в гробницу это золото. Они должны видеть, какой я честный человек.

Небхер задумчиво покачал головой. При этом он облизнул губы и с трудом оторвал взгляд от золота.

— Жаль, жаль,—пробормотал он.—Некоторые из этих вещей мне пришлось бы по вкусу.

Дозорный, словно приняв внезапное решение, вскочил на

две ступеньки. Он заставил Небхера посмотреть ему прямо в глаза и хрипло проговорил:

— Мы можем иметь более ценные вещи, господин, чем это золото. Ты же знаешь, сколько ароматных эссенций и благовонных масел ставили в гробницы царям. Пришли мне сегодня ночью трех своих самых надежных рабов, и я разделю с тобой поровну эти сокровища. До сих пор драгоценные масла наши повелители всегда оставляли для себя. Почему не должны на этот раз мы...

Движением руки Небхер прервал его, посмотрел вверх и тихо сказал:

— А где будут твои стражи, когда придут мои рабы?

— Они будут праздновать, господин. Для этого у них будет достаточно причин — ведь я освобожу их от наказания.

— Хорошо. Я полагаюсь на твой ум, Энемпсес. А теперь вели скорее привести все в порядок. Потом замуруешь и печатаешь дыры. Ночью ты легко сможешь их опять открыть, когда придешь за благовонным маслом. Но потом ты должен будешь вторично закрыть и опечатать вход. Тебе все ясно?

На этот раз Энемпсес поклонился церемонно и еще ниже, чем прежде:

— Все будет сделано так, как велит твоя мудрость. Прежде чем божественный диск солнца достигнет зенита, стена будет в первый раз замурована и опечатана.

Воздух в долине мерцал от полуденного зноя, когда верховный жрец Ментуфер во главе отряда своих подчиненных приискал в Долину царей. В храме бога Амона-Ра он получил известие о новом ограблении гробницы и тотчас же прервал ежедневное богослужение. Амон-Ра был оскорблен самым ужасным образом, так как царь Тутанхамон, гробница которого оказалась опозоренной, носил имя этого божества.

На этот раз нужно было сделать все, чтобы разыскать преступника. Ментуфер намеревался лично доложить об этом новому владыке Египта — фараону Хoremхебу. Если даже грабителей захотят покрыть высшие чиновники государства, фараон не должен быть снисходительным. Со всей суровостью закона должны быть наказаны разбойники и их покровители.

Ментуфер был похож на бога мести. Беспрерывно бормотал он заклинания и молитвы. Амон-Ра непременно услышит своего преданного слугу и не откажет ему в помощи.

Темные глаза верховного жреца были широко открыты, его

пристальный взор обращен вдаль. Он не чувствовал ни солнечного зноя, ни жажды, ни усталости.

Сопровождавшие его жрецы, напротив, стонали от полуденного зноя. В горле у них пересохло, глаза болели от яркого света и дорожной пыли. Им казалось бессмысленным переносить такие мучения из-за какой-то одной ограбленной гробницы. А как прекрасен был покой в холодке храма!

Такой незначительный царь, каким был этот Тутанхамон, не заслуживал того, чтобы обращать на него столько внимания. Его гробница была ограблена. Теперь это требовало расследования. А каков будет результат? В ответ только плечами пожмут, как всегда, когда грабители посетят одну из царских гробниц. Ментуфер не слышал их брюзжания. Глаза его горели. Лошадь остановилась. Стражи Города мертвых проводили верховного жреца на место последнего преступления. С глубокими поклонами приблизился к нему Энемпсес.

Ментуфер протянул руку в сторону отвешивающего поклоны дозорного.

— Гнев карающего бога да поразит тебя, потому что ты виновен в содеянном.

Дозорный простер ладони к солнцу:

— Огненный бог, который все видит и все знает, может подтвердить, что я сделал все, чтобы помешать разбойникам проникнуть в гробницу божественного Тутанхамона.

— И все же это случилось! — рассердился Ментуфер. — Тебя привлекут к ответу, в этом я клянусь тебе именем высшего божества, которому я служу.

Стражники смотрели испуганно. Их господин Энемпсес публично обвинен верховным жрецом!

Жрецы позади него гудели хором.

— Жалоба будет подана на Энемпсеса, дозорного!

Энемпсес разглядывал толпу одетых в белое людей без всякого страха. Он читал по их лицам, как безразлично им волнение их верховного жреца. А то, что они произнесли обычную формулу приговора, мало что значило. Они пришли не за тем, чтобы задержать его, иначе их сопровождали бы воины царя. Из этого он заключил, что Ментуфер знал не больше любого его стража: воры были в гробнице Тутанхамона.

Но кто их направил туда, Ментуфер доказать не мог, хотя, наверное, догадывался.

С уверенностью человека, который не чувствовал за собой вины, Энемпсес подошел к толпе жрецов и произнес громким голосом:

— Ложь тайно выпускает ядовитые стрелы клеветы. Неужели я должен поверить, будто святые слуги Амона-Ра оказались настолько несправедливы, что выслушали клевету, не разобравшись в случившемся?

Энемпсес намеренно обратился не к верховному жрецу, а к его подчиненным. Он хотел скомпрометировать Ментуфера, разоблачив его как человека, который выносит обвинение без достаточных оснований. Таким образом он хотел нанести удар ненавистному шпиону Ментуферу.

План дозорного, казалось, удался. Жрецы стали возбужденно перешептываться между собой. Равнодушные свидетели превратились в заинтересованных судей.

Энемпсес использовал новую ситуацию наилучшим образом. Он стал как оратор перед толпой жрецов, отделив тем самым Ментуфера от его подчиненных.

Верховный жрец озадаченно сморщил лоб. Он стоял как обвиняемый перед этим презренным лицемером Энемпсесом. Это ожесточило жреца настолько, что он потерял все свое самообладание.

— У тебя изворотливый язык, но я не дам ввести себя в заблуждение! — закричал он. — Я знаю, ты покровительствуешь грабителям. С тех пор как ты стал дозорным в Городе мертвых, гробницы царей все время в опасности. Но это новое преступление в гробнице божественного Тутанхамона должно стать также последним. Я пойду к царю и доложу ему, что знаю виновных.

С внушающим уважение спокойствием Энемпсес поднял руки. Казалось, он хотел поклясться богу:

— Высокий слуга богов! Твой гнев справедлив, но ты говоришь так, как будто я один тысячу лет охраняю все царские гробницы Египта. Уже с давних времен бессильны стражи против хитрости грабителей. Самые могущественные цари тщетно набирали армии надсмотрщиков. Как же я с моим маленьким отрядом должен охранять эту обширную долину?

Мы ведь не боги, чтобы видеть в темноте, как днем. Мы освещаем факелами каждую гробницу и спугнули уже немало грабителей.

— Да. А сегодня ночью твои люди были слепы по твоему же приказу! — закричал Ментуфер. — Иначе грабители не смогли бы беспрепятственно взломать гробницу.

Впервые Энемпсес почувствовал неуверенность. Знал ли уже верховный жрец, что стражей опоили? От кого он мог узнать об этом?

Взгляд Энемпсеса настороженно скользнул по лицам подчиненных. Все они со страхом смотрели на него. Никто не опустил глаз с тайным сознанием своей вины. Нет, среди его людей не было предателя.

С притворным удивлением Энемпсес повернулся к отряду жрецов:

— Кто из вас знает лжеца, который рассказал, будто здесь была беспрепятственно взломана гробница?

Не дождавшись ответа, Энемпсес быстро повернулся опять к Ментуферу.

— Тебя тоже известили, что гробница была ограблена.— Дозорный снова не стал ждать ответа и, хлопнув себя ладонью по лбу, произнес: — Только теперь я понял, почему ты обвиняешь меня! Ты решил, что грабители унесли сокровища, оставшись незамеченными! Иди, господин! Иди! Я покажу тебе, что случилось на самом деле.

Ментуфер смотрел в растерянности на своих жрецов, потом на стражей и позволил даже Энемпсесу схватить себя за руку. Но он позволил ему тащить себя только до первой ступеньки и тут же вырвался.

— Может быть, ты хочешь сказать мне, что ничего не случилось? — спросил он злобно.

— Нет, тогда я оказался бы лжецом! — крикнул Энемпсес.— Но если ты взглянешь на замурованный вход, то увидишь свежую штукатурку и оттиски печатей Города мертвых. Мы вовремя прогнали разбойников. Они как раз пробили дыру в стене. Услышав шум, мои стражи прибежали к гробнице, а грабители обратились в бегство. Одному из них я сам запустил факелом в голову. Должно быть, я сильно опалил ему волосы. Сегодня я еще осмотрю окрестные деревни. И горе отмеченному мной злодею, если мы его найдем.

Ментуфер непрерывно смотрел на вход в гробницу. Дозорный говорил убедительно. Там, внизу, ничто не говорило о том, что разбойникам сопутствовала удача. Влажное пятно на стене было невелико. Грабители, видимо, не успели расширить пролом.

Теперь жрецы тоже подошли к входу. Энемпсес предлагал каждого, кто пожелает, проводить вниз, чтобы тот смог осмотреть замурованное отверстие. Но никто не воспользовался его предложением. Видимо, все они думали одно и то же: для чего спускаться шестнадцать ступенек вниз, а потом опять подниматься, если и без того ничего не случилось?

Только один Ментуфер пока еще не верил, что гробница не

тронуто. Спокойным движением руки он прервал речь дозорного.

— Ты должен был очень спешить, чтобы замуровать и опечатать лазейку. Почему ты не подождал моего прибытия?

— Потому что гробница не была осквернена,— ответил не теряющий присутствия духа дозорный.— А как дозорный я обязан следить за хорошим состоянием всех гробниц.

— Но все же ты должен был сначала уведомить меня, ибо только я один могу решить, осквернена или нет гробница.

Ментуфер надеялся, что теперь дозорный начнет смущенно оправдываться. Но Ментуфер опять ошибся. Энемпсес без промедления ответил:

— Если мое усердие возбудило твои подозрения, тогда убедись сам в правдивости моих слов. Ты один, как верховный жрец, имеешь право открыть гробницу. Поступай так, как велит тебе совесть. Прикажи своим жрецам взломать замурованный вход.

И, словно желая доказать, что его намерения серьезны, Энемпсес крикнул стражам:

— Принесите инструменты! Высокий слуга бога желает нарушить покой божественного Тутанхамона.

Потом он повернулся к жрецам и сказал с притворной скорбью:

— Извините, что я не смогу помочь вам в предстоящей работе. Я вовсе не хочу, чтобы после смерти меня привлекли за это к ответу.

На лицах жрецов отразилась крайняя неловкость. Они растерянно смотрели то на Ментуфера, то на Энемпсеса. Старший из них выступил вперед, положил тыльную часть руки на лоб и сказал Ментуферу:

— Да озарит тебя бог, чтобы ты мог правильно решить, является ли нарушение покоя мертвого царя святотатством, или нет.

Ментуфер крепко сжал губы. Незаметно для других под складками одежды он сжал руки в кулаки. Если он решится вскрыть гробницу и окажется, что там ничего не тронуто, вышший совет жрецов в Фивах призовет его к ответу.

Ментуфер заставил себя улыбнуться. Все еще пряча сжатую в кулак левую руку, он поднял правую:

— Энемпсес, я устроил тебе строгую проверку, и ты справился. В твоих речах я не слышал упрямства и злобы. Ты верный слуга государства, и я буду прославлять твою непоколебимую веру в богов.

Дозорный глубоко склонился перед Ментуфером. Втайне он благодарил духа-покровителя всех воров и мошенников, который так смело заступился за него. А ведь Энемпсес уже собирался бежать, если бы верховный жрец приказал вскрыть гробницу. Но теперь высокий слуга Амона-Ра открыто признал свое поражение.

Склонив голову, Энемпсес сказал:

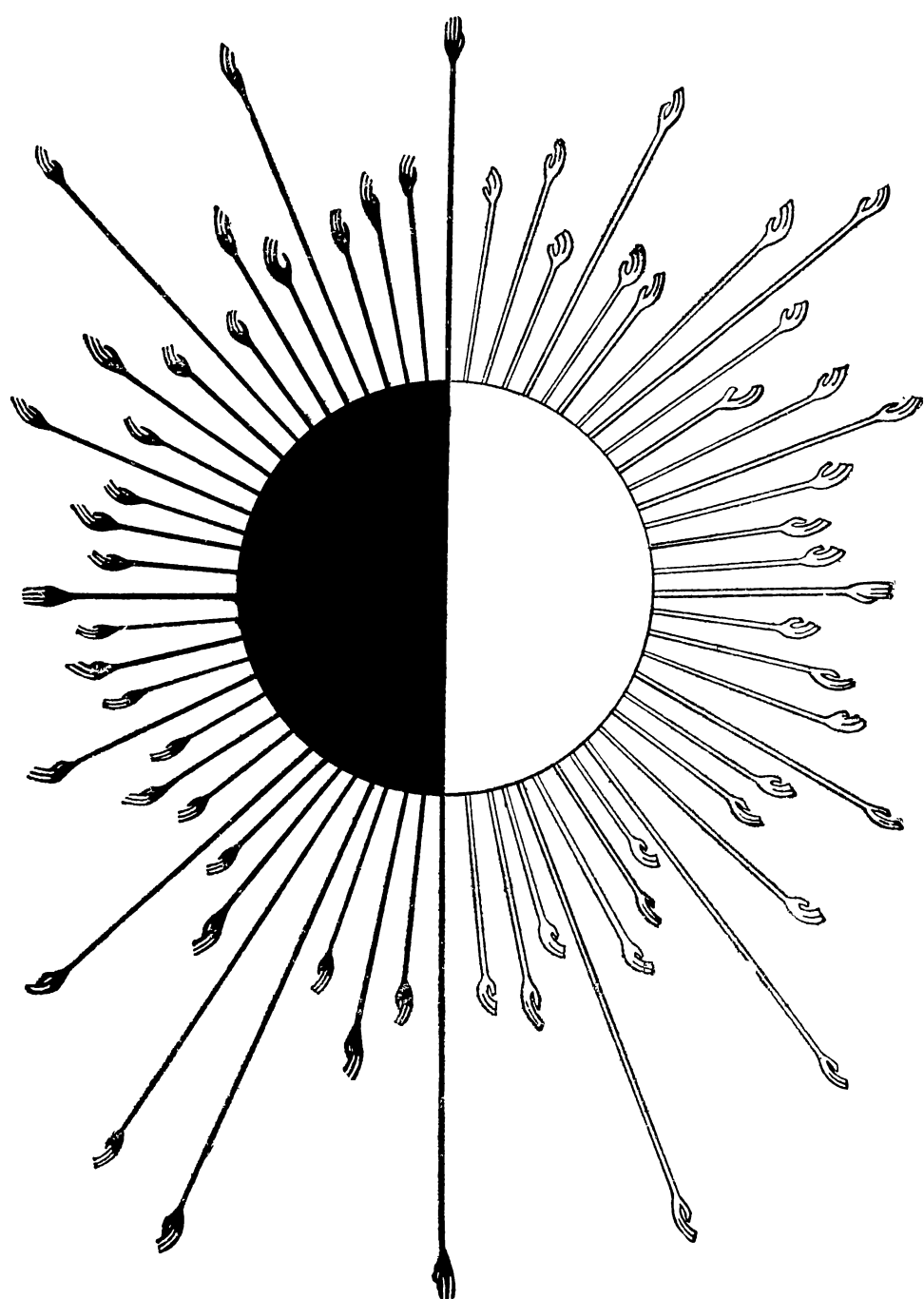
— Удивительна твоя мудрость, господин. Ты читаешь в словах людей, как в книге. Итак, ты знаешь, что я решил засыпать вход в гробницу. Камни и землю следует утрамбовать, а когда пыль пустыни покроет их, то это жилище мертвых будет навеки предано забвению.

С трудом сдерживая ярость, верховный жрец наклонил голову. В душе он желал, чтобы его взгляд превратился в стрелу, которая пронзила бы лживого дозорного. Но он позволил себе только заметить спокойным, полным достоинства голосом:

— Твой план хорош, Энемпсес. Награду за труды ты когда-нибудь получишь на том свете от Осириса.

**ВОЛШЕБНАЯ
СТРАНА
НА НИЛЕ**

АРМИЯ НАПОЛЕОНА ИДЕТ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ

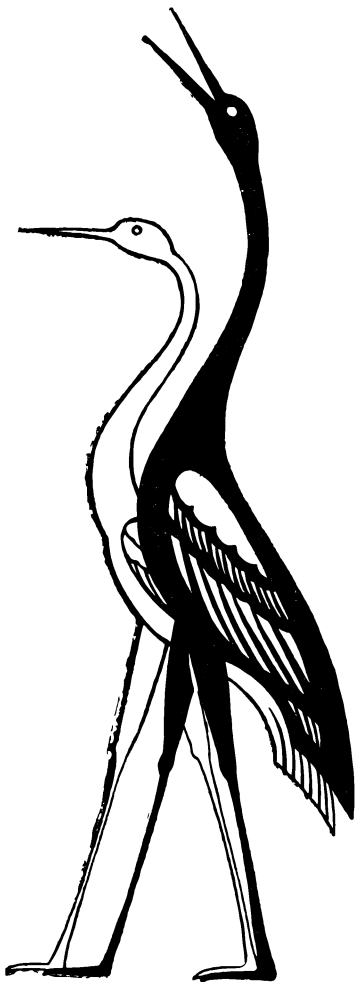
Гренадер Андре Симон шатался как пьяный. При каждом движении голова его раскачивалась из стороны в сторону, как будто у него была сломана шея. Симон упорно смотрел на ноги шагающего впереди Жана Легранжа. Он ничего не хотел видеть, кроме этих серых от пыли каблучков, потому что не мог уже смотреть на бесконечное море песка... Этот Египет был местопребыванием самого черта. Здесь не было ничего, кроме раскаленного знойного песка. И небо над ним представляло собой сплошную массу синего стекла, которое, казалось, расплавил огненный шар солнца.

Симон задумался. Сколько дней прошло с тех пор, как армия высадилась на побережье Египта? Семнадцать, восемнадцать или уже девятнадцать? Куда вел их генерал Наполеон Бонапарт? Все дальше на юг. Что здесь можно было завоевать? Разве что проклятую пустыню? Но для этого Наполеону не потребовалось бы тридцать восемь тысяч человек и две тысячи пушек. А эти сто семьдесят пять ученых господ, которые бездельничают, развалившись в обозных повозках? Какое задание можно было им придумать? Среди них находились лингвисты, топографы, астрономы, художники, геологи и даже поэты. В конце концов, может быть, поэты и должны воспеть славу генералу, когда он победит пустыню? Ведь противники, мамелюки, не показывались, хотя об их дикости и воинственности так много плели во время морского переезда из Тулона в Египет. Легранж обернулся и протянул руку.

— Есть еще глоток воды, Андре?

Симон потряс походную флягу:

— Ни капли, Жан.— Он пытался шутить.— Но, может быть, кто-либо из ученых в обозе наколдует ливень?

— Ба, они и вовсе ничего не могут. Им бы только есть,— пробормотал Легранж.— Попробуй-ка сунуть хоть одному из них ружье в руки, и ты увидишь, как этот осел держит его задом наперед.

Чей-то голос раздался прямо над Легранжем:

— А ну-ка, дай мне твоё ружье, гренадер! И я покажу тебе, что могу обращаться с ним лучше тебя.

Симон посмотрел вверх. Около него на поджаром коне гарцевал штатский. Черную треуголку с республиканской кокардой он носил для защиты от солнца, глубоко надвинув на лоб. Но она отнюдь не предохраняла от жарких лучей его аристократический с горбинкой нос, который стал красен, словно его поджарили на огне.

— Я не имел в виду вас, монсеньер Денон, когда говорил об осле,— пробормотал Легранж.— Я знаю, вы хороший стрелок.

Всадник наклонился пониже и улыбнулся.

— Ах, ты знаешь меня, гренадер? Откуда? Может быть, по Парижу?

Легранж казался смущенным. Он переложил ружье с правого плеча на левое.

— Я не знаю точно, господин. Возможно, я вас видел во время итальянского похода или на Рейне. В армии о вас говорят многое. Если верить слухам, вы объехали уже всю Европу; сочиняете, рисуете и даже пишете книги.

Денон, ухмыляясь, почесал свой обожженный солнцем нос.

— Я много путешествовал, это верно. Бывал в Санкт-Петербурге при царском дворе, во Флоренции, в Женеве и бог знает где еще.

— И здесь, в Египте, тоже, монсеньер? — спросил Симон с интересом. Всадник поднял затянутую в перчатку левую руку и тут же опустил ее.

— О том, что эта волшебная страна вообще существует, я знал до сих пор из книг.

Легранж повернулся к Симону и, улыбнувшись, сказал:

— Теперь я знаю, наконец, почему мы вместо тенистых лесов и зеленых лугов уже несколько недель ничего не видим, кроме песка. Потому что все заколдовано в этой «волшебной» стране.

Денон подогнал своего коня поближе к Легранжу и положил ему руку на плечо:

— Послушай, сын мой, ты сейчас огорчен, у тебя нечего есть и пить, но когда мы прибудем в Каир на Ниле и ты увидишь пирамиды, то забудешь от удивления и о еде и о питье.

Легранж посмотрел недоверчиво.

— Пирамиды? Это что еще за штука? Разве их можно притащить домой как трофей?

Денон откинул голову назад и рассмеялся, глядя на небо:
— Пирамиды! Притащить домой!

Но тут его лицо внезапно стало серьезным. Он наклонился к Легранжу.

— Пирамиды построены из камня. Им четыре тысячи лет. Их сооружали по велению царей Египта стотысячные армии рабов. Миллионы каменных плит клали плотно друг на друга. Каждый блок был так тяжел, что даже десять лошадей не смогли бы его сдвинуть с места.

Легранж удивленно открыл рот и вопросительно посмотрел на Симона. Но Андре был поражен не меньше его.

— Рассказывайте дальше, монсеньер,— попросил он и, засмотревшись на Денона, наступил Легранжу на ногу.

Денон пожал плечами.

— К сожалению, больше я ничего не могу тебе рассказать, так как до сегодняшнего дня никто еще не проник в тайну пирамид. Мы не знаем, для каких целей их возводили. Может быть, это удастся когда-нибудь выяснить, а может быть, это навсегда останется тайной. Египет задает многочисленные загадки, потому генерал Бонапарт и взял с собой так много ученых.

— А вы, монсеньер? Что должны вы делать? — спросил Легранж.

Денон задумчиво посмотрел на мерцающую от зноя пустыню:

— Я буду рисовать древности. Все, которые найду. Впрочем... Он схватил свою сумку, вытащил оттуда листок бумаги и показал Симону.

— Как тебе это нравится?

Легранж повернул голову назад и тоже уставился на рисунок:

— Ах, как это прекрасно! Вы нарисовали войска на марше, монсеньер Денон. И там на переднем плане — я! Андре! Ты видишь? И ты здесь, позади меня! Это великолепно, не правда ли?

Не помня себя от восторга, он вышел из рядов и показал на фигуры:

— Когда вы нарисовали это, монсеньер?

— Только что, пока ехал за вами.

— Что? Вы можете рисовать верхом на лошади? — удивился Симон.— Мой бог, да вы великий художник! Вы продадите потом свои картины во Франции?

— Нет, сын мой. Я передам их Академии наук. С помощью моих рисунков можно будет изучать иероглифы на египетских храмах и надгробиях.

Симон зажмурился, словно ослепленный ярким светом.

— Иероглифы,— протянул он,— а это что же такое?

Всадник сморщился, как будто съел что-то горькое.

— Иероглифы...— сказал он протяжно.— Хм, как бы это тебе объяснить? Это картинки, высеченные на камне. Целые ряды диковинных знаков. Фигурки и волнистые линии между ними, оружие, посуда, даже цветы и фрукты. Но что они обозначают, этого пока не знает никто. Некоторые ученые считают их волшебными знаками древнеегипетских жрецов. Другие утверждают, будто иероглифы — это вид рисуночного письма; находятся также люди, которые отвергают две предыдущие гипотезы, называя их глупой болтовней, и считают, что иероглифы — это просто украшение.

— И зачем только люди ломают себе головы из-за подобных пустяков — вот чего я не могу понять,— пробормотал Легранж.— Что нам до того, чем занимались люди два тысячелетия назад? Я хотел бы лучше знать, сможем ли мы захватить в Египте богатые трофеи.

— А я хотел бы знать, куда мы, собственно, идем,— сказал Симон и посмотрел на Денона.— Можете ли вы мне сказать, монсеньер, что генерал Бонапарт намеревается делать в Египте?

— Могу, сын мой. Генерал хочет прищемить хвост английскому льву. Если он завоюет Египет, то прощай влияние Англии на Востоке, и тем самым путь в Индию будет свободен.

В суеверном страхе Легранж растопырил пальцы.

— Боже, защити нас! Разве мы должны шагать до самой Индии? Она ведь лежит на другом конце света!

Денон снова нагнулся к гренадеру. Прищулив глаза, он сказал с деланной серьезностью:

— Подумай о славе, мой юный друг! Генерал идет по следам Александра Великого. О нашем походе и столетия спустя мир будет говорить с благоговением.

Он неожиданно прищипил своего поджарого коня и ускакал прочь.

— Пошутил он или серьезно мечтает о славе? — спросил Симон.

Его товарищ задумчиво покачал головой.

— Кто может понять такого просвещенного человека, как Денон. Он не скажет тебе того, что думает, потому что он еще и дипломат.

— Ну? Он был и дипломатом?

— Да, при дворе русского царя. Но я не знаю, кто такой Александр Великий, о котором он говорил.

— О нем я тоже еще никогда не слышал. Может быть, один из генералов царя,— ворчливо ответил Симон и снова принялся смотреть на песчаные фонтанчики, которые поднимались из-под каблучков Легранжа — один слева, один справа, один слева, один справа... В такт раскачивалась на ремне фляжка. Он испытывал ужасную жажду, ныли натертые ноги. Ему хотелось выть.

Между тем Денон прискакал на правый фланг армии, мимо авангарда. Он опередил отряд усталых, спотыкающихся при каждом шаге солдат. Ветераны — бородатые унтер-офицеры — поддерживали молодых, щеки которых еще не пробовали бритвы. Гренадеры со впалыми от усталости глазами, устремив вперед тупой взгляд, несли снаряжение больных товарищей. Офицеры цеплялись за оружейные повозки, а канониры держались за лошадиные хвосты.

Армия, казалось, была близка к катастрофе. Не было слышно команд. Только проклятия, вздохи да скрип колес. От этой колонны поднималось густое облако копоти, словно из горящего очага.

И опять Денон схватился за карандаш. Он видел полотнище знамени, бахрому которого тащилась по песку. Особенно заинтересовал его солдат, который нес знамя, пытаясь сохранить равновесие.

Будет ли это знамя вновь развеяться над штурмующими отрядами? Маловероятно. Если этот ужасный марш через пустыню продлится еще один или два дня, армия умрет от жажды. А Мурад Бей, предводитель мамелюков и владыка Египта, казалось, только и ждал этого. Солнце и песок были его могущественными союзниками. Уже и теперь он мог уничтожить армию Наполеона, если бы решился внезапно привести сюда отряды своих всадников.

Озабоченно всматривался Денон на запад. Оттуда прежде всего нужно ожидать нападения. Он содрогался при мысли о том, чем может завершиться конная атака на растянутые фланги французской армии. Ни один солдат не уцелел бы в этой бойне. А ему и другим гражданским предстояло бы рабство. Тогда он не выполнил бы свою задачу, а Академии наук в Париже пришлось бы еще долго ждать рисунки храмов, пирамид и гробниц времен фараонов. От выдержки армии зависит, будут ли открыты ворота в прошлое Египта. Уже девятнадцать дней шагали солдаты, испытывая адские муки. Смогут ли они продержаться еще один день? Завтра 21 июля 1798 года по европейскому календарю. Каким войдет этот день в мировую исто-

рию? Как день, когда ищущий славы генерал Бонапарт потерпел катастрофу, или как дата начала нового периода в исследовании одной из древнейших культур? Наполеон жаждал завоеваний, наука же, напротив, горела нетерпением открыть тайны фараонов.

Ищущий взгляд Денона скользнул по горизонту к югу. Песчаное море казалось бескрайним. Но там, далеко впереди, из пустыни поднималось нечто похожее на крохотный серый треугольник. Нет, это скорее всего несколько зубцов. Может быть, это просто мираж в колеблющемся от зноя воздухе?

Денон выпрямился в седле, загородив рукой глаза от солнца. Серые вершины треугольников стали более отчетливыми. Это не были призраки. Внезапная радость охватила Денона. Он поднял руки к небу и закричал хриплым голосом:

— Пирамиды! Пирамиды!

Солдаты слева от него устало подняли головы, равнодушно посмотрели вперед и вновь устремили взгляд на песок под ногами. Они не имели понятия о пирамидах. А штатский на лошаденке, очевидно, потерял рассудок от жары, раз он так кричит.

Солнце зашло. Внезапно наступила ночь. Солдаты упали на песок, словно скошенные пулями во время сражения. Никто не обращал внимания на сказочно прекрасное звездное небо.

Уже рассвело, а они все еще лежали там, где упали. И снова воля генерала Бонапарта заставила их шагать дальше, через песчаную пустыню. Когда горизонт на востоке заалел, лошади забеспокоились. Они чуяли воду и фыркали.

По рядам прокатился крик: «Нил, Нил!» Вытянув шею, жадно раздув ноздри, конь Денона рысью помчался к реке. Его всадник зачарованно смотрел на восток. Как в сказке из тысячи и одной ночи, на другом берегу Нила поднимались к небу стройные башни четырехсот минаретов Каира. Купола мечетей, обрамленные изящными башенками дворцов, как кружево, блестя золотом в лучах утреннего солнца. Розетки, арки и купола, сверкающие на солнце, как отполированный металл, давали представление Денону о том потрясающем изобилии вещей, которые он увидит в этом городе. Великие зодчие Востока превзошли здесь один другого в своем мастерстве и создали поистине сказочную картину в пустыне.

А здесь, на западном берегу Нила, напротив мрачно торчащей вверх горы Мокаттам, возвышались пирамиды, каменные гиганты древности, вечные свидетели могущества фараонов. Возведенные армией рабов, они безмолвно свидетельствовали об исхлестанных спинах, о столах, о пролитой крови и поте.

Оставалось загадкой, зачем понадобилось фараонам сооружать их. Никто не мог объяснить, зачем нужны были каменные великаны и лежащие у их подножья стражи, сфинксы.

Карандаш Денон скользил по бумаге. Как одержимый, продолжал он рисовать даже тогда, когда десять тысяч всадников египетского властителя Мурад Бея с фанатическими криками бросились на отряды Наполеона.

Началась страшная резня: кривая сабля вступила в единоборство с ружьем. Фанатичные поборники ислама атаковали беспорядочной толпой, в то время как французы стреляли только по команде, сохраняя строгий боевой порядок.

Денон рисовал падающих мамелюков, лошадей, вздымающихся на дыбы, раненых. А далеко позади возвышались пирамиды. Грозные и мрачные, как и четыре тысячи лет назад.

Наполеон вошел в Каир победителем. Виван Денон рисовал архитектурные памятники ислама. Наполеон дал своему генералу Дезэ приказ преследовать отступавших к Верхнему Египту мамелюков. Денон отправился с Дезэ. Его лихорадило от восторга, когда он вступил в город памятников — Фивы. Там были храмы, статуи, изображения богов, надгробные часовни, подземные ходы; повсюду он видел таинственные картины, гравюры и рельефы того времени, когда еще не существовало ни Рима, ни Афин. Это было единственное в своем роде богатейшее собрание многочисленных древностей. Величайшее в мире!

Все стены храмов, колонн, цоколи статуй и башни гигантских построек были покрыты иероглифами. Что они обозначали? Что хотели сообщить те люди, которые жили здесь тысячелетия назад, своим потомкам?

Если эти диковинные знаки и фигуры действительно представляли собой рисуночное письмо, а не простые украшения, тогда действительно их стоит расшифровать, чтобы узнать о прошлом таинственной страны. Но найдется ли такой гений, который сумеет разгадать подлинный смысл этих никогда не виданных знаков? Его, Вивана Денона, рисунки, которые он набрасывает с утра до вечера возле погребений и храмов, наверное, покажутся ученым Европы фантастическими. Они едва ли поверят, что в Мемфисе, Дендерах, Саккара и здесь, в этих когда-то стовратных Фивах, в таком количестве свободно лежат древности. А сколько еще погребено в песках пустыни. Стоит лишь копнуть ногой землю, как оттуда появляется голова статуи. Солдаты проклинали Денона, когда он приказывал им выкапывать скульптуры!

Но теперь Денон ругался и сам. Только что он начал рисовать вход в какой-то древнеегипетский храм, как ворвался отряд гренадеров.

Один из них крикнул:

— Монсеньер Денон! Бегите! На нас напали мамелюки. Они преследуют нас. Мы бежим за подкреплением.

— Да, да, хорошо, ведите подкрепление! А я тем временем здесь порисую!

Гренадер, предупредивший Денона, подал товарищам знак. Они набросились на художника, схватили его и потащили с собой, не обращая внимания на ругань и угрозы. Они знали этого человека. Он был, конечно, немного сумасшедшим, потому что перерисовывал то, что они считали ничего не стоящими кучами камней. Но в то же время они хорошо относились к Денону за его добродушный характер. Он мог здорово рассвирепеть, когда ему мешали рисовать. Но стоило Денону излить свою ярость, как он уже делил свой паек с голодными. Ах, этот Денон странный парень! Вместо того чтобы брать трофеи у мамелюков, он рисует древности, за которые ни один солдат не дал бы ломаного гроша.

**ГРЕНАДЕР
АНДРЕ
СИМОН
НАХОДИТ
ЧЕРНЫЙ
КАМЕНЬ**

Генерал Бонапарт дал командиру инженерного отряда Допулю следующее задание: безотлагательно привести в порядок разрушенный форт Ар-Рашид, расположенный в семи с половиной километрах северо-западнее Розетты на Ниле. Допуль велел привести к нему капитана Бушара. Это был наиболее подходящий человек, способный выполнить приказ Бонапарта.

— Что же нам теперь — оставаться в Египте всю жизнь? — спросил злобно Бушар.

Допуль пожал плечами.

— Вы знаете, что адмирал Нельсон уничтожил при Абукире наш флот. Теперь англичане готовятся к последнему удару. В один прекрасный день они попытаются высадиться на побережье Египта. Мы должны быть готовы к этому.

Бушар принялся размышлять. Египет был потерян для Франции. Ему это было давно ясно. Все победы Бонапарта над мамелюками были одержаны напрасно. В армии ходили слухи, что генерал Бонапарт собирается отплыть во Францию. Что тогда будет с армией? Пребывание на берегах Нила сильно изнурило армию. Непривычный климат, мириады мух, нечистоты и грязь в деревнях и городах вызвали болезни, против которых все искусство военных врачей оказалось бессильным. Многие ученые, участники экспедиции, получили серьезное заболевание глаз, а некоторым из них даже грозила слепота.

А что будет с захваченными древностями: скульптурами, свитками папируса, обелисками и саркофагами — передать их англичанам?

Без боя?

Нет!

Их нашли французские ученые, и они же должны изучать их во славу своей родины.

Форт Ар-Рашид должен стать оборонительным валом, достаточно сильным, чтобы отражать все атаки. Если это правда, что генерал Бонапарт возвратился во Францию, то он поехал туда только для того, чтобы привести подкрепление.

С ранних лет Бушар интересовался древней историей. И когда он увидел руины древних городов и храмов Египта, то сразу понял, что благодаря им будут открыты тайны фараонов. Он прислушивался к разговорам археологов; видел, с каким усердием рисовал Виван Денон колонны храмов и старинные сооружения. Он понял, как много древностей зарыто в земле. И вот теперь Бушар должен был защитить сокровища Египта для Франции. Его солдаты, испытанные саперы, должны были превратить форт Ар-Рашид в неприступную крепость.

Солдаты копали, недовольно ворча. Нужно было отбросить горы песка, чтобы освободить потрескавшийся фундамент древнего форта.

Гренадер Андре Симон не помнил себя от ярости. Как он был глуп, когда попросил перевести его из отряда гренадеров в инженерный отряд! Он надеялся избежать тяжелого пешего похода. А теперь должен копать песок при адской жаре. Сам черт толкнул его на это.

Он яростно вонзил в землю лопату. Железо ударилось о что-то твердое.

— Проклятый мусор,— пробормотал Симон и еще раз копнул в стороне от твердого предмета. Но и на новом месте лопата встретила сопротивление. В песке торчал какой-то камень. Ну, он не так глуп, чтобы выкапывать камень, который после этого должен будет оттащить в сторону. Гораздо умнее было копать вокруг камня. Итак, он начал снова. Здесь песок был рыхлым, и работа шла легко.

Кто-то схватил его за плечо. Это был Бушар!

— Почему ты бросил копать на старом месте?

— Там обломок скалы в земле, мой капитан.

— Да? Ну-ка выкапывай его! Или я должен это делать за тебя?

Капитан смотрел строго. Еще одно слово, и Симон будет наказан. Он начал копать на прежнем месте. Из песка показав-

лась черная плита. Странные знаки и рисунки были выбиты на ее наружной отполированной стороне. Бушар наклонился... Внезапно он выхватил из рук Симона лопату и начал, как безумный, рыть песок.

Теперь камень был откопан. Большой, словно крышка стола, черный, глянцевый и сплошь покрытый знаками.

Почему капитан смотрит по сторонам, словно ищет поддержки? Вот опять устался на плиту и проводит кончиками пальцев по высеченным на камне знакам. Что так понравилось ему в этой вещи? Неужели таинственные знаки? Товарищи говорили, что подобные находки приносят несчастье.

На всякий случай Симон немного отступил назад.

Наконец, капитан встал. Он пристально посмотрел на Симона, так что тому стало даже как-то неловко под задумчивым взглядом начальника. Теперь капитан заговорил словно во сне:

— Могу держать пари: нижние строки — наверняка древнегреческий текст. Солдат! Беги за полковником Допулем. Скажи ему, что я прошу его прийти сюда. Скажи, что речь идет об очень важном деле.

Симон знал о случаях с его товарищами, когда солнечный удар становился причиной буйного помешательства. Полковник Допуль был достаточно рассудительным человеком, который легко приведет Бушара в нормальное состояние.

Но, к своему удивлению, Симон увидел, что и полковник повел себя, как капитан. Допуль тщательно осмотрел черную каменную плиту, подсчитал строчки со знаками и заговорил, по-видимому, в бреду:

— Здесь три различные надписи. Смотрите-ка, Бушар, первые четырнадцать строчек — это, несомненно, иероглифы, тридцать две строки за ними, мне кажется... да, если бы я знал это наверное! Но нижние пятьдесят четыре строки, само собой разумеется, представляют древнегреческую надпись. Его голос звучал взволнованно, когда он заговорил вновь:

— Бушар! Вы согласны со мной, не так ли? На этой плите дан иероглифический текст и его перевод. Может быть, это даже три разных языка.

Бушар сжал кулаки.

— Господин полковник! Если бы это была правда... Этот камень смог бы разрешить величайшую загадку всех времен! Иероглифы были бы расшифрованы. Тысячелетняя тайна превратилась бы в открытую книгу истории. Наука смогла бы, наконец, сказать, что происходило в Египте в те далекие вре-

мена, когда люди во Франции ходили в звериных шкурах и охотились на медведей.

— Вы говорите как поэт, капитан, но вы правы. Этот камень представляет, вероятно, большую ценность, чем три выигранных сражения в стране на Ниле. Послушайте, я знаю одного офицера, который может переводить с древнегреческого. Прикажите срочно выкопать плиту и отнести ее ко мне на квартиру.— Он полез в карман и бросил Симону монету. Это было настоящее серебро, имевшее в сто крат большую ценность, чем новые республиканские банкноты, которыми в то время платили жалованье в армии.

Теперь Симон копал с азартом, тогда как его товарищи с не меньшим азартом проклинали тяжелую каменную плиту, которую они должны были по прихоти офицера доставить в Розетту.

Затем над плитой склонился сведущий в надписях офицер. Она была в нескольких местах поломана, а некоторые строчки так попортились от времени, что можно было лишь с трудом разобрать отдельные штрихи. То бормоча себе что-то под нос, то впадая в глубокую задумчивость, офицер водил пальцем по древнегреческим письмам. Казалось, ему не стоило большого труда перевести легко читаемые слова и буквы. Поднявшись, он сказал с уверенностью:

— Этим надписям около двух тысяч лет. Пятьдесят четыре строки греческого текста содержат декларацию жрецов Мемфиса, которые благодарят царя Птолемея Эпифана за какие-то льготы. Они присваивают ему почетный титул.— Офицер снова стал рассматривать надпись.— Но что означают знаки над греческим текстом— этого я, к сожалению, не могу вам сказать. И вероятно, не сможет никто из людей, ныне живущих.

— Но это же так ясно!— воскликнул Бушар.— Греческий представляет собой перевод иероглифов. Посмотрите-ка!

Офицер с сожалением покачал головой:

— Я вижу лишь четырнадцать строк иероглифов, мой друг, и тридцать, которые не являются иероглифами. А древнегреческого текста— пятьдесят четыре строки! Трудно себе представить, что три такие разные по длине надписи содержат один и тот же текст.

— А я вам говорю, что вы ошибаетесь!— закричал Бушар возмущенно.— Иероглифы представляют собой рисуночное письмо. И каждая картинка означает целое слово.

— Иероглифы— это загадка, которую историк Геродот еще в древности считал неразрешимой,— возразил офицер.

— Прекрасно, тогда наши ученые в Париже разрешат ее,—

сказал Допуль.— Хотя бы с помощью этой каменной плиты. Капитан Бушар! Вы лично отправите камень в Каир. И вы отвечаете за то, что он прибудет в хорошем состоянии. Позаботьтесь сейчас же о том, чтобы изготовить несколько отливок. На всякий случай Денон должен срисовать надписи.

Англия торжествовала победу. В сентябре 1801 года французский гарнизон в Александрии спустил на мачте флаг, что означало капитуляцию. После такого большого кровопролития, после стольких побед и неизмеримых жертв — отказ от Египта. Поход Наполеона, так славно начатый, превратился в простую авантюру.

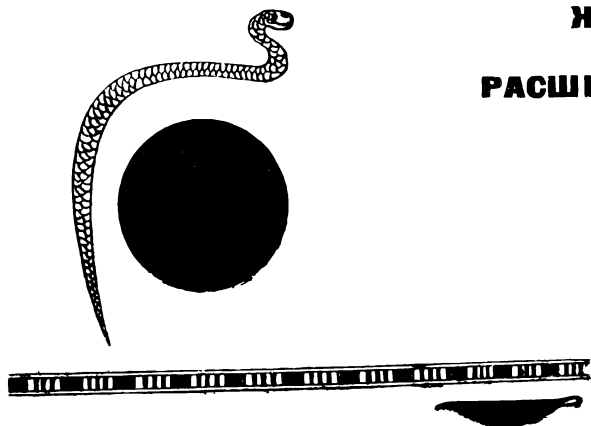
Англичане потребовали выдачи всех собранных в Египте древностей.

Ученые, потерявшие здоровье в стране на Ниле, выражали гневный протест. Но ничто не помогло. Англия не уступала — ведь она располагала самым большим военным и торговым флотом в мире.

Франции пришлось выдать сокровища, за которые ее ученые жертвовали своими жизнями и здоровьем. Среди них был также черный камень из Розетты. Но осталось одно маленькое утешение — рисунки Вивана Денона. Они составили основу для новых исследований. Загадочные египетские древности, скопированные с большой точностью, ожидали своих исследователей.

Армия Наполеона потерпела поражение; наука приготовилась одержать победу мысли.

**ЖАН-ФРАНСУА
ШАМПОЛЬОН
РАСШИФРОВЫВАЕТ
ИЕРОГЛИФЫ**

Школьный учитель из Гренобля почтительно склонился перед префектом департамента Жан-Батистом Фурье. Высокий гость считался знаменитым физиком и математиком Франции. В качестве главы научной комиссии он участвовал в египетском походе Наполеона. Собрание египетских древностей Фурье было единственным в своем роде. Ученые восхищались им, на него постоянно сыпались отличия и награды.

Какая честь для учеников гренобльской школы быть представленными такому знаменитому человеку! Они смотрели на его высокий покатый лоб, острый орлиный нос, узкий рот. Серые, необыкновенно светлые глаза смотрели так строго, словно мосье Фурье намеревался наказать всех провинившихся. Возможно, он мог читать мысли.

Один за другим ученики опускали виновато глаза. Только один устоял перед его взглядом. Он продолжал восхищенно смотреть на гениального человека. А так как мальчик заметил улыбку на лице знаменитого ученого, он тоже улыбнулся.

— Как твое имя, мой мальчик? — спросил важный гость.

— Жан-Франсуа Шампольон, мосье.

Фурье повернулся к учителю.

— Юноша похож на египтянина. Кто его отец?

— Книготорговец, господин префект. Имеет лавку в Фижаке.

— И ты тоже хочешь быть книготорговцем? — спросил Фурье малыша с узким смуглым лицом.

Темные глаза мальчика смотрели смело. Он не обращал никакого внимания на знаки учителя, который давал ему понять, что следует поклониться.

— Нет, мосье, я хотел бы стать языковедом.

Лицо важного гостя выразило удивление. Это дало директору школы возможность блеснуть перед гостем знаниями ученика:

— Юноша необыкновенно талантлив, господин префект. Он уже бегло говорит по-латыни и по-гречески, а также упражняется в переводах древнееврейских текстов.

— Удивительно! — заметил Фурье, пытливо рассматривая лицо мальчика. Потом, словно очнувшись от глубокого раздумья, неожиданно сказал: — Если хочешь, можешь осмотреть мое собрание. Тебя интересуют египетские древности?

Мальчика будто кто толкнул. Глаза его заблестели.

Жан-Франсуа быстро кивнул головой.

И вот он стоит перед вещами, которых еще никогда не видел. Там были рисунки храмов и каменных колоссов, обломки статуй, куски свитков папируса, покрытые странными знаками. И наконец, разбитая каменная плита, на которой кое-где сохранились фигуры в причудливо застывших позах. Взгляд мальчика перебегал с одного предмета на другой — ему хотелось навсегда запечатлеть в своей памяти все это. словно магической силой вновь и вновь притягивали его внимание знакарисунки.

Фурье молча наблюдал за маленьким гостем. Несколько раз он давал ему различные пояснения. Мальчик лишь кивал головой и, как во сне, стоял перед древностями, не сводя с них глаз. Этот мальчик вел себя как-то странно. Его горячий интерес к находкам даже внушал опасения. Казалось, что перед ним возникают какие-то видения. И разве его лицо не похоже на лицо юноши с каменного фрагмента? Большие миндалевидные глаза, узкий нос, пухлый рот. Лицо мальчика времен фараонов! Вдруг он, увидев папирус с иероглифами, спрашивает:

— Можно это прочесть?

Фурье на мгновение почувствовал себя школьником, который не может ответить на вопрос учителя. Он только отрицательно покачал головой.

— Я прочту их, — сказал мальчик самоуверенно. — Через несколько лет, когда вырасту.

И странно. Фурье, знаменитый Фурье, строгий исследователь и великий ученый, поверил мальчику.

В тринадцать лет Жан-Франсуа поражал всех своей жаждой знаний. Жан изучал сирийский, арамейский, арабский и коптский языки с непостижимой настойчивостью и терпением. В его комнате свеча горела до полуночи.

Брат поднимался с постели:

— Жан, ты давно должен спать. Ты заболеешь, если будешь так переутомляться!

Жан отрывал взгляд от стола, покрытого книгами, фолиантами, рукописями. Это был взгляд фанатика, обращенный в даль, недостижимую для заурядного человека; взгляд, который проникает сквозь пространства и время.

Голос юноши звучал отчужденно:

— Мне кажется, письмена древних китайцев в некотором отношении чем-то близки к иероглифам. Если бы я мог это доказать!

Его взгляд отрешенно скользил по стене. И снова, погруженный в свои мысли, он бормотал:

— Надо попросить Фурье. Он должен раздобыть мне тексты из Зенд-Авесты. В Гренобле их нельзя достать.

Старший брат, вздыхая, снова повалился на постель. «Тексты Зенд-Авесты,— думал он, потрясенный,— священной книги персов. На авестийском языке, и его хочет изучить тринадцатилетний мальчик. Бог мой, к чему это приведет? Не может же такой молодой человек вместить в своей голове знания сотен ученых!»

Жан-Франсуа мог. Он собирался научиться когда-нибудь читать иероглифы так же свободно, как латинист читает труды Цицерона.

И все знания, которые он приобретал, служили исключительно этому намерению. Фолианты, книги и рукописи, которые он доставал, не дали ему ничего нового в изучении языка. Он перерыл библиотеки, изучил сочинения античных историков о государстве фараонов. Шампольон читал Геродота, Диодора Сицилийского, Страбона, Горапполлона. Неужели ни один из них не знал, что такое иероглифы? Геродот, «отец истории», за пятьсот лет до нашей эры посетил Египет и описал храмы, пирамиды и гробницы, которые тогда уже насчитывали тысячелетия.

Шампольона лихорадило от нетерпения. Он листал страницу за страницей. Расскажи, Геродот, расскажи, что ты видел! А вы, арабы и копты, что знали вы о древнем Египте?

Как? Копты, потомки древних египтян, так мало могут рассказать? Откуда же возник их язык и письмо, как не от их праотцев?

Жан погружается в изучение коптских надписей. Он сравнивает их с библейскими текстами и фрагментами арабских стихов. Он переводит с еврейского на коптский, с коптского на латинский. Часть высказываний — о фараонах — совпадала, часть — противоречила друг другу. Но все вместе взятое? Достаточно ли этого, чтобы хотя бы набросать карту царства фараонов? Должно быть, достаточно.

И Жан-Франсуа Шампольон предложил ученым первую карту древнего Египта. Ему было семнадцать лет. Ученые удивлялись. Они сомневались также, насколько верна была карта Шампольона. Какие у них были основания ответить? Кто знал, где проходили границы древнего Египта четыре и более тысячелетия назад?

— Я собрал материал для книги, — провозгласил Шампольон. — Она будет называться «Египет времен фараонов».

— Вздор, — ответили ученые. — С помощью одной фантазии невозможно написать историю государства, о котором мы знаем только то, что оно существовало.

Жан-Франсуа написал свою книгу. Он прочитал членам Гренобльской Академии введение к своей работе. Ученые мужи удивились, как дети, слушающие сказку о фантастическом путешествии. Перед ними стоял семнадцатилетний юноша, который рассказывал о фараонах так, словно сам жил в их государстве. Он последовательно развивал ход своих мыслей, которые так смело и убежденно анализировал, что ни один слушатель не осмеливался и думать о том, чтобы возразить ему. А с каким воодушевлением говорил этот юноша! Его речь лилась, словно поток, уносящий с собой все, что встречается на его пути. Шампольон — и это чувствовал каждый сидящий в зале — был наделен гениальным умом. Он владел такими областями знаний, изучение каждой из которых потребовало бы целой человеческой жизни. Академики решили единогласно: Жан-Франсуа Шампольон достоин быть членом Академии в Гренобле.

Фурье восторженно обнял самого молодого академика Франции. Для юного гения Гренобль был слишком мал. Шампольон должен ехать в Париж. Но сначала — Фурье таинственно усмехнулся — он хочет ему кое-что показать. Молодому ученому, наверно, интересно будет посмотреть на эту отливку с черного базальтового камня, который откопал какой-то солдат при строительстве форта в песках пустыни близ Розетты на Ниле.

Жан уставился на отливку, словно видел ее во сне. Неужели это в самом деле возможно? Здесь, на этой плите, под иероглифами высечены знаки древнеегипетского курсива и древнегреческий текст.

Но это же ключ к разгадке иероглифов, рисуночного письма древних египтян! Бывшие до сих пор мертвыми, знаки заговора сейчас же!

Много часов размышлял Шампольон, склонившись над доской. Он не видел и не слышал ничего, что делается вокруг. Фурье давно уже ушел из комнаты. А когда рассвело, Шампольон все еще стоял перед трехязычным камнем. Всех его знаний не хватало, чтобы объяснить хотя бы один из этих рисуночных знаков. Он пришел лишь к тому выводу, что иероглифы не были рисуночным письмом, как сотни лет утверждали ученые. Но это сначала надо суметь доказать. Речь шла о том, чтобы полностью освободиться от всех прежних приемов и найти совершенно новый путь.

Шли годы. Европа вновь дрожала перед Наполеоном. Прошло сто дней, и объединенные войска союзников нанесли окончательный удар Бонапарту. Как приверженец Наполеона, Шампольон был сослан. Он сражался у стен Гренобля с отрядами Бурбонов. В наказание за это он был лишен профессуры. Голодая, он писал новый труд по иероглифике. Знаки на камне из Розетты преследовали его днем и ночью, как привидения. В его снах они оживали и издевались над ним. В это же время другие ученые также трудились над расшифровкой загадочных знаков на Розеттском камне, как теперь называли базальтовую плиту. Многие из них думали, что решение найдено. Авантюристические предположения принимали за истину и об этом писали длинные статьи. Один знатный «ученый» утверждал, например, что смысл иероглифов ему открылся за одну ночь и только из-за спешки он сделал ошибки.

Внезапное появление сочинения ученого Лемуара, напротив, явилось для Шампольона ужасной неожиданностью. Он случайно услышал об этой брошюре от своего приятеля. На титуле ее стояло: «Новое объяснение иероглифов».

Шампольон испугался. Неужели Лемуар опередил его? Как это могло случиться? Ведь незадолго до того он говорил с Лемуаром, и тот ни слова не сказал ему о своем открытии. Хотел ли тогда почтенный ученый сохранить в тайне свои выводы?

Жан-Франсуа поспешил к книготорговцу, который продавал этот труд. Возможно, что все это ошибка. Друг мог оказаться недостаточно осведомленным. Однако это не была случайность. Брошюра действительно называлась «Новое объяснение»... и автора звали Александр Лемуар!

В страшном волнении Шампольон помчался домой. Весь его многолетний труд по расшифровке иероглифов оказался напрасным! Его работа стала бессмысленной. Другой разрешил загад-

ку, смело проник в ее суть, в то время как он ходил лишь вокруг да около.

В отчаянии он заперся в рабочем кабинете и начал читать. И вдруг он засмеялся, смеялся так, что все прочие квартиранты в доме решили, что знаменитый Шампольон сошел с ума от чрезмерной работы.

То, что Лемуар называл «объяснением», было совершеннейшей чепухой, еще одной убогой попыткой придать смысл иероглифам по их внешнему виду. Знак, изображающий руку, Лемуар и читал как «рука», а рисунок змеи понимал как слово «змея». Эти слова фантазия Лемуара соединила в предложения, и это называлось «новым объяснением иероглифов».

Больше ничто не смущало Шампольона. Он продолжал работать над огромным, в тысячу страниц, словарем коптского языка. Язык этот считался производным от египетского языка, и Шампольон был убежден, что только тогда, когда он полностью овладеет коптским языком, он сможет проникнуть в сущность иероглифов. Однако одно ему было ясно уже и теперь: Гореполлон, который жил в IV веке и первым занялся толкованием иероглифов, был не прав. А с ним и все ученые, разделявшие его точку зрения, будто иероглифы — смысловые рисунки. Они ошибались, усматривая в них то же значение, что имели фигуры и сцены, изображенные на храмах и колоннах древнего Египта.

Шампольон выдвинул свои контраргументы: среди всех этих изображений не было ни одного, который встречался бы в папирусе или где-либо в иероглифическом тексте вообще. Они все отличались друг от друга. Если бы — рассуждал Шампольон — древние египтяне выражали свои мысли только рисунками, а не словами, то отсюда следовало бы сделать вывод, что они не имели своего языка и объяснялись только жестами и знаками. Но можно ли было всерьез думать так о народе, который создал столь величественные сооружения? Итак, иероглифы не могли быть рисуночным письмом. Это означало, что в рисунках не скрывалось никакого тайного смысла, а их следовало читать как буквы. Но где следовало начать перевод их на буквы?

В тысячу первый раз читает он греческий текст на Розеттском камне: «Жрецы Мемфиса благодарят царя Птолемея...»

Царь Птолемей!

Шампольон поднял голову и закрыл глаза. Ему казалось, что он уже многие годы бродил впотьмах по лабиринту и только теперь увидел, наконец, слабое мерцание дневного света.

Птолемей!

Вот оно! Имя царя должно было содержаться в иероглифическом тексте. Или иероглифы не имеют ничего общего с древнегреческой надписью. В волнении он вновь смотрит на иероглифы. Там был высечен овал, а в овале знаки-рисунки. Мог ли он предположить, что этот овал заключает имя «Птолемей»? Возможно, что знак почтения перед именем царя? И если теперь буквы П-т-о-л-е-м-е-й подставить под соответствующие иероглифические знаки...

Он сделал это и сразу же вскочил. Рабочая комната стала ему слишком тесна. Его мысли путались. Жан-Франсуа обращался к стенам, жестикулировал. Он нашел ключ к дешифровке иероглифов!

И тут же сдерживает свой энтузиазм. Нет, нет, только не слишком надеяться; только не думать, что ему повезло там, где сотни ученых искали напрасно. Это могло быть случайно, что число знаков совпало с числом букв. Теперь он должен был доказать то, что он открыл.

Внезапно Шампольон остановился и стал размышлять.

Не так давно из Египта в Англию доставили обелиск. На камне под рядом иероглифов был вырезан древнегреческий текст, подобно тому как на камне из Розетты. Шампольон достал тогда копию с обелиска.

Но куда же она делась?

В дикой спешке он перерыл шкафы и вещи. Наконец нашел рисунок. С помощью лупы Шампольон изучает греческий текст, находит слово «Клеопатра» и не решается искать среди иероглифов овал, подобный тому, который обрамлял имя Птолемея на Розеттском камне. Если такого овала нет, то его открытие — игра воображения.

Сердце его бешено билось, когда он, наконец, отважился посмотреть в лупу.

Ему не нужно было долго искать.

Вот он, овал! Он быстро увеличивает значки.

Все правильно! Опять буквы К-л-е-о-п-а-т-р-а располагаются под иероглифическими знаками.

Счастливый, он откидывается назад. Дверь, многие столетия преграждавшая доступ к тайнам фараонов, была, наконец, открыта. Теперь можно было читать иероглифы и узнать историю древнего народа и его высокой культуры.

Но дверь была только приоткрыта, так как расшифровка второго имени не означала еще раскрытия всех тайн. Идея Шампольона читать иероглифы, как буквы, была гениальна. Теперь дело заключалось в том, чтобы найти соответствия для еще не прочитанных знаков.

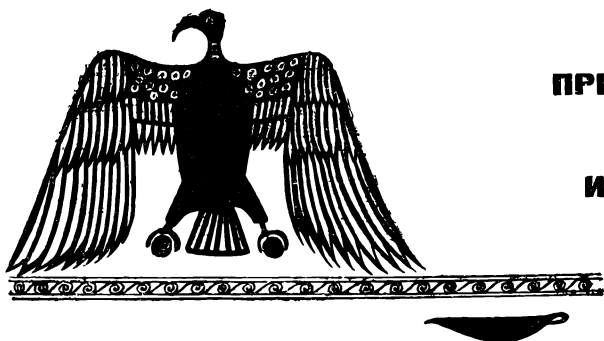
Воодушевленный первым успехом, ученый продолжает исследование. Он сравнивает, составляет таблицы, изучает тексты папирусов, находит новые овалы с именами царей, позднее названные «картушами». И, исходя из этих имен, он находит соответствующие буквы для иероглифических рисунков. Шампольон открыл, что древние египтяне избрали для буквы рисунок того предмета, название которого начиналось с этой буквы. Итак, рисуночное письмо имело в своей основе определенную систему. Но некоторые рисунки имели пять или даже шесть различных значений. Однако и в этих случаях было одно точное значение. Древние египтяне отмечали специальными знаками-определителями те слова, которые писались одинаковыми буквами, но имели разное значение.

Медленно накапливался запас слов. То, что до сих пор казалось бессмысленным, постепенно приобретало смысл. Один знак за другим получал свое буквенное выражение. Группы рисунков формировались в слова; двойные знаки, стоящие рядом или друг над другом, оказались новыми звуковыми формами.

14 сентября 1822 года Шампольон предстал перед собранием ученых Французской академии наук. Его высказывания привели слушателей в невероятное волнение. Все кричали, спорили, были «за» или «против» Шампольона. Те, кто считал, что иероглифы — неразрешимая загадка, не хотели признаваться в своей ошибке. Но остальные, поверившие в доказательства ученого, были потрясены гениальностью Шампольона.

Через несколько лет Жан-Франсуа в сопровождении восторженных учеников совершал путешествие в страну фараонов. Слава дешифровщика иероглифов повсюду опережала его. Местные жители плотной стеной окружали человека, который умел читать загадочные знаки на стенах храмов. Он, до сих пор знавший Египет только по изображениям и книгам, в благоговейном молчании стоял теперь перед подлинными памятниками-гигантами. Шампольон читал иероглифы на большом храме в Дендерах. И они рассказали ему, что камни для этой постройки обтесывали целые армии рабов царей двенадцатой династии за две тысячи лет до нашей эры! Далее было написано, что могущественные властители нового царства — Тутмос III и Рамсес Великий увеличили эту постройку, а после них — Птолемеи и римские императоры Август и Нерон.

Здесь когда-то перед этим храмом стоял, пораженный величием древней архитектуры, наполеоновский генерал Дезэ. Здесь Виван Денон зарисовывал каждую деталь. Но он, тридцативосьмилетний Жан-Франсуа Шампольон, первым на всем свете прочел то, что фараоны хотели сообщить будущим поколениям.

**БЕЛЬЦОНИ —
ИСКАТЕЛЬ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
И ГРАБИТЕЛЬ
МОГИЛ**

Итальянский силач Бельцони закончил свой номер в одном из лондонских цирков. На своих мускулистых руках он носил по арене сразу нескольких мужчин. И насколько велики были аплодисменты, настолько ничтожна была их благодарность. На оловянной тарелке, которую Бельцони протягивал посетителям цирка, лежало всего лишь несколько медяков. Половина из них принадлежала ему, другая — директору цирка Миду. Сейчас директор внимательно слушал коричневого от загара, сухопарого мужчину, который что-то ему горячо доказывал.

Бельцони размышлял: почему, собственно, должен он делить всю выручку с директором, если он и без того не видит, сколько монет на тарелке?

Когда Бельцони хотел проскользнуть мимо директора, он услышал, как незнакомец сказал:

— В вас совсем нет предпринимательской жилки, Мид, и в этом все дело. Поверьте мне, кто сегодня устроит хорошую выставку египетских древностей, тот обеспечит себя на всю жизнь. С того дня, как этот Денон, французский рисовальщик, обратил на себя внимание публики рисунками древнеегипетских памятников, все газетчики только и кричат о древностях, которые повсюду валяются на берегах Нила.

Мид взволнованно воздел руки кверху.

— Вы прожужжали мне все уши о древностях. Но где они? Доставьте мне несколько вагонов, набитых ими, и тогда я посмотрю, что можно будет с ними сделать.

Незнакомец схватил Мида за рукав:

— Как я могу их привезти, если вы не хотите дать мне денег на транспорт? Разве у меня есть собственный корабль или выючные животные? И кто должен платить египетским рабочим, которые нужны мне для раскопок? Скажите прямо, что вы хотите только зарабатывать, но ничем не рисковать. Нет, милый мой, без денег ничего нельзя сделать.

Мид в отчаянии ломал руки.

— Послушайте, дайте мне пару недель сроку! Я поищу компаньона.

— Только две недели? — издевался незнакомец. — И я должен ждать две недели, в то время как искатели сокровищ со всех концов света едут в Египет? По всей Европе только и говорят о драгоценностях, которые должны быть погребены в песках Египта. Рассказывают, будто некий Денон расшифровал надписи на пирамидах возле Каира, где сообщается о золотых статуях внутри пирамид.

— Да, но почему этот француз тут же не взял с собой золото?

Незнакомец ухмыльнулся.

— Потому что он сумасшедший, который интересуется только древними картинками и, кажется, ничем другим. Но для чего я так много говорю? Вы не хотите заключить сделку. Будьте здоровы!

Несмотря на заверения Мида, незнакомец повернулся и ушел. Бельцони, крадучись, догнал его и заговорил с ним. Мужчина удивленно осматривал гиганта-итальянца, задавал ему вопросы и с интересом слушал то, что Бельцони рассказывал о себе. Происходил он из Падуи и должен был стать священником. Но, будучи замешан в политических интригах, сбежал от своих противников в Лондон. Здесь он занялся изобретениями и сконструировал механическое водяное колесо.

— Это машина, которая черпает в четыре раза больше воды, чем шестеро мужчин, работая у колеса с лопастями, — объяснял Бельцони.

Незнакомец задумчиво качал головой.

— Пожалуй, вы могли бы этим кое-что заработать в Египте. Местные жители применяют водочерпальные колеса для орошения полей. Проведите испытание и покажите как-нибудь ваше изобретение египетскому хедиву. Кто знает, не купит ли он его. Во всяком случае, мне оно не нужно. Я собираюсь торговать древностями.

— Но ведь вы хотели ехать в Египет, господин. Возьмите меня с собой. Я сильнее любых трех мужчин. — Бельцони показал свои могучие бицепсы. — Вы наверняка сможете меня ис-

пользовать, господин! Я буду защищать вас от разбойничьего сброда и помогать вам раскапывать древности. Я скромный человек и не потребую от вас никакого вознаграждения. В Египте я встречаюсь с хедивом, чтобы показать ему свое изобретение.

Торговец еще раз осмотрел Бельцони сверху донизу. Предложение великана, казалось, стоило обдумать. Тем не менее он сказал:

— Жаль, но вы не нужны мне. Плавание на судне стоит больше, чем я в состоянии заплатить, но я рекомендую вас капитану грузового парусника. Он мой друг.

Капитан прищурил глаз, когда перед ним появился великан.

— Ты не матрос, — сказал он, — и, следовательно, тебе придется выполнять ту работу, которую прикажут. И ты сразу же заруби себе на носу — на моем корабле лентя привязывают к мачте и секут.

Неделями, словно раб, надрывался Бельцони на старом корыте. Эту развалину только что при избытке фантазии можно было считать кораблем. Итальянец помогал повару, плотнику, парусному мастеру — всем, кому потребуется. В каждом порту он таскал самые тяжелые грузы на палубу и также с грузом спускался, шатаясь, по сходням на берег. Охотно сбегал бы он из этого ада, но в мыслях он видел, как его принимает египетский хедив и награждает золотом за водоподъемное колесо.

В Александрии он покинул, наконец, парусник, несмотря на ругань капитана. Без гроша в кармане, нагруженный лишь моделью своего изобретения, Бельцони примкнул к какому-то каравану и зашагал на юг, тем же путем, каким шли за несколько лет до него солдаты Наполеона.

Благодаря рекомендации Мохаммед Али, властитель Египта, дал ему аудиенцию и велел показать модель колеса. Он нашел ее практически непригодной, но довольно забавной игрушкой.

Голодный Бельцони блуждал по грязным и кривым переулкам и улочкам Каира. Морское путешествие в Египет, испытываемые им лишения и унижения — все было напрасно. Зачем он тащит с собой свое изобретение, это водоподъемное колесо? Выбросить этот старый хлам!

Местные жители удивленно смотрели вслед чужестранцу, который внезапно бросил какую-то странную деревянную вещь на землю и теперь убежал прочь, в сторону Нила. Юноши-арабы поспешили за путешественником и увидели его стоящим у воды и взвешивающим на пирамиды.

Бельцони раздумывал: не скрыты ли в этих гигантских каменных постройках сокровища? Почему он не искал их? Чего он, собственно, ждет? Весь мир говорит о драгоценностях, которые должна скрывать эта земля. Он внимательно смотрит на пирамиды, и ему ясно представляется, чем они были — колоссальными сокровищницами. Иначе зачем бы сооружали их древние цари Египта? И как глупы были все-таки местные жители, что давно не узнали тайну пирамид. Или им было просто лень достать золото из пирамид? Ведь большинство из них бездельники: одни сидят у берега Нила и глядят на небо, другие дремлют под пальмами.

Бельцони обошел одну из пирамид, которая была выше трех колоколен, вместе взятых, и осмотрел камни, уложенные друг на друга. Входа он не нашел. Итальянец влез по плитам к самой вершине и увидел другие пирамиды — маленькие, большие, гигантские... На запад простиралась серо-желтая громада. У ее ног медленно тек Нил. Если река, как ему рассказывали, ежегодно заливала берега, то фундамент этой пирамиды находился под водой. Следовательно, строители этого колосса расположили вход там, где его не могло затопить.

Бельцони спустился вниз и стал искать дальше. Изю дня в день. Напрасно. Голод пригнал его к деревням феллахов. Со страдательные крестьяне подавали итальянцу твердые как камень хлебные лепешки.

Не знают ли они, где можно найти древности, — жестами спрашивал он людей. Феллахи широко разводили руками. Это должно было означать: повсюду есть древности. Вся страна, по их мнению, представляла собой какое-то особенное кладбище памятников. Один глубокий старик, полуслепой, с гноющимися глазами, повел чужестранца к шахтовым погребениям времен фараонов. Они были пусты, ограблены уже много тысячелетий назад.

Несмотря на это, Бельцони начал копать. Рыл песок, нашел глиняные черепки, искал дальше и нашел странные амулеты. Это были изображения навозного жука, называемого скарабеем и считавшегося в древнем Египте священным.

В Каире Бельцони продал свою находку европейскому коллекционеру. Эти люди покупали все, что относилось ко времени фараонов. И он приносил им каменные сосуды, вазы, кувшины для масла — часто только черепки. Туристы платили столько, сколько он требовал.

Бельцони не удивился, когда один французский коллекционер за обрывок свитка папируса подарил ему кусок золота.

Если эти невзрачные исписанные обрывки стоили так доро-

го, то насколько же дороже должна стоять, скажем, большая статуя или целая колонна храма?

Бельцони покупал книги, которые рассказывали о стране фараонов. Он читал, учился различать, какие древности представляли ценность для ученых, коллекционеров и музеев Европы. С тех пор он не перекапывал землю беспорядочно, а рыл осторожно. Он находил входы в древние погребения. Интерес к древностям рос у Бельцони изо дня в день.

Британский генеральный консул в Египте Сальт больше в шутку, чем всерьез, дал ему поручение доставить гигантскую статую Рамсеса Великого из Луксора в Александрию. Бельцони без промедления согласился. И ему удалось невероятное. С помощью сотен феллахов, деревянных катков и огромных саней он подтащил каменный колосс к Нилу. Сконструированный им подъемный механизм из бревен позволил Бельцони погрузить многотонный монумент на барку. Груз поплыл вниз по реке и был без повреждений выгружен в Александрию.

Генеральный консул удивился и обрадовался. Британский музей в Лондоне обогатился единственной в своем роде достопримечательностью.

Последовало новое задание. Бельцони должен был таким же образом переправить по морю в Александрию гигантский обелиск. На этот раз попытка не удалась. Многометровый цоколь колонны, такой же тяжелый, как полдюжины уложенных друг на друга плит гигантской пирамиды в Гизе, опрокинул нильскую барку. Обелиск ушел в воду.

Любой другой оставил бы каменную громаду там, где она лежала, любой, но не Бельцони. Он построил помост на воде, изготовил лебедку с тросом и поднял обелиск на этот заранее подготовленный плот. Энергия Бельцони росла по мере того, как накапливались его сведения о гробницах фараонов. В 1815 году он впервые обследовал одну из пирамид. Теперь он повторил попытку найти вход. Ученые мужи отговаривали его. По их мнению, пирамиды были только огромными монументами из камня, возведенными для доказательства мощи фараонов.

Бельцони был другого мнения. Он предполагал, что внутри пирамид находятся сокровищницы. Вторично осмотрел он сооружение, которое в свое время оказало ему сопротивление. Это была пирамида царя Хефрена, одного из владык Древнего царства, который правил примерно в 2600 году до н. э. Об этом Бельцони ничего не знал. Он видел перед собой только гигант-

ское сооружение, чьи блоки, казалось, были сложены руками циклопов. Но эта постройка не могла состоять сплошь из камней. Наверняка она была полая внутри и там хранились царские сокровища. Они были недоступны для смертных, потому что их защищала такая стена, какой не могла похвалиться ни одна крепость в мире.

Так думал Бельцони, когда добросовестно, камень за камнем исследовал построенный навечно фундамент пирамиды. Но между плитами невозможно было найти ни одной щели. И дальше, наверху, их тоже нет.

А еще выше? Бельцони снова карабкался вверх по боковой стене, и однажды он обнаружил небольшую неровность на стыке плит.

После многодневных усилий один блок ослабел и по частям был вынут.

Перед ним открылся ход. Этот ход вел внутрь пирамиды.

Поднялась пыль тысячелетий. Он подумал, что может задохнуться. Пламя свечи угрожало погаснуть. Рука Бельцони, выставленная вперед, натолкнулась на какое-то препятствие. Путь преграждал гранитный блок. Бельцони вырыл под ним ход, с усилием протиснулся в него и остановился перед каменной стеной. Вправо, влево — нигде нет выхода.

Пол покрывала галька. Как она сюда попала? Все здесь выглядело так, как будто от взрыва распалась на куски скала. Бельцони взглянул вверх. Над ним в потолке зиял пролом. Он изготовил приставную лестницу, поднялся наверх и попал в другой проход, где увидел перед собой дверь. Ложную дверь. Были сделаны лишь ее контуры. На этот раз он быстро понял, что строители пирамиды хотели таким путем ввести в заблуждение всех непрошенных гостей. Бельцони выстучал боковую стену и потолок — ничего не нашел. Несколько шагов назад. Удары звучали глухо, когда он потопал ногой по земле. Каменная плита закрывала проход в сокровищницу.

Плиту удалось поднять. Под ней зияла шахта. С помощью каната Бельцони опустился вниз и очутился в пустом помещении.

Вокруг голые стены. Должно быть, эта камера вообще не имела выхода!

Это было действительно так. Дальше идти некуда.

На этом, собственно, были бы закончены приключения Бельцони, не обладай он необычайной проницательностью. Итальянец выбрался из шахты и снова начал выстукивать проход. И вторично он нашел лазейку в потолке. Древние строи-

тели были хитры, но Бельцони оказался еще хитрее, он перебрался через западную и вошел, наконец, в склеп.

Здесь стояла удушливая жара.

Бельцони дышал с трудом. Натруженные легкие боролись за воздух. Но там, впереди, вырисовывались очертания огромного сундука.

Сокровищница фараона!

Руки Бельцони дрожали, когда он приблизился к сундуку и поднял свечу, чтобы осветить этот колосс. Теперь он смотрел отсутствующим взглядом. Перед ним была не сокровищница, а саркофаг. Саркофаг из красноватого мрамора. Пустой! Ограбленный тысячи лет тому назад.

Грабители опередили его. Бельцони шел по их следам.

Какие же неисчислимые богатства они могли вынести из пирамиды! А где осталось золотое сокровище? Закопано в песках пустыни? Или спрятано в других гробницах? А может быть, оно находится в этой пирамиде, в одном из ее тайных ходов?

Снова искал Бельцони в каждом углу скрытый вход. Но он видел лишь гладкие плиты, так мастерски подогнанные друг к другу, что между ними нельзя было продеть даже волоса. Каменотесы древности были непревзойденными мастерами, так как они обтесывали эти плиты простейшими бронзовыми инструментами.

Какими достойными удивления знаниями в математике и геометрии должны были располагать древние мастера, чтобы проложить в огромной пирамиде такой лабиринт ходов!

Бельцони смотрел с удивлением. Только теперь ему стало ясно, что он первый, кто после грабителей древних времен проник во внутреннее помещение пирамиды. Ему удалось заглянуть в тайну этих загадочных сооружений. Пирамиды оказались гигантскими погребениями фараонов. Египтологи и весь остальной мир будут удивлены, когда узнают об открытии Джованни Баттиста Бельцони.

Его будут чествовать как отважного пионера науки, возможно, ему даже поставят памятник. Ну ладно, он не нашел золотого сокровища, но славу-то у него никто не сможет отобрать.

Ученый мир насторожился. Какой-то итальянец по имени Бельцони тайным ходом проник внутрь пирамиды и обнаружил там погребальный покой? Если подобное известие соответствует истине, то пробита новая брешь в стене загадок о стране фараонов. Следовательно, пирамиды — места погребений? Невероятно! Где же находится теперь этот Бельцони? Необходимо срочно заслушать его сообщение.

А Бельцони двигался на юг. Его манили древние храмы и памятники Фив. Снова рыл он проходы, находил статуи. Но не нашел ни одного сокровища. Бельцони отправился в Бибан-эль-Молук, Долину царей, и начал все снова. Эта мрачная скалистая долина вскоре оказалась своеобразным кладбищем. Массы щебня, каменные блоки и галька покрывали долину. Бельцони откапывал один за другим входы в гробницы. Он видел в невероятном изобилии и многообразии иероглифы и рельефы, вырезанные на стенах. Что означали эти рисунки и изображения, он не знал, так как Шампольон не разрешил еще загадку иероглифов. Бельцони был разочарован. Правда, он нашел несколько прекрасных алебастровых ваз, кувшинов для масла и другие древности, даже один золотой перстень с печатью и множество мелких украшений из золотой проволоки и полудрагоценных камней. Но все гробницы, которые он откапывал с таким трудом, были уже ограблены. Успех, казалось, везде ожидал его, но везде грабители уже давно унесли все самое драгоценное. Это, должно быть, были фантастические сокровища, на что указывали искусно сооруженные погребальные покои и их богатое убранство. Даже пустые саркофаги являлись чудом ваияния.

Мучимый жаждой, Бельцони продолжал копать под палящим солнцем. Эта долина, закрытая со всех сторон скалами, куда не проникало даже дуновение ветерка, была сущим адом. Ни одно дерево не давало тени; здесь не росло ни кустика, ни стебелька.

Феллахи роптали. Они отказывались копать дальше. «Духи мертвых отомстят нам,— говорили они.— Вся долина — место, где обитают эти духи». Бельцони ругался. Но суеверные феллахи удрали оттуда. Итальянец копал теперь один. Он хотел найти по крайней мере одну нетронутую гробницу. Только одну!

И он нашел ее.

Под нагромождением камней, отколовшихся от скалы, Бельцони нашел запечатанный вход в погребение. Печати казались нетронутыми.

Бельцони схватил балку и, используя ее как таран, разбил стену.

Как бешеный ворвался он внутрь и вдруг остановился перед пустым саркофагом. Здесь тоже побывали грабители. Бельцони оглянулся. Кругом были прекрасные настенные росписи. Необыкновенное мастерство ощущалось в красках и в передаче движений. Очень часто повторялось изображение одного и того же человека. Был ли это сам фараон? В сценах охоты и войны стоял он, подобно богу войны, на боевой колеснице, поражая

стрелами врагов и диких животных. И над каждой из этих сцен художник рисовал необычные значки, которые называли иероглифами. Кто расшифрует их, тот сможет прочесть историю древнего Египта. Какой же волнующей должна быть эта история!

Сколько лет, например, этой гробнице? Для кого она была воздвигнута?..

Бельцони посмотрел на саркофаг и застыл от удивления. Он был высечен из единого блока белоснежного алебаstra и украшен рельефами.

Великолепная вещь!

Это подлинно художественное произведение египетских камнерезов должны увидеть лондонцы. Конечно, он должен доставить его в Лондон и поставить там на всеобщее обозрение! Это принесло бы ему много денег.

Бельцони выбрался на открытый воздух. Он обрадовался голубому небу и солнцу. Теперь, наконец, он нашел сокровище и может возвращаться домой. В этой долине нет больше неоткрытых гробниц. Он все перерыл и проделал большую работу.

Через двадцать лет поток туристов, искателей сокровищ и ученых затопил страну чудес на Ниле. Солдаты Наполеона завоевали ее; благодаря археологам мир познакомился с ее сокровищами. Шампольон прочел иероглифы, а итальянец Бельцони решил загадку пирамид.

Египет, оказалось, стал местом неисчерпаемых находок...

В музее Сона, в Лондоне, стоит прекрасный алебастровый саркофаг. Он считается блестящим украшением египетской коллекции. На пьедестале саркофага укреплена табличка. Она сообщает, что итальянец Бельцони в 1817 году нашел этот саркофаг в Долине царей у Фив, в одной из гробниц фараонов. Саркофагу приблизительно три тысячи лет и в нем, вероятно, покоилась мумия фараона Сети I....

Между тем немецкая экспедиция проводила исследования в стране на Ниле. Ее руководитель, Рихард Лепсиус, шел по следам Бельцони. Все, о чем делец и искатель приключений Бельцони скорее догадывался и предполагал, чем видел на самом деле, стало теперь очевидным. Пирамиды были памятниками-гробницами. Это верно. Но когда они были сооружены? Вот что интересовало ученого Лепсиуса больше, чем искателя сокровищ Бельцони. Остатки тридцати других, до того неизвестных пирамид откопали ученые в песках пустыни. Лепсиус, опираясь на открытие Шампольона, перевел надписи на стенах храмов. Он сравнивал, вычислял и раскапывал. Близ пирамид

он нашел множество глубоких шахт, которые служили местом погребения знатым египтянам.

Лепсиус исследовал их с основательностью немецкого ученого. Остатки погребальной утвари не были похожи на находки, обнаруженные в руинах Мемфиса. Они были старше. Лепсиус видел памятники в Тель-эль-Амарне. Росписи на этих памятниках были выполнены в иной манере, чем рисунки в фиванских храмах. Столетия сохраняли древнеегипетские художники одинаковую манеру рисунка. Вдруг во времена правления фараона Аменхотепа IV, называвшего себя Эхнатоном, изменился их стиль. Сколько столетий тому назад это было? И когда началась история Египта?

Назад к пирамидам! И вновь ученые сравнивали и подсчитывали. Первые цари древнего Египта могли править около 3900 года до н. э. Итак, Шампольон ошибался почти на 2000 лет, когда предположил, что первый правитель Египта, царь Менес, жил около 5870 года до н. э.

Бельцони был коллекционером древностей. Лепсиус проник в прошлое. Он соединил в одну цепь свои находки и открытия и сделал соответствующие выводы. Он доказал то, что до сих пор было только предположением, и установил эпоху Древнего царства, в течение которого около тысячи лет Египтом правили шесть династий. Но, несмотря на свою пунктуальность, он ошибся.

Его опровергли астрономы и сами древние египтяне. Благополучие и существование Египта во все времена определялись «праотцем» Нилом. Ежегодно затоплял он пустыню вдоль своих берегов и оставлял на ней огромное количество плодородного ила. Когда уровень воды падал, ил оставался и трижды давала урожай таким чудесным способом удобренная земля. Нильский ил был богатством Египта, он кормил многочисленных рабов, армию феллахов.

Египтяне могли заранее вычислить разливы Нила. Если разливы были слабы — наступал голод. Иной раз Нил затоплял города и разрушал их, вместо того чтобы приносить благополучие. Стихийные бедствия описывались древними жрецами в хрониках. Если на небе появлялась комета, это считалось предвестником несчастья. Ее появление записывалось. Начиналось солнечное или лунное затмение — египтяне говорили: боги сердятся. Но восход ярко сияющего Сириуса снова возвещал людям добрые предзнаменования. Все это высеклось на камне.

А теперь астрономы могли считать в обратном порядке. Археологи предоставили в их распоряжение иероглифические

тексты, переведенные египтологами. С математической точностью астрономы устанавливали, какая комета должна быть видна в это или другое время, какое солнечное или лунное затмение произойдет в этом или в другом году.

В 1843 году в Карнаке была найдена табличка. На ней перечислялись имена всех царей, начиная с раннего Египта до восемнадцатой династии. Писец Тунри называл себя создателем этого списка правителей.

«Царский список из Абидоса» был также дешифрован. В храме фараона Сети I на одной из стен нашли изображение самого фараона, воздающего почести своим предкам. Семьдесят шесть предков фараона насчитывалось в списке.

Табличка из Карнака и список из Абидоса содержали, вероятно, последовательный перечень царей, но без указания времени их правления. С помощью астрономов удалось выяснить времена правления фараонов.

Все, что исследовал Лепсиус, что сообщали иероглифы о походах, о чужеземном владычестве и победах, о наводнениях и новых постройках храмов при том или другом царе,— все это было сопоставлено с данными древних астрономов, датировано и систематизировано.

История Египта начинала вырисовываться. Слово тени из тьмы веков, выступали строители пирамид — цари Хеопс, Хефрен, Микерин и все преемники, следовавшие их примеру. Период Древнего царства мог быть теперь определен более точно. Лепсиус был прав — в эту эпоху было шесть династий. Но первый царь, Менес, правил в 2900 году до н. э., а не на тысячу лет раньше, как считал Лепсиус.

Надпись на табличке перед саркофагом Сети I в лондонском музее Сона была изменена: слова «вероятно» и «приблизительно» зачеркнуты. Новое пояснение гласило: «Алебастровый саркофаг фараона Сети I, правителя 18-й династии, предшественника Рамсеса Великого. Время правления Сети I — с 1308 по 1298 г. до н. э.».

Загадки страны фараонов, казалось, были разрешены. Порядок смены правителей Древнего царства также был установлен (с небольшими исключениями). Стало известно о падении Древнего царства и об установлении после этого господства фиванской знати.

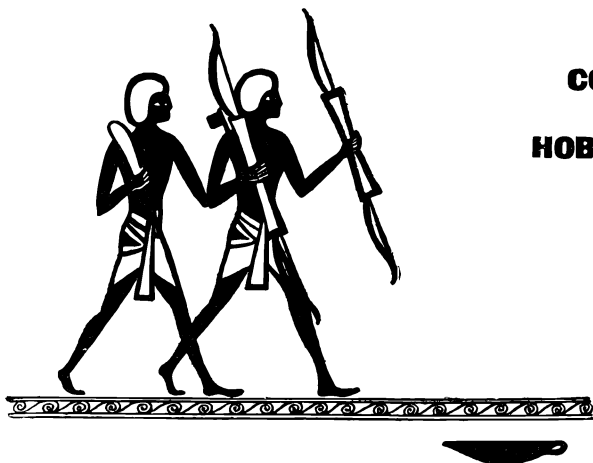
Были сделаны новые открытия, расшифрованы новые иероглифические тексты. Каждый свиток папируса пополнял знания о древнем Египте.

Теперь историю фараонов можно было подтверждать фактами, а не основываться на предположениях, как было до сих

пор. Несмотря на это, археологи продолжали раскопки. Долина царей стала богатейшим местом находок в Египте. В скалах открыли шахты, где были погребены мумии. Неутомимые археологи находили в долине новые погребения. Когда Джованни Бельцони, искатель сокровищ, думал, что он завершил работу полностью, он ошибался. В дальнейшем были обнаружены и раскопаны шестьдесят погребений царей восемнадцатой и девятнадцатой династий. И только теперь казалось, что долина раскрыла все свои тайны.

Но все ли?

ГРАБИТЕЛИ И УЧЕНЫЕ СОПЕРНИЧАЮТ В ПОИСКАХ НОВЫХ ГРОБНИЦ ФАРАОНОВ

В 1844 году Лепсиус так тщательно измерил Долину царей, что ученые всего мира считали напрасными дальнейшие поиски новых нераскрытых гробниц. Однако то, что не удалось ученым с их научными методами поисков, посчастливилось осуществить в 1871 году банде грабителей, состоящей из членов семьи Абд-эль-Расула из деревни Курна. Они нашли в расщелине горы близ Фив тайник с царскими мумиями, которому было три тысячи лет! Искателям сокровищ сразу стало ясно, что эта исключительная находка сделает их богатыми людьми, если удастся сохранить все в тайне. Поэтому они каждый раз брали из своего тайника отдельные драгоценности. В течение десяти лет грабители с глубокой осторожностью продавали древнеегипетскую погребальную утварь.

В конце концов об этом весьма прибыльном предприятии узнала дирекция Музея египетских древностей в Каире. Удалось напасть на след Абд-эль-Расулов. Сначала грабители упорно отрицали свою причастность к этому делу, но в конце концов один из членов банды признался и привел уполномоченного дирекции музея Эмиля Бругша в Дейр-эль-Бахри. «Все помещение, — рассказывал Бругш о том, что он увидел в расщелине скалы, — было заполнено саркофагами и антикварными изделиями. Мне казалось, что я вижу это во сне — так я был удивлен. Я насчитал в камере тридцать шесть саркофагов царей, цариц, принцев и принцесс».

В волнении расшифровывал Бругш иероглифические надписи на саркофагах. Он прочел имена великих фараонов восемнадцатой и девятнадцатой династий:

Сети I, Рамсес II, Аменхотеп I,

Тутмос I, Рамсес III.

Разграбленные гробницы некоторых из этих царей находились в долине.

Наверное, со временем жрецы царского Города мертвых перенесли сюда саркофаги и погребальную утварь из ограбленных гробниц, чтобы спасти все это от полного разграбления. Вероятно, это происходило ночью и в глубокой тайне.

Бругш пытался представить себе эту картину: тайные советы жрецов хотели возглавлять процессию. Гигантского труда стоило тащить тяжелые каменные саркофаги по гальке вверх на гору и затем на канатах поднять к расщелине. И когда после этого вход был замурован, не осталось никаких следов погребения. Все было сделано так тщательно, что в течение трех тысячелетий грабители могил не могли найти входа сюда.

После находки Абд-эль-Расула необыкновенное счастье улыбнулось еще двум известным археологам. Один из них, Лоре, был генеральным директором Службы древностей в Каире. В 1898 году он нашел в долине пустые гробницы царей Тутмоса I и III и гробницу Аменхотепа II. В последней помещались тринадцать царских мумий!

Но куда делась богатая погребальная утварь?

На этот вопрос могли бы ответить только грабители могил древнего Египта.

И все-таки открытие Лоре было одним из самых значительных. Кроме того, эта находка дала возможность восполнить пробелы в списке египетских царей.

Другим счастливым археологом оказался американец Теодор М. Девис. В 1902 году он получил официальное разрешение на производство раскопок в Долине царей и тотчас начал поиски гробниц. Обладая значительными средствами, он смог привлечь к работе несколько квалифицированных научных сотрудников, в том числе англичанина Говарда Картера. Этот молодой человек считался выдающимся знатоком египетских древностей. Он был сыном художника-анималиста и поэтому имел склонность к живописи. Еще когда он жил в Лондоне, египтолог Ньюберри поручил ему снять копии с рисунков, хранящихся в Британском музее. Картер выполнил это поручение с таким усердием, что Ньюберри пригласил его с собой в Египет. Восемь лет Картер раскапывал египетские гробницы и снискал себе такую славу, что Масперо, генеральный директор Службы древностей в Каи-

ре, назначил его главным инспектором памятников Верхнего Египта и Нубии с местом пребывания в Фивах. Оказанное доверие вовсе не вскружило голову молодому честолюбивому археологу. Картер поставил себе определенную цель: найти одну гробницу, которая, по его мнению, должна была находиться в Долине царей. Этот фараон был весьма незначительным властелином.

Как наследник знаменитого реформатора религии Аменхотепа IV, после 1352 года до н. э., он носил корону царств — Верхнего и Нижнего Египта. Его имя — Тутанхамон — претерпело несколько изменений.

Когда Теодор Девис принял на службу по рекомендации Масперо Картера, молодой археолог понял, что приближается к своей заветной цели. Новые служебные отношения позволили ему по его усмотрению, не считаясь с финансовыми расходами, искать гробницу Тутанхамона.

Прошел год и не принес каких-либо значительных находок. Потом Картер обнаружил, наконец, гробницу. Испытывая такое же волнение, какое в свое время испытал Эмиль Бругш, расшифровывал Картер надписи на ее стене. С их помощью он хотел узнать, кому из фараонов была воздвигнута эта гробница.

И он прочел: Тутмос IV. Опять надежда обманула его. Другие участники экспедиции открыли гробницы Сиптаха, царицы Хатшепсут, Тутанхамона, Хoremхеба.

Были откопаны также гробницы пращуров супруги Тутанхамона, и, наконец, под одной из скал Девис нашел кубок с именем Тутанхамона. Находившийся поблизости тайник в скале хранил большие запечатанные глиняные сосуды. Так как они содержали только черепки, свертки полотна и тому подобный, по-видимому, не имевший ценности хлам, то Девис передал все в Метрополитен-музей в Нью-Йорке для исследования. Тем временем он основательно исследовал местность, где был найден кубок, и натолкнулся на небольшое шахтовое погребение. Там оказалась алебастровая фигура, обломки деревянной шкапулки и несколько золотых пластинок, по-видимому хранившихся в ней.

На пластинках были выгравированы изображения и вензеля Тутанхамона и его супруги Анхесенамон!

Девис был убежден, что нашел гробницу Тутанхамона. Напрасно Картер доказывал ему, что такое скромное погребение в лучшем случае могло принадлежать высшему чиновнику, но ни в коем случае не царю восемнадцатой династии. Девис придер-

живался иного мнения и считал, что им наконец-то открыта гробница Тутанхамона.

Как одержимый, Картер продолжал искать. Многочисленные находки указывали на то, что место захоронения царя совершенно определенно находилось здесь, в долине, и нигде больше. Не могла же гробница Тутанхамона провалиться в скалистую почву! Но когда Картер тщательно обследовал долину, он вынужден был согласиться с тем, что здесь нет почти никакой надежды найти хотя бы одну нераскрытую гробницу. Долина была уже перерыта множество раз, повсюду возвышались горы щебня, как будто тут копались кроты-великаны. Даже на склонах скал, окружавших долину, не оставалось ни одного местечка, которое не было бы тщательно проверено.

И Картер стал сомневаться в существовании гробницы Тутанхамона в долине. Он был уже готов отказаться от поисков в фиванском некрополе, когда на другой стороне Атлантики было закончено одно важное научное исследование. Содержимое выкопанных Теодором Девисом глиняных сосудов было тщательно проверено в нью-йоркском Метрополитен-музее. Результат оказался самым ошеломляющим: это были остатки предметов, которые употреблялись при захоронении определенного лица.

За исключением нескольких воротников из цветов, полотняных платков и черепков от великолепно расписанных ваз, все остальные обломки имели печать царского некрополя и знаки имени Тутанхамона!

Можно было с уверенностью предположить, что эти предметы при уборке гробницы Тутанхамона были забиты в глиняные кувшины.

Известие о результатах исследования привело Картера в праздничное настроение. Его предположения опять оказались правильными. Тутанхамон был погребен в Долине царей! Место находок глиняных кувшинов было приблизительно в центре долины. Следовательно, и гробница должна была находиться где-то поблизости. И как раз там возвышались горами тонны щебня. Они были нагромождены во время предыдущих раскопок. Картер знал также: под горами щебня ничего не нашли.

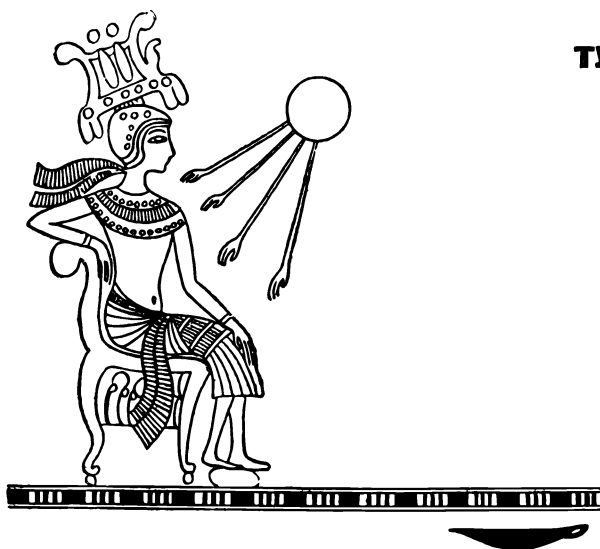
Девис, с которым Картер вел переговоры о возобновлении раскопок, отказал ему. Картер совсем отчаялся. Его скудные средства не позволяли ему вести раскопки за свой счет. И тут ему снова пришел на помощь «добрый дух». Это был богатый лорд Карнарвон. Лорд снискал себе добрую славу как путешественник, коллекционер и спортсмен. Во время автомобильной катастрофы он получил травму и теперь искал отдыха в Египте. Археология интересовала лорда с давних пор, а когда

он присутствовал во время раскопок в Долине царей, то решил применить свои силы в этой области.

Генеральный директор Службы древностей в Каире Масперо в 1906 году сообщил Карнарвону, этому богатому чудаку, о разрешении вести раскопки в окрестностях Фив, но не в Долине царей, где все еще имел концессию американец Девис. В течение одной зимы Карнарвон копал без какого-либо специального плана. Потом Масперо поставил его перед выбором: либо вообще отказаться от раскопок, либо нанять квалифицированного археолога.

Лорд Карнарвон решился на последнее и пригласил Говарда Картера. С этого момента и начинается история находки, подобной которой мир еще не знал.

КЕМ БЫЛ ТУТАНХАМОН?

В 1914 году Девис отказался от концессии. В течение двенадцати лет он и его коллеги исследовали Бибан-эль-Молук и его обширные окрестности с переменным успехом. Теперь Девис был убежден, что даже человек с рентгеновским аппаратом не найдет здесь и глиняного черепка времен фараонов. Подобного же мнения придерживались и другие выдающиеся египтологи. Вся долина была буквально просеяна еще в прошлые десятилетия. Было бы бесполезной тратой времени, говорили специалисты, провести хотя бы один час на раскопочных работах в Бибан-эль-Молуке.

Говард Картер все еще был другого мнения. Он попытался посмотреть на Город мертвых глазами человека, который здесь жил около трех тысяч трехсот лет назад во время фараона Тутанхамона. Он представлял себе, как рабы высекали проход в скалистой почве долины, как выдалбливали переднюю комнату, как возникал погребальный покой.

Царь приказал построить гробницу. Он был еще молод, этот фараон Тутанхамон, но у него уже были мрачные предчувствия. Его родственник и предшественник на троне обоих царств — Верхнего и Нижнего Египта, царь Сменхкара, после недолгого правления умер при странных обстоятельствах. Его похоронили так же недостойно, как и «великого отца» Аменхотепа IV, который называл себя Эхнатоном. Последний навлек на себя гнев

жрецов Амона, когда запретил почитать старых богов и приказал закрыть их храмы. Единственным богом он объявил Атона — бога солнца, а изображения других богов приказал уничтожить. Он покинул старую столицу Фивы и в 400 километрах вниз по реке основал новый город. Отсюда он хотел управлять своей страной по-новому. Народ отныне должен был почитать только одного бога — Атона. Поэтому свою новую резиденцию Эхнатон назвал «Горизонтом Солнца». Самые выдающиеся зодчие Египта построили здесь для бога солнца великолепный храм. Царь разрешил каждому мастеру творить непринужденно, не следуя никаким традициям, а так, как подсказывала фантазия каждого из них.

Исчезли старые застывшие формы. Возникло новое, прекрасное искусство. Художественные образы стали реалистичней. Камнерезы и строители, художники и ваятели, ремесленники и рисовальщики — все были воодушевлены новым свободным образом мыслей Эхнатона.

Но жрецы Амона не дали себя сломить. Втайне они подстрекали военачальников против еретика Эхнатона. Они утверждали, будто он не заботится об управлении государством, а дело защиты от врагов, всегда внезапно нападающих на страну, передоверил своим неспособным вассалам.

Неожиданно царь умер. Жрецы ликовали, потому что Сменхкара, новый фараон, не был для них опасным противником. Когда же и он не пожелал отказаться от реформ Эхнатона, жрецы, возможно, приняли решение убить его. Народ, вероятно, знал, кто были убийцы царя. Но никто не отважился громко высказать свои подозрения.

Это было настоящим позором, когда сами жрецы не удостоили мертвого фараона почестями погребения. Его набальзамированный труп был выброшен из саркофага *. Был ли он брошен в Нил или, быть может, сожжен? Сторонники Эхнатона ночью перенесли его саркофаг в Фивы и скрыли в маленьком склепе в Долине царей вместе с предметами погребальной утвари из гробницы царицы-матери Тии.

Как же мог защищаться юный наследник Тутанхамон против могущества противников? Он уступил натиску придворных, снова признал бога Амона и восстановил его культ. В угоду жрецам он даже изменил собственное имя. Тут-анх-атон — так называли его до сих пор, что означало «Живое подобие Атона». Отныне он стал называть себя Тут-анх-амон и перенес свою

* Мумия фараона Эхнатона до сих пор археологами не обнаружена.

резиденцию из «Горизонта Солнца» в старую столицу — Фивы. Говарду Картеру было известно, как старался юный царь угождать врагам своих предшественников. Он прочитал надпись на памятнике, который был сооружен по распоряжению юного царя:

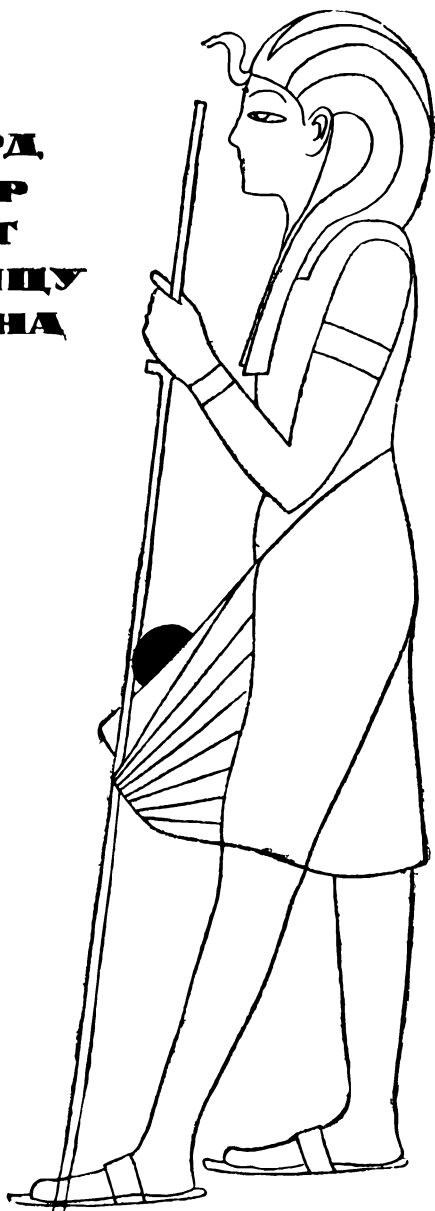
«Я нашел храм Амона в развалинах: святилища заросли бурьяном. Я вновь воздвиг святилища, я восстановил храмы и пожертвовал им всевозможные драгоценности. Я отлил изваяния богов из золота и серебра, украсив их лазуритом и всевозможными драгоценными камнями».

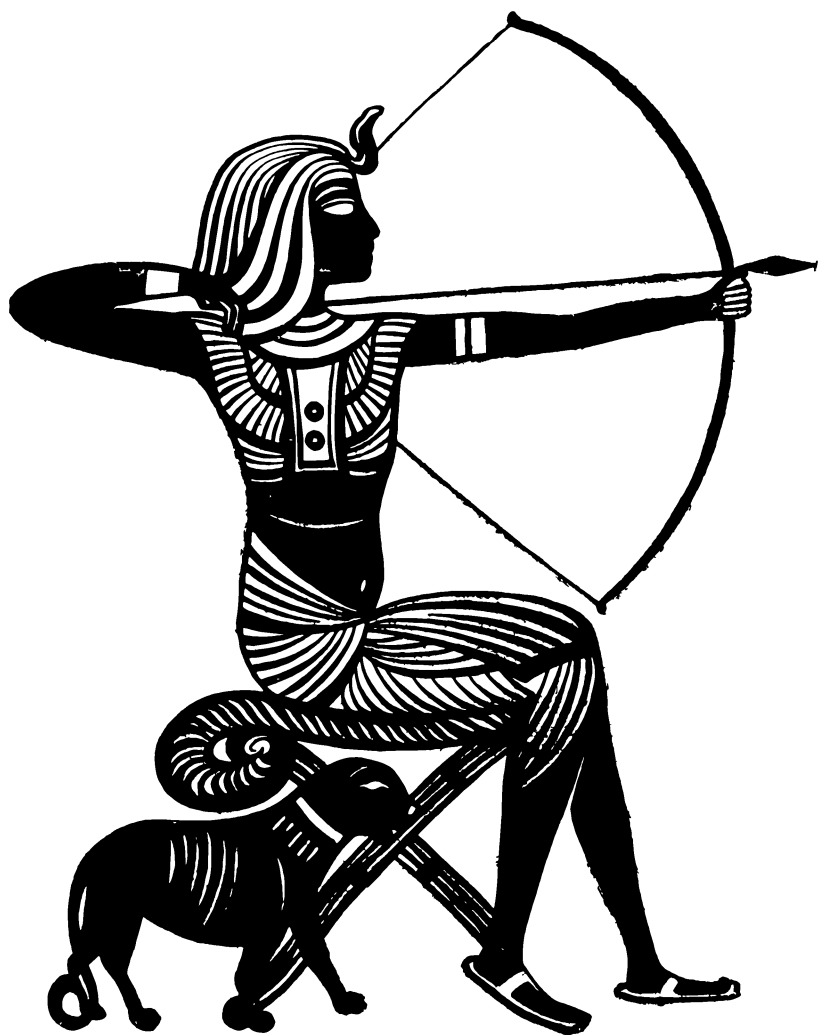
Но вся эта щедрость не помогла юному фараону снискать благосклонность своих врагов. Он был кровным родственником царя-еретика Эхнатона, и поэтому жрецы желали его смерти. И этот миролюбивый царь умер преждевременно. Преемником его стал высший сановник Эйе.

Картер думал, что торжествующий царь не имел больше оснований преследовать после смерти своего побежденного предшественника. Вероятнее всего, именно поэтому Тутанхамон мог быть погребен в царском некрополе.

Следовательно, как же могло случиться, что гробница Тутанхамона не была найдена в Долине царей?

**ГОВАРД,
КАРТЕР
ИЩЕТ
ГРОБНИЦУ
ФАРАОНА**

Опираясь на костыль, лорд Карнарвон стоял перед входом в гробницу Рамсеса VI и всматривался в скалистую долину. Он договорился с Говардом Картером подождать его здесь. Но прошел уже час после условленного времени, а Картер все еще не показывался. Безлюдная, покрытая пылью дорога вела к некрополю. Ни дерево, ни кустик не оживляли эту пустынную, покрытую обломками камней и щебня долину. Все кругом навевало смертельную скуку. Единственным, что двигалось по земле, была тень одиноко парящего коршуна.

Злосчастная мировая война внезапно сократила поток туристов, ежегодно совершавших паломничество в Долину царей. Массовое убийство, начавшееся в 1914 году, продолжалось вот уже три года. Что стоило теперь исследование древностей? Люди так и не извлекли никакого урока из своего прошлого.

Карнарвон вздохнул. А если так будет продолжаться до конца света? Стоит ли вообще дополнять историю древности, если современный человек может решать разногласия лишь с помощью оружия? Как все-таки прав был известный археолог Девис, который несколько лет назад на этом самом месте сказал:

«Я изучал надписи на гранитных колоннах храма в Карнаке и должен заявить, что современные монархи в своей страсти к хвастовству и жажде войн далеко превзошли древних фараонов».

И это заявление Девис сделал в 1906 году, когда даже пессимисты не могли предполагать опасность войны.

Лорд Карнарвон посмотрел вокруг. Долина опустела. И это было следствием сви-

репствующей в Европе войны. Что же его держит здесь? Для кого хотел он открыть гробницу фараона? Молодые ученые сменили свои рабочие кители на военную форму. Никто не интересовался более династиями царей древнего Египта. Гробницы Аменхотепа, Тутмоса и Рамсеса, найденные здесь, в долине, оказались ограбленными. И разве не говорил Девис: «Искать в этой долине нескрытую гробницу фараона — такое же безумие, как искать живую мышь в каменной глыбе».

Карнарвон улыбнулся, вспоминая Теодора Девиса. Он никогда особенно не терпел этого умного, но надменного американца. Может быть, виной тому была его язвительность или привычка считать каждого, кто не придерживался его взглядов, глупцом. Карнарвона раздражало также, когда Девис сопровождал свой доклад постоянным постукиванием косточками пальцев по ладони. При этом очки все время сползали у него на кончик носа, что, казалось, нисколько не мешало ему.

Карнарвон как сейчас слышал гневный голос ученого, когда тот удостоил его однажды следующей речью:

— Как долго вы уже в Египте, милорд? Хе? Всего лишь пару месяцев, так я полагаю? И вы думаете, что стоит вам лишь немного поковырять здесь щебень вашей тросточкой, как перед вами сверкнет жук-скарабей времен Рамсеса Великого, хе? Да знаете ли вы вообще, милорд, что египтологию надо изучать? Знаете ли вы, что мне потребовалось двадцать лет, чтобы суметь правильно расшифровывать иероглифы? — Затем он должен был сделать паузу, так как очки его опять соскользнули. Тут он поднял руку к небу. — Как невозможно мне поймать коршуна в воздухе, так не удастся вам без специальных знаний отличить древнеегипетские остраконы от ничего не стоящих осколков камней.

Произнеся эти слова, он круто повернулся и пошел прочь.

Однако, пройдя несколько шагов, ученый остановился и пробормотал через плечо:

— Для чего вы, собственно говоря, ищете древности, милорд? Чтобы похвастаться ими у себя дома?

— Но ведь мне доставляет такое же удовольствие, как и вам, откопать нечто такое, что уже тысячи лет лежит в земле.

После такого ответа Девис удивился, а затем возмущенно произнес:

— Что такое вы говорите, милорд! Я здесь не для собственного удовольствия, а потому, что хочу обогатить науку новыми находками, понимаете?

— Но если вам посчастливится открыть что-то новое, неужели вы совсем не обрадуетесь?

Девис опять посмотрел на него в замешательстве. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог ответить:

— Если я радуюсь, то только потому, что поиски древностей могут расширить наши познания. Каждая находка умножает наши знания, вы понимаете? А вы хотите не изучать, а лишь находить, и это для вас такой же спорт, как если бы стрелять во львов. Почему бы вам не отправиться охотиться на львов, ха?

— Потому что я наполовину инвалид, мистер Девис. Или вы думаете, я таскаю костыль ради удовольствия?

Девис заморгал глазами, снял очки и вновь водворил их на место. Ученый был явно смущен и, казалось, искал возражений. Однако он ограничился раздраженным жестом и ушел.

Второй раз Девис разговаривал с Карнарвоном в Фивах в 1907 году.

— Милорд, послушайте-ка меня! Я обдумал, как вам помочь. Если хотите, можете войти в штаб моих сотрудников в качестве ученика. Пока что вы будете помогать мне сортировать находки и пополнять картотеку, ха? Что вы думаете об этом?

— Я вам премного благодарен, мистер Девис. Но я уже нашел себе хорошего сотрудника. Масперо очень рекомендовал его мне. Это Говард Картер.

Старый ученый несколько секунд стоял молча. Потом закричал:

— И зачем этот Картер решил стать вашим сотрудником? Может быть, он хочет также использовать ваши деньги на поиски гробницы Тутанхамона? Уверяю вас, что этой гробницы не существует! Этот фараон был похоронен в шахтном погребении, которое я открыл несколько лет назад.—И он добавил умоляющим тоном: — Не давайте Картеру вскружить вам голову, милорд! Не верьте его бредовым фантазиям. Отправляйтесь в путешествие, совершите, пожалуй, кругосветное плавание, если вам угодно, но не касайтесь вещей, которые охраняют древние боги.

— Вы меня удивляете, мистер Девис. Сначала вы сказали, что гробница уже открыта вами, а теперь — что ее охраняют старые египетские боги.

Мучительно ища слова, ученый теребил свои редкие волосы.

— Милорд, не задавайте мне так много вопросов. Признаться, я был не прав, когда принял вас за богатого бездельника, который причуды ради хотел вести раскопки. Между тем я заметил, что вы с любовью относитесь к делу. Но искать гробницу Тутанхамона — это все равно что принимать яд. Да,

милорд, я так же был отравлен мыслью, что, может быть, неверно, будто...

Он неожиданно остановился, снял очки, протер их с преувеличенным усердием и пробормотал изменившимся резким голосом:

— Я отказываюсь от всего этого, милорд. Окончательно отказываюсь. Можете передать от меня привет Картеру. Я ценю его как исключительно трудолюбивого работника. Прощайте.

Задумчиво ковырял Карнарвон концом костыля в пыли. Сравнение Теодора Девиса казалось обоснованным. Он сам уже не раз был готов прекратить поиски этой заколдованной гробницы. А когда в первые годы войны археологическая работа была приостановлена, решение о прекращении работ, собственно, было уже принято. Но потом он опять приехал сюда и сегодня должен был вновь начать поиски.

Только где так долго пропадает Картер? Он обещал привести по крайней мере дюжину рабочих. Впрочем, довольно смешное намерение. В 1917 году, когда формировались колоннальные отряды для многочисленных фронтов, Картер хотел нанять дюжину рабочих. Говард Картер, наверное, неизлечимо отравлен тем самым ядом, о котором говорил Девис. Куда это только приведет? Поиски гробницы еще в прошлые годы поглотили целое состояние. Даже если он ее найдет, ни пенни не возвратится назад. Согласно контракту с египетским правительством все, даже мелкие предметы из погребальной утвари, должны передаваться в Каирский музей.

В приступе внезапного гнева лорд отшвырнул камень палкой. Единственно разумным шагом было бы оставить Египет. И притом тотчас же! О Картере можно было не беспокоиться, так как тот, безусловно, найдет себе нового мецената после окончания войны.

Карнарвон решительно поправил сюртук, сделал шаг и — остановился.

Покинуть верного Картера таким нечестным образом недостойно лорда Карнарвона. Почти десять лет Картер был для него самоотверженным другом и учителем... С какой любовью и тщательностью изучал Картер находки из гробницы царицы Тии и узнал таким образом, что эта гробница первоначально предназначалась для фараона Тутмоса IV. Каким образцовым гидом в прошлое был Картер! Каждый крохотный черепок представлял для него новую страницу в книге истории Египта. Покинуть такого друга, значит предать самого себя.

Лорд Карнарвон неожиданно вздрогнул. В скалах раздалось эхо чужих голосов. Группа иностранных туристов направлялась

к царским гробницам. Теперь, в годы войны? Едва ли это возможно.

Карнарвон с любопытством всматривался. Люди пока еще находились за холмом щебня. Но вот один из них вышел из-за поворота дороги.

Говард Картер!

А за ним шли — Карнарвон подумал, что это обман зрения, — Райс Ахмед Гургар! Гад Хассан! Райс Хуссейн! Абдела-лад Ахмед! Хассан Авад!

Где отыскал Картер этих бригадиров, ведь они были лучшими из лучших? Их предводитель Райс Ахмед Гургар, сияя от радости, широко расставил длинные руки, как будто хотел уже издали притянуть к себе лорда Карнарвона. Его худое смуглое лицо египтянина выражало радость встречи.

Абдела-лад Ахмед подобрал свое черное платье, похожее на рубаху, и исполнил дикий танец. А теперь, когда Карнарвон захромал им навстречу, ликовали все.

Ахмед Гургар низко поклонился и, положив правую руку на сердце, сказал на ломаном английском языке дрожащим от волнения голосом:

— Господин, твои слуги приветствуют тебя. Мы все очень счастливы. Ты и дорогой мистер Картер всегда были в наших сердцах.

— Тысячу лет здоровья тебе, господин! — крикнули остальные хором, окружив при этом Карнарвона так стремительно, что Картер с трудом мог подойти и объяснить.

— Вы удивлены, милорд, не правда ли? Да, я хотел вас ошеломить. Было не так просто освободить наших друзей от военной службы. Мне пришлось использовать все свои связи. Я бомбардировал прошениями военного губернатора. Я втянул в это дело Службу древностей в Каире и почти заговорил на смерть чиновников. И вот результат...

Он с гордостью показал на завербованных.

— Наши лучшие люди вновь работают с нами.

— Картер, вы молодец! — Карнарвон был поражен. — Без этих славных парней мы сидели бы сложа руки. Они вселили в меня мужество. Я очень, очень рад.

— Мы также! Мы также! — ликовал Хуссейн. — Мы не должны больше таскать ружья. Здесь, у мертвых царей, — мир.

— К нам придут еще около двадцати феллахов, сэр, — добавил Картер. — Правда, это преимущественно пожилые люди. Но наши бригадиры их живо научат. Кроме того, я раздобыл строительные материалы. Надеюсь, их скоро доставят сюда, и тогда я тотчас же оборудую новую кладовую.

Карнарвон в отчаянии смешно тер щеку.

— Так вы собираетесь обосноваться здесь на несколько лет?

Картер удивленно посмотрел на него:

— Если мы хотим искать гробницу Тутанхамона, потребуется длительное время, милорд. У меня есть новый план. Мы определим треугольник, образованный гробницами Рамсеса II, Мернептах и Рамсеса VI...

Он продолжал рассказывать, и, бурно жестикулируя, показывая границы треугольника, он сгребал руками воздух, чтобы показать, сколько надо будет откинуть мусора.

С каждым новым заявлением Картера лицо Карнарвона становилось все более озабоченным. Если выполнить все намерения Картера, значит придется вывезти тысячи тонн щебня и гальки. Часть долины приняла бы при этом совсем иной вид. А Картер уже говорил о строительстве железной дороги, по которой можно будет вывозить убранный грунт.

— Послушайте, Картер,— прервал его доклад Карнарвон, но продолжить свою мысль не решился. Он задумался над тем, как бы выразить ее, чтобы не обидеть археолога, вдохновленного своей идеей.— Итак, дело... я должен вам сейчас откровенно сказать, что я думаю о вашем плане. У меня есть некоторое состояние, но все же я полагаю, что моих денег не хватит, чтобы снести гору.

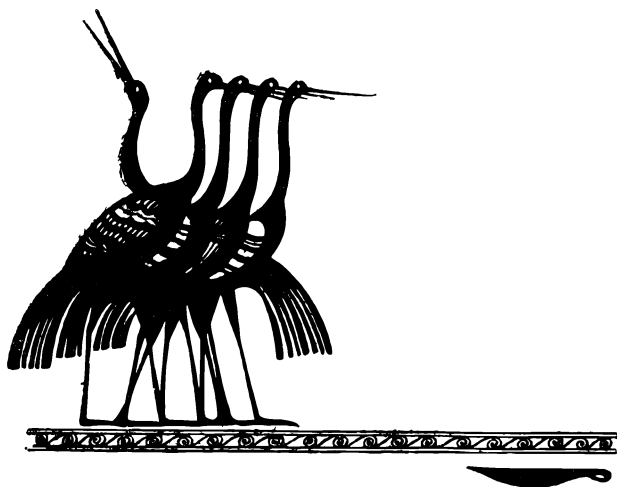
Он ожидал, что Картер испугается или по крайней мере будет разочарован.

Ничего подобного не случилось. Археолог только улыбнулся, как ребенок, у которого взрослый в шутку отобрал игрушку и который поэтому уверен, что ему вернут ее снова.

— Вы говорите о деньгах, сэр,— сказал он, все еще лукаво улыбаясь.— Что значат деньги, если мы, может быть, откроем нетронутую царскую гробницу. Подумайте, сэр, какое это будет иметь значение для изучения древнего мира! С незапамятных времен человечество еще не находило подобной гробницы. Лишь по рельефам на колоннах и стенах храмов мы знаем о тех предметах, которые клали древние египтяне в гробницы своим покойникам. Но как эти вещи выглядят в действительности, мы можем представить только с помощью фантазии. Как было бы чудесно увидеть все это.

Он мечтательно смотрел на горы щебня. Потом неожиданно протянул к ним руку:

— Где-нибудь под этими камнями лежит гробница! Я это чувствую. Какой-то голос вот уже десять лет шепчет мне одно и то же: «Ищи дальше! Не сдавайся! Ты найдешь гробницу, если веришь в это».

Обессиленный Ахмед свалился на гальку. С раннего утра он не позволял себе ни минуты отдыха. Он то помогал наполнять корзины щебнем, то бежал по доскам, служившим сходнями. Он чинил инструменты и показывал неопытным рабочим, как ими пользоваться. Там сломалась ручка лопаты, и ее нужно заменить новой, здесь подбодрить ленивых рабочих, а кое-где нуждаются в его совете — как убрать большие обломки скалы.

— Разбейте их на куски! — кричал он, а так как рабочие тупо глядели на него, сам брался за инструмент. Теперь он очень устал.

Чья-то рука легла на его плечо. Сзади стоял начальник. Гургар хотел услужливо вскочить, но Картер придавил его рукой книзу. Затем он сказал на местном наречии:

— Ахмед, феллахи ворчат. Ты слишком подгоняешь их. Ведь это немолодые люди. Они не выдержат, если ты будешь заставлять их так работать.

Гургар поднял руку к Картеру.

— Прости твоего слугу, но ты тоже далеко не юноша, а работаешь как буйвол. Аллах может дать тебе десять тысяч лет жизни, но посмотри на себя в зеркало! Ты стал худым, как муля, погребенная в песках пустыни.

Картер машинально потрогал свои ввалившиеся щеки.

— Я тоже не феллах, Ахмед. Я взял на себя большую ответственность. Лорд Карнарвон снова уехал в Англию, и до его

возвращения я собирался в ближайшую зиму найти какое-нибудь доказательство тому, что гробница Тутанхамона находится здесь поблизости.

Разговаривая с Ахмедом, Картер внимательно осматривал место между гробницами фараонов Рамсеса VI и Мернептаха. Когда же он снова повернулся к Гургару, тот пропускал между пальцами пригоршню камней.

Быстрым движением Ахмед поднял голову:

— Ты так веришь в эту гробницу, как будто бы сам аллах сказал тебе, что ты найдешь ее здесь.

Картер удивленно посмотрел на Ахмеда.

— А ты разве не веришь в это, Ахмед?

Египтянин пожал плечами. Его взгляд опять следил за игрой правой руки.

— Я никогда не лгал тебе, господин, а поэтому скажу, как думаю: в твоей голове собрана мудрость тысячи книг, но в какой из них написано, что царская гробница находится именно здесь, где мы копаем?

— Так подсказывает мне мой разум, Ахмед. Несколько лет назад здесь находили различные предметы, которые указывают на это. Если гробница вообще существует, то она должна быть здесь, поблизости. Может быть, в пяти метрах под щебнем, а может быть, и того меньше.

— Тогда мои люди должны работать еще быстрее, иначе пройдут две зимы, прежде чем мы раскопаем этот щебень.

Гургар хотел еще что-то добавить, но вдруг издали послышался крик. Бригадир Гад Хассан взволнованно размахивал руками...

— Он что-то нашел! — закричал Ахмед, вскочил и помчался к группе. Картер, который с трудом следовал за ним, увидел Ахмеда и Хассана, которые лихорадочно копали землю. Когда ученый, наконец, подошел к месту находки, Ахмед и Хассан протянули ему осколки камней.

Хассан кричал таким радостным голосом, как будто он нашел по крайней мере царскую корону.

— Я первый заметил их, господин! Мои люди уже хотели бросить эти предметы в корзину. Но ты мне однажды объяснил, что это такое, и я запомнил.

Картер изо всех сил старался скрыть свое разочарование. Предметы, найденные Хассаном, оказались всего лишь остраконами, известняковыми обломками, которые древние египтяне употребляли для письма и рисунков. И все-таки их присутствие указывало на то, что в прежние времена здесь находилась мастерская некоего камнереза, который, возможно, набрасывал

план строительства какой-то гробницы. Картер играл обломками и внимательно осматривал землю.

Гургар проследил за взглядом своего начальника, потом дотронулся до его руки:

— Позволь мне прочитать твои мысли, господин. Ты смотришь на вход в гробницу царя Рамсеса, которого называешь шестым. И ты думаешь, что строитель этой гробницы рисовал здесь палочками, которые Хассан увидел воткнутыми в землю.

Картер кивнул.

— Да, я предполагал это. И уверен, что если мы будем здесь копать глубже, то найдем вещи, употреблявшиеся при строительстве гробницы Рамсеса.

Гад Хассан бросил последнюю лопату щебня в корзину ожидающего его феллаха и облокотился на ручку инструмента, чтобы перевести дух. Рядом с ним копали Ахмед Гургар и Абделад Ахмед. Последний стряхнул движением головы капельки пота со лба и стал рассматривать мозоли на ладонях. Гургар заметил, что его товарищи перестали работать, и это дало ему повод также отдохнуть. Он злобно плюнул на землю:

— Пусть аллах накажет тех, кто нагромоздил столько щебня перед этой гробницей. Пусть накажет их тысячу раз таким ишиасом, какой у меня.

— Ты несправедлив к этим людям,— ответил Хассан.— Они были такие же ученые, как и наш начальник. Все они думали, что здесь можно еще что-нибудь найти.

— Но наш начальник твердо знает, что мы найдем гробницу, а те ничего не знали,— сказал Гургар.

Абделад покачал головой.

— Кто знает, уверен ли он теперь так же, как два месяца назад, когда Гад Хассан нашел эти осколки камней. Мы сами взяли за лопаты, чтобы наши неопытные люди не испортили чего-либо. И что же? Мы не нашли здесь даже самого маленького черепка.

Гад Хассан поймал муху на своей щеке. Он держал ее двумя пальцами и рассматривал как диковинку.

— Эта муха предвещает весну,— пробормотал он.— Через две недели начнется жара, и тогда мы сможем снова отдыхать до следующей зимы. Но прежде мне хочется доставить небольшую радость нашему начальнику. Мы должны убрать этот холм щебня перед гробницей Рамсеса.

— Ты прав,— подтвердил Гургар.

— Господин в последнее время почти ничего не говорит. Он чувствует себя обиженным, потому что лорд Карнарвон написал ему из Лондона — стоит ли еще это дело того, чтобы тратить на него деньги.

— Что мы будем делать, если лорд не пришлет больше денег? — спросил Абделада.— Как вы думаете, придется нам возвращаться в армию?

Гургар презрительно махнул рукой:

— Война в Европе идет к концу. В нас уже больше не нуждаются. Я, однако, скопил немного денег. Если шеф захочет копать один в долине, я скажу ему: «Буду работать для тебя даром до тех пор, пока не найдем что-нибудь стоящее». Тогда лорд снова пришлет деньги из Англии, это я вам говорю точно.

— А я говорю тебе, что мы не найдем здесь больше ничего,— возразил ему Абделада.— Земля, на которой мы стоим, может быть, перекопана уже трижды.

Гад Хассан иронически засмеялся.

— Как же мне удалось откопать остраконы в слое щебня, который лежит всего лишь на два метра выше того места, где мы стоим? Если бы эта земля была уже перерыта трижды, то этот остракон лежал бы там, а другой здесь. Но они лежали все вместе, и, конечно же, не дух древнего египтянина отнес их на прежнее место.

— Если кто-либо из посторонних услышал бы твои речи, Хассан, то, пожалуй, подумал бы, что ты ученый,— похвалил его Гургар и снова взялся за лопату.— Ну, хватит, наболтались.

Черенок лопаты с силой вонзился в щебень. Раздался металлический звук удара железа о что-то твердое.

— Аллах да сотрет в пыль этот проклятый кусок скалы,— пробормотал сердито Гургар и стал осторожно обкапывать твердый предмет. Появился странный темный камень сферической формы и рядом с ним второй.

Гургар нагнулся и стал копать руками. Внезапно он поднялся и позвал рабочего.

— Беги к мистеру Картеру и скажи, чтобы он шел сюда.

Рабочий не торопился, как будто спрашивал у своих ног, согласятся ли они бежать вперед. Тогда Гургар закричал:

— Чего ты еще ждешь? Или я должен просить аллаха, чтобы он наслал песчаную бурю, которая сдует тебя? — И когда ленивец привел, наконец, свои худые ноги в движение, Гургар крикнул ему вслед: — Лети, мой сокол, лети! Быстрее, чем гавель, и я подарю тебе мои две последние сигареты!

— Ты что, ума лишился, Ахмед, — пробормотал Абделада, — этому кривому сыну черепахи ты хочешь пожертвовать две драгоценные сигареты? Даже за одну из них я бы пробежал вдвое больший путь со скоростью взбесившегося буйвола.

— Почему ты поднял такой шум из-за двух ничего не стоящих камней? — удивился Хассан.

Гургар заломил руки над головой.

— Ничего не стоящие камни, говорит этот невежественнейший из учеников археолога! Гад Хассан, посмотри получше на эти большие камни и после этого скажи, что это, по-твоему? Да, да, ты даже не можешь поверить, правда? Твоя мудрость подскажет тебе, что всемогущий в своей доброте позволил мне сделать важнейшее открытие, которое когда-либо удавалось почтенному слуге науки. Скажи мне, что ты теперь думаешь, мой дорогой? Скажи мне об этом!

— Мне кажется, что это куски кремня, — сказал Хассан неуверенно, потом неожиданно посмотрел вверх. — Скажи, а не находили ли мы несколько лет тому назад рабочие хижины, которые стояли на подобных камнях...

— Совершенно верно, мудрейший из всех мудрых, — ликовал Гургар. — У тебя память лучше, чем у Гарун-аль-Рашида. Мистер Картер объяснял нам тогда, что строители гробниц в древнем Египте жили в хижинах возле строительных площадок. И эти камни здесь не что иное, как фундамент такой хижины. Поэтому здесь совсем близко должна быть и гробница.

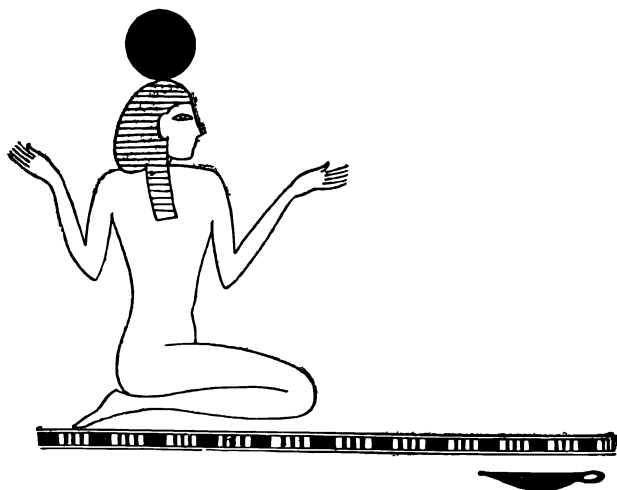
— Чтобы понять это, мне не нужен твой разум, — пробормотал Хассан. — Раскрой глаза пошире и увидишь гробницу Рамсеса шестого прямо перед собой.

— О, какой же ты умный! — насмешливо воскликнул Гургар. — Твой ум так велик, что глаза твои совсем не видят тех вещей, что тотчас же бросились бы в глаза каждому новорожденному. Позволь мне поэтому указать тебе, что моя находка лежит глубже, чем вход в гробницу Рамсеса. Таким образом, рабочие строили гробницу, которая была много древнее.

— Но где же эта гробница?

Задышавшись от ярости, Гургар замахал руками.

— Будем ее искать, главный шейх всех дураков! Может быть, она лежит под нами или по другую сторону дороги, откуда я знаю?

Яма имела уже два метра глубины. Картер еще раз обследовал остатки старинной стены перед котлованом и часть фундамента на дне. Ахмед Гургар выполнил свою работу особенно тщательно. Ни одного значительного камешка не пропустили его искусные руки. Все, что применялось в те времена при постройке хижин, он отобрал со знанием дела.

Теперь не оставалось ничего другого, как засыпать яму. Служба древностей в Каире настаивала на том, чтобы ничто не мешало туристам свободно подходить к гробнице Рамсеса VI.

Гургар был возмущен.

— Господин,— позвал он из шахты,— ты ведь говорил, что мы наверняка найдем здесь что-нибудь, если будем копать глубже, а теперь хочешь все засыпать.

— Ахмед, я должен делать то, что Служба находит целесообразным. Кроме того, со дня на день становится жарче. Нам придется скоро отказаться от работы в долине. Следующей осенью мы начнем гораздо раньше: может быть, тогда нам больше посчастливится.

— Может быть, это не ты говоришь, господин? Когда мы начинали копать в прошлом году, ты был уверен, что мы найдем гробницу.

— Да. А кто тогда сомневался, ты забыл?

Египтянин проворно выбрался из шахты и потащил Картера в сторону от копающих феллахов.

Потом шепотом сказал:

— Ты не знаешь причины, почему я тогда не верил твоим словам. Но теперь тебе о ней нужно рассказать.— Он указал на скалы, которые отделяли Бибан-эль-Молук от долины Нила.— Ведь за этой горой лежат древние Фивы, где находятся большие храмы некоторых царей, погребенных здесь, в долине. Наши люди часто рассказывают, будто в древности из Фив под горой шел тайный ход в Город мертвых.

— Все это сказки, Ахмед. Цари восемнадцатой и девятнадцатой династий полагали, что знают больше, чем их предки. Они считали, что их души могли без помех проникать из гробниц, расположенных здесь, в долине, через скалы в фиванские храмы мертвых и принимать участие в жертвоприношениях в их честь.

— Я это знаю, господин, но думаю над тем, почему такой могущественный царь, как, например, Сети I, приказал вырубить себе здесь, в долине, гробницу длиной в сто сорок один метр. А гробница царицы Хатшепсут имела двести десять метров длины и шла по направлению к Фивам. Почему бы фараонам в таком случае было не сделать ходы в гробнице немного глубже, чтобы выйти на ту сторону? Ты как-то нарисовал карту, на которой было ясно видно, что храм царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри стоит как раз напротив ее гробницы в Долине царей. Будь у меня достаточно денег, я бы уже сегодня начал искать ход, служивший для их соединения.

Картер задумчиво смотрел направо на скалы, где была вырублена гробница великой Хатшепсут. Он ясно представил себе чудесный ступенчатый храм царицы, возвышавшийся по ту сторону хребта, и сравнил его со входом в гробницу на этой стороне. Затем он прервал свои размышления и повернулся к Гургару:

— Что ты хотел мне перед этим сказать, Ахмед?

Египтянин поднял свои темные глаза к небу:

— Иногда аллах открывает мне во сне удивительные вещи. Так, однажды я видел гробницу, которая была намного меньше всех известных мне царских гробниц. Я спустился по ступеням внутрь горы. И эта гора была там, на той стороне, господин. Совершенно точно.

Сочувственно улыбаясь, Картер положил руку на плечо суеверному египтянину:

— Сны — это отражение тайных желаний,— сказал пророк Мухаммед. Ты думаешь, что видишь наяву, когда спишь, но потом просыпаешься и в смущении озираешься вокруг — все,

что ты пережил, было только сном, от которого еще кое-что осталось в твоей памяти.

— Но я ясно вижу эту гробницу.

— Значит, ты продолжаешь мечтать с открытыми глазами и я должен тебя разубедить. Смотри внимательно: там, возле холма щебня, который расчищает рабочая группа Райса Хуссейна, задолго до войны один ученый нашел кубок с выгравированным на нем именем Тутанхамона. Если ты проведешь оттуда прямую к нам, то увидишь углубление в земле. Здесь тот же ученый открыл тайник, в котором лежали части истлевшей шкапулки. Возможно, несколько золотых пластинок, рассыпанных вокруг нее, были когда-то ее содержимым. На этих пластинках также стояло имя царя.

Гургар свистнул в знак удивления. Он хотел было уже задать вопрос, но Картер протянул руку, указывая на ту сторону дороги:

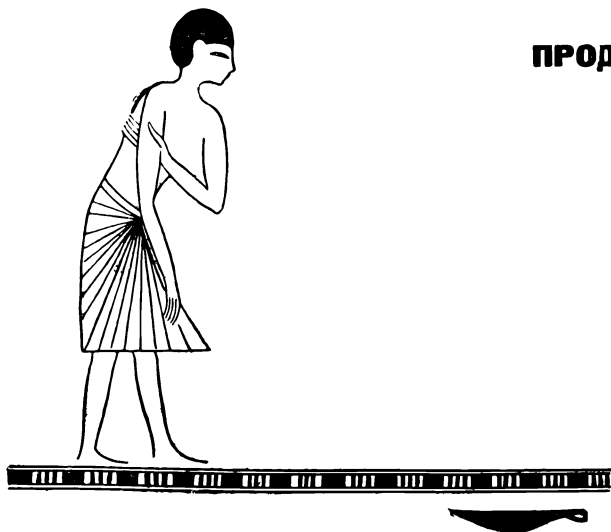
— Теперь посмотри на эту скалу. Там есть отверстие, в котором стояли хорошо укрытые глиняные кувшины. В них были остатки предметов, употреблявшихся во время погребения Тутанхамона. Это точно установлено. Если ты теперь соединишь все три места находок линиями, то получится...

— Треугольник,—крикнул Гургар и схватился за голову, пораженный внезапной мыслью.—Аллах, смилуйся надо мной! Я заслужил, чтобы у меня отросли ослиные уши, так глуп я оказался, господин! Только теперь я понял, как велика твоя проницательность! Ты ищешь гробницу в этом треугольнике! Я должен сейчас же рассказать это моим друзьям, тогда они не будут больше отказываться убирать щебень.

Он хотел бежать, но тут его удержал Картер:

— Ты ничего не расскажешь им, Ахмед, я приказываю тебе. Среди феллахов есть и такие, которые захотят искать древности на свой страх и риск. Может случиться так, что летом, когда нас здесь не будет, они придут и начнут копать.

— Ты снова прав, господин,—признался Гургар.—Люди стали плохими.—Потом он поспешно прибавил: —Кроме меня и моих друзей, конечно.

Война, принеся столько ужасов, окончилась. Весь мир снова вздохнул свободно. Египетские солдаты, служившие в армии союзников, вернулись на свою солнечную родину. Иностранные туристы снова заняли роскошные отели на Ниле. Гиды, нищие, переводчики, чумазные арабские дети окружали иностранцев. Каждый превозносил себя как лучшего знатока древностей. Крики назойливых гидов раздавались под сводами фиванских храмов и в Долине царей. Пыль клубилась по дороге, ведущей к гробницам, окутывая туристов и их гидов, поднимаясь облаками к вершинам скал.

Группа туристов столпилась перед гробницей Рамсеса VI. Вспотевший драгоман громким голосом давал пояснения на ломаном английском языке:

— Леди и джентльмены! Мы стоим перед знаменитым надгробным памятником величайшего фараона. Это был очень жестокий властелин. После битвы с турками он отрубил головы тысячам пленных в честь великого бога Осириса. Внутри гробницы вы увидите надпись, рассказывающую об этом событии...

Около группы туристов стояли два темнокожих человека. Уже после первых слов фантазирующего драгомана они переглянулись.

— Ахмед! Ты слышал, какие сказки сочинял этот паршивый потомок?

— Я же не глухой, Хассан. Этому лгуну стоило отсчитать двадцать пять розог по пяткам, чтобы он не говорил никогда, будто египтяне воевали с турками.

— А бога Осириса он спутал с Амоном. Когда этот отец всех обманщиков выйдет из гробницы «величайшего фараона», я спрошу, откуда он набрался подобной премудрости.

— А пусть говорит что хочет. У нас другие заботы. Подумаешь о нашем господине, который уже несколько недель спорит в Каире с чиновниками Службы древностей.

Гад Хассан кивнул головой. Казалось, что он сейчас заплачет.

— Все эти чиновники сыновья ослов! — крикнул он разъяренно. — Ведь мы найдем здесь в долине новую гробницу; это привлечет в страну сотни тысяч иностранцев. Вместо того чтобы радоваться этому, они создают нам трудности.

— Я не верю, что нам удастся скоро найти гробницу, — пробормотал Ахмед Гургар. — В прошлом году мы не вывезли даже трети мусора.

Хассан яростно потряс кулаком:

— Хорошо бы нам, наконец, разрешили начать раскопки. Но наш господин не хочет прогонять иностранных туристов. А пусть они платят, если хотят смотреть на нас. Вот это было бы прибыльно. Как, по-твоему, Ахмед?

Гургар задумчиво почесался.

— А я думаю, наш начальник не интересуется подобными доходами. В долине можно увидеть много других интересных вещей. Но тогда мы должны сидеть и ждать, пока лорд Карнарвон в один прекрасный день потеряет терпение и откажется от концессии на раскопки.

— Вот тогда-то эти упрямые верблюды в Каире начнут рвать на себе волосы.

— Клянусь бородой великого пророка, так и будет! — закричал Ахмед Гургар, которым уже овладел гнев. — Никто другой, кроме нашего мудрого начальника, не сможет найти гробницу Тутанхамона. Ему одному дарована аллахом способность отыскать спрятанные глубоко в земле древности. Все другие ученые сделали свои открытия лишь случайно. Он же точно рассчитал место, где что-то спрятано. — Тут Гургар ткнул пальцем в воздух. — Здесь поставит точку, там другую и еще одну немного подальше. Потом трижды проведет рукой по воздуху и говорит: «Вот вам линии». Эти линии составляют треугольник, а в том треугольнике...

— ...мы снова начнем копать, — добавил хорошо знакомый голос сзади Ахмеда.

— Мистер Картер! — обрадовался Хассан.

...Это действительно был начальник!

Не принес ли он дурные известия?

Его лицо было серьезным.

Однако, когда Картер начал говорить, солнце засияло для Гургара вдвое ярче. Больше не было забот о будущем. Поиски пропавшей гробницы продолжаются!

...Ахмед Гургар был уверен: именно он сделает тот решающий бросок земли лопатой, который освободит вход в гробницу, охраняемую самими богами древности.

Ахмед недовольно осмотрел место работы. Весной он стоял здесь на том же самом холме. Полный радостных надежд, он подавал тогда пример усердия в работе своим друзьям — Хуссейну, Абделаду, Хассану и Аваду. Гора щебня становилась ниже со дня на день. Тысячи корзин образовали новую гору в маленькой долине. Но ничего еще не нашли. Ни одного глиняного черепка!

И вот наступила третья зима. Теперь здесь втрое больше рабочих. Как глубоко собирался еще копать их начальник? Может быть, он хотел выломать даже скалистый грунт долины? Сегодня утром он измерил рулеткой расстояния и записал так много чисел, что от них просто кружилась голова. А теперь он даже зарисовал гробницы в окрестности. Почему он не использовал аппарат, ловящий картинку?

Тяжело дыша, к Гургару неуклюже приковылял на плоских ступнях Абделада. Его живот, как огромный арбуз, выпирал из-под черного платья.

— Господин уже говорил сегодня с тобой?

Абделада вытер рукавом со лба и озабоченно оглянулся на Картера.

— Он не сказал ни слова. Не разговаривает ни с кем. Все время пишет да рисует...

Поджав губы, с таинственным выражением лица, Абделада протрещал:

— Я думаю, он пишет волшебные знаки. Я только что посмотрел через его плечо. На бумаге нарисованы странные квадраты, треугольники и цифры. Может быть, ночью он сожжет эту бумагу и развеет пепел, тогда заколдованная гробница вынырнет из-под земли.

— Да, а ты взлетишь в воздух, чтобы лучше видеть, откуда появится гробница, трижды рогатый откормленный бык!

— Не шути, Ахмед. Начальник умеет читать письма древних египтян, значит, он понимает их волшебство. Мне давно уже ясно, что гробница, которую он ищет, спрятана с помощью колдовства.

— Ты говоришь как старая гадалка. Если бы здесь было колдовство, то и все другие гробницы в долине тоже были бы заколдованы. В прошлом году, когда мы откопали рабочие хижины древних строителей и хотели копать дальше, чиновники Службы древностей не разрешили. Тогда я сказал господину, чтобы он копал по ту сторону хребта, но он не захотел. Он предпочел скрыть здесь целые горы и быть осмеянным всеми учеными, если ничего не найдет.

Выпятив нижнюю губу и сморщив лоб, Абделада разглядывал указанный хребет. Потом покачал головой:

— Даже за десятикратную плату я не полез бы туда. Это слишком опасно. Мне гораздо больше нравится здесь, в долине. Я просто боюсь, что мой прекрасный живот скоро уменьшится.

— Почему ты опасешься так за свой живот? Разве ты болен?

Абделада вздохнул:

— Нет, нет. Но мы лишимся постоянной работы, если ничего не найдем.— Лицо его вновь приняло таинственное выражение.— Ты знаешь, Ахмед, что мы должны сделать? Нам надо поговорить с одним из тех мошенников, которые продают иностранцам поддельные древности за настоящие,— захихикал Ахмед.— Ты ведь знаешь, что у них можно достать такие вещи, которые даже ты никогда не отличишь от настоящих. И мы можем закопать их в тех местах, где их вскоре откопают.

Глаза Гургара округлились от неожиданности. Он сжал виски руками и посмотрел на небо:

— Всемогуший, будь милостив и погаси солнце, а то мозги Абделада растаяли от жары, словно масло.— Потом он заорал на товарища:

— Ты глупейший обладатель самого жирного пуза во всей вселенной! Наверное, разум находится у тебя в заднице, раз ты, сядя, раздавил его. Неужели ты воображаешь, что тебе удастся обмануть нашего начальника, умнейшего из знатоков древ-

ностей! Обмануть с помощью глупого фокуса, который каждому сопливому арабскому мальчишке известен уже давным-давно? Ах, и через десять тысяч лет не простится мне, что я считал тебя своим другом! Скройся от меня, неверный, беги так быстро, как могут нести тебя твои плоские ступни, иначе твои многочисленные дети скоро заплачут о своем отце!

Абделада испуганно попятился назад. Выразительными жестами пытался унять разволновавшегося товарища. Но громкий голос Гургара уже привлек внимание Картера. Он подошел к приятелям и озабоченно спросил:

— Что случилось? Почему вы спорите?

Выражение лица Гургара мгновенно изменилось. Неестественно улыбаясь, он ответил:

— Мы не спорим, господин. Мы просто разошлись во мнениях с Абделадом. Он считает, что можно насыпать еще несколько тысяч корзин на ту площадку, куда мы сейчас относили щебень. А я думаю, что пора уже искать новую.

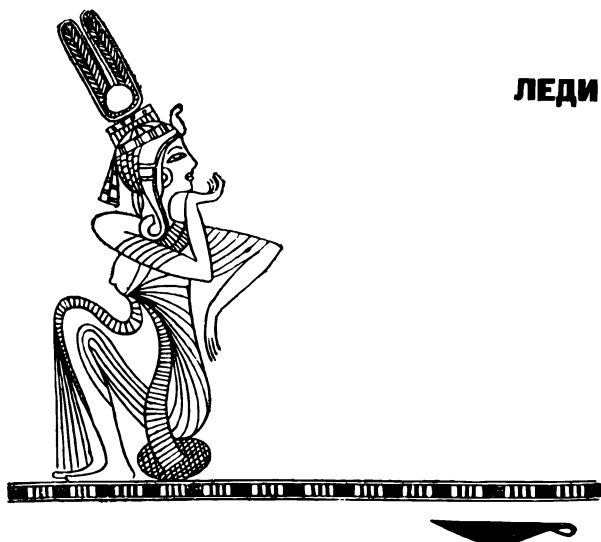
Картер бегло осмотрел местность, потом показал на рисунок, который держал в правой руке:

— Я уже занят этой проблемой, Ахмед. На этом плане некрополя отмечены места, предназначенные для новых свалок.

Картер снова начал что-то рисовать, и Гургар воспользовался этим обстоятельством. С быстротой молнии он толкнул товарища в спину и зашептал:

— Исчезни, родоначальник всех мошенников Египта, иначе я закопаю тебя самого в землю, как фальшивую древность.

СТРАННОЕ ЖЕЛАНИЕ ЛЕДИ КАРНАРВОН

Говард Картер чувствовал себя крайне неудобно. Шею непривычно тер накрахмаленный воротник рубашки. Галстук все время вылезал из-под пиджака. Как спутник такой дамы, как леди Карнарвон, он не смел приличия ради надеть шляпу, обычно защищавшую его от солнца. Лорд и его дочь вот уже неделю как находились в Египте. Вместо того чтобы выехать из Англии в декабре 1919 года, как договорились, они выехали только в марте. Что заставило их отложить поездку на такой длительный срок? Отсутствие интереса к раскопкам или, как они говорили, неотложные дела?

Первое предположение казалось Картеру более правильным. Во время объяснения плана работ лорд Карнарвон несколько раз жаловался на жару. Леди осматривала место раскопок с подозрительным молчанием. Иногда казалось, что ее мысли далеко. Но ее поведение было легче понять, чем жалобы лорда Карнарвона. Ведь он бывал в Египте не один раз и подолгу. Не мог же он рассчитывать, что в марте здесь его встретит такой же прохладный ветерок, как в Англии?

Неопределенность раздражала Картера. Он решился задать принципиальный вопрос:

— Милорд, я надеюсь, вы довольны успехом. Мы срыли, как вы видите, большую часть щебня и скоро сможем начать обследование грунта долины. Вы с этим согласны?

Лорд Карнарвон испытующе посмотрел вокруг.

— Дорогой Картер, я должен вам сказать, что никак не ожидал таких достижений. Местность так изменилась, что мне трудно здесь ориентироваться.— Затем он обернулся к дочери.— Я думаю, сейчас самое время высказать мистеру Картеру ваше желание. Хотя оно вряд ли его обрадует.

Леди Карнарвон смущенно вертела ручку своего зонтика. Видимо, она никак не могла подобрать нужных слов.

— Это не так просто для меня...— начала она робко и быстро взглянула в лицо Картеру.— Вы будете, вероятно, смеяться...

— Миледи, будьте уверены, я бы никогда не осмелился...— заявил Картер дружески.— Я вас очень прошу сказать мне свое желание. Я тотчас же сделаю все, что от меня зависит.

Он рассердился на себя за свой лепет и внезапно почувствовал, что краснеет. Картер не привык к обществу дам. Его жизнь была посвящена археологии, и она заменяла ему все, что другие мужчины в его годы уже нашли — спутницу жизни, семью, дискуссии, упорядоченную жизнь.

Леди отрицательно покачала головой:

— Мое желание не так уж трудно выполнить. Вам только странно немного будет услышать это от женщины.

Она снова замолчала и посмотрела на своего отца, как бы прося его помочь ей. Однако лорд насмешливо разглядывал те фигуры, которые он рисовал кистью в пыли.

Картер первый не выдержал:

— Итак, скажите, наконец, ваше желание, миледи! — потребовал он повелительно.

Леди Карнарвон вздохнула:

— Ах, я... да, итак, я хочу помогать вам некоторое время на раскопках. Я представляю себе это так: вы, мистер Картер, укажете мне место, где, по-вашему мнению, можно что-нибудь найти, и я...

Лорд Карнарвон громко засмеялся. Его развеселило, однако, вовсе не наивное представление об археологической работе, а ошеломленное лицо Картера.

— Ну, что вы скажете относительно новой помощницы? — спросил он, все еще смеясь.— Я только опасаюсь, что вам будет не так-то легко указать леди место, где после нескольких движений лопатой обнаружится тайник с древностями.

Леди обиженно подняла подбородок.

— Почему ты думаешь, что это будет так трудно? Насколько я поняла, здесь, в центре долины, большая часть щебня, который покрывал погребальный покой, убрана.

Теперь улыбнулся и Картер.

— Который, *возможно*, покрывал, миледи,— поправил он.— Вот уже несколько лет я *надеюсь* натолкнуться где-нибудь здесь на гробницу Тутанхамона.

— Вы забыли о находках, сделанных Девисом. Или вы уже не считаете их больше доказательством своих предположений? — спросил лорд и подмигнул в ожидании ответа.

Картер поднял руки и вновь опустил их вниз.

— Милорд, я вспоминаю ваш рассказ о скаковой лошади, которую вы купили перед войной. Она должна была обеспечить вам верную победу на больших скачках. Лошадь все время шла впереди, но перед самым финишем упала.

— Вы отвечаете сравнениями, Картер, а я хотел бы получить точный ответ. Думаете ли вы, что вам удастся найти гробницу Тутанхамона в недалеком будущем, или нет?

Картер посмотрел на раскопочную площадку как на что-то бесконечно дорогое.

Если он скажет сейчас, что верит в это, он солжет. Есть некоторые доказательства, но что они значат без последнего единственного доказательства, которое означало бы, что гробница именно здесь.

— Что же вы не отвечаете, Картер? — настаивал лорд. Голос его при этом звучал дружески.

Картер провел рукой по лбу, словно хотел отогнать невеселые мысли, которые мучали его несколько месяцев.

— Милорд,— сказал он решительно,— представьте себе, что я изобретатель, который уже двадцать лет работает над новой конструкцией и вот-вот закончит ее. Сказали бы вы ему вдруг как человек, финансирующий это предприятие: «Я не предоставляю вам больше средств, потому что не знаю, содержит ли ваше изобретение то, что вы обещаете»?

Лорд сморщил лоб и направил конец своего костыля прямо в грудь Картера.

— Теперь вы, наконец, сказали мне то, что я хотел знать. И вот вам мой ответ: я был бы ослом, если бы двадцать лет вкладывал деньги в проект и отказался от него незадолго до цели.

От счастья Картер закрыл глаза. За прошедшие минуты он испытал такое чувство, будто он и есть тот жокей, который на лошади лорда вел скачку и прямо перед финишем упал. Какое отчаяние должен был тогда испытать тот человек!

Мягкое прикосновение чьей-то руки вывело его из раздумья. Леди Карнарвон сказала печально:

— Вы действительно не можете помочь мне, мистер Картер? Я только потому затягивала поездку в Египет, чтобы не стать

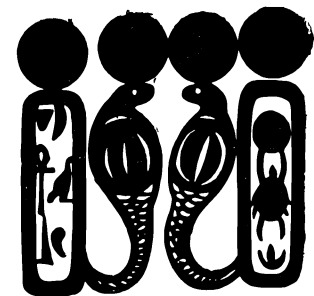
посмешищем в глазах многочисленных туристов, собирающихся здесь зимой. Вы ведь понимаете, женщина, которая раскапывает древности, выглядит довольно комично. Не правда ли?

Серьезное выражение на лице Картера сменилось улыбкой облегчения. Итак, вот в чем была подлинная причина задержки лорда Карнарвона в Англии! Причина, из-за которой он столько времени ломал себе голову!

— Миледи, я надеюсь, что смогу выполнить ваше желание,— пообещал Картер с усердием, которое удивило его самого.

Леди Карнарвон сделала порывистое движение, словно хотела обнять ученого, но ограничилась тем, что испытующе посмотрела на лорда, который в этот момент отвернулся, и прошептала:

— Я так благодарна вам, мистер Картер. Лорд Карнарвон все время против моего участия в раскопках. Видите ли, вся моя жизнь кажется мне такой бесполезной... Что делала я до сих пор? Посещала салоны, устраивала приемы, говорила слова приветствия во время благотворительных мероприятий, путешествовала, но ни разу не исполняла работу, которой могла бы гордиться. Я всегда была только леди Карнарвон!

— Ты что-нибудь понимаешь, Ахмед? — спросил Гад Хассан своего приятеля.

— Начальник разрешает раскапывать щебенъ женщины. Придет тебе когда-нибудь в голову послать жену или дочь искать древности? Это ведь мужское дело. Женщины должны обрабатывать поля, носить воду, готовить пищу или ухаживать за скотом.

Ахмед сморщил свой длинный нос.

— Это относится к нашим женам, Хассан. Но не к жене лорда. Она так знатна, что может сравниться разве лишь с нашей принцессой.

— Может быть, она принесет нам счастье?

— Возможно, но мне что за дело? Лорд платит нам хорошие деньги. И я так же хорошо отношусь к нему. Если бы лорд послушался моего совета, я, конечно, сказал бы ему: «Не трать зря своих денег, господин. В этой долине ты не найдешь даже куска старой сандалии».

— Я тоже так думаю. Бьюсь об заклад, что в земле долины не лежит ничего, что стоило бы откапывать.

— Да, чем глубже мы копали, тем меньше мы нашли. Эта работа больше меня не радует. Я остаюсь здесь только ради начальника. Если бы я сказал, что должен оставить его, он, наверное, ответил бы мне: «Ахмед Гургар, ты хочешь, чтобы я умер от огорчения. Ты, мой самый верный друг и лучший

бригадир, оставляешь меня одного с этими невежественными бездельниками?»

— Эй, ты, полегче! Ты что ж, и меня считаешь бездельником? — возмутился Хассан. — Господин только недавно сказал мне: Гад Хассан, ты свет моих очей, утешение моей старости, сильный буйвол среди ленивых ослов, которые называют себя бригадирами! Что стал бы я делать, если бы не было тебя?

— Пусть аллах отрежет твой лживый язык! — закричал Ахмед сердито. — У нашего начальника глаза сокола, уши газели; он хитер, как десять лисиц пустыни, вместе взятых, и давно заметил, как мало ты заботишься о своей работе и как часто уходишь, крадучись, в сторонку, чтобы поспать. Ты стоишь здесь и рассказываешь мне всякие враки, вместо того чтобы бежать на помощь к начальнику. Смотри, как он трудится, чтобы вынуть из земли тяжелый камень. Ни один из твоих людей не подскочил к нему, потому что они такие же ленивые, как их бригадир Гад Хассан.

Посмотрев на Картера, Хассан погрозил кулаком обидчику:

— Если будешь так говорить перед посторонними, я вызову тебя на дуэль. На этот раз я прощаю тебя, но...

Он замолчал, потому что увидел, как леди Карнарвон опустилась на колени рядом с Картером и стала копать голыми руками в земле. Сразу же сообразив, что ученый откопал нечто необычное, Хассан закричал:

— Ахмед, смотри! Аллах награждает меня за мое усердие! Он спрятал гробницу Тутанхамона как раз там, где я велел моим людям копать.

Он побежал к Карнарвону, размахивая широко раскинутыми руками, как крыльями.

Гургар помчался за ним, не отрывая глаз от места находки. Наконец-то нашли эту заколдованную гробницу! К сожалению, без его участия. Как жаль! Теперь Картер поднялся и посмотрел вокруг ищущим взглядом. Он явно нуждался в помощи.

— Я здесь! — закричал Гургар и оттолкнул Хассана в сторону.

В земле торчал огромный камень. Это над ним трудился начальник. Для чего?

— Принесите инструменты, — приказал Картер окружившим его зевакам.

Леди Карнарвон продолжала сидеть на корточках перед камнем.

— Мистер Картер! Если бы ваше предположение оправдилось! Ах, бог мой, я так взволнована!

Картер вытер тыльной стороной запыленной руки пот со лба.
— Не питайте больших надежд, миледи. Может быть, этот тяжелый камень вовсе не закрывает тайник.

— Но вы же говорили раньше, что эта одинокая плита среди щебня наводит вас на эти мысли.

Картер не ответил. Не обращая внимания на соблюдение правил приличия, он снял пиджак и схватил протянутую ему лопату.

— Отойди оттуда, Хассан! И ты, Гургар, отойди в сторону! — потребовал он и подsunул под камень лопату.

От сильного толчка каменный блок сдвинулся с места. Под ним зияла щель. Заструилась галька.

Блок подняли.

По знаку Картера Хассан и Гургар принялись за дело. Возможно, они кряхтели громче, чем нужно. Щель стала шире. Последний толчок лопатой, и камень откатился в сторону.

На дне впадины зияло отверстие, которое уходило в землю наклонно к поверхности.

Ахмед Гургар бросился на землю и заглянул в дыру.

— Это тайник с погребальной утварью, — заявил он уверенно.

— Нечто подобное мы нашли в прошлом году перед гробницей Аменхотепа Третьего, — заметил Картер.

— О мистер Картер! Дайте мне расчистить тайник! Мне так хочется что-нибудь найти! — взмолилась леди.

— Подождите, подождите, — успокаивал ее Картер, — мы должны быть осторожны. Один необдуманный прием может многое испортить.

Ахмед и Хассан терпеливо, как хорошо выдрессированные охотничьи собаки, ожидали дальнейших приказаний. Картер все еще думал. Сбоку находилась гробница фараона Мернептах. Если в тайнике что-то спрятано, так это скорее всего излишняя погребальная утварь с места погребения Мернептах. Речь идет о лишней, а не о той, что не представляет ценности. Древние египтяне почти всегда прятали в землю перед уже построенными гробницами только те вещи, которые нельзя было использовать. Среди них были также остатки фундамента, хотя и представлявшие интерес для археолога, но безусловно разочаровавшие бы пребывающую в напряжении леди Карнарвон.

— Почему вы так долго ждете? Велите же, наконец, раскапывать! — запричитала она.

Но Картер не обращал внимания на ее призыв. Как дирижер, он руководил лишь легкими движениями руки своими испытанными помощниками Хассаном и Гургаром. Осторожно, слой

за слоем убрали они гальку от дыры. Внезапно он велел остановиться. В отверстии сверкнул какой-то беловатый предмет.

— Алебастровая ваза! — вскрикнула леди Карнарвон. — Посмотрите, какая великолепная вещь! — Она бросилась плашмя на землю. — И сзади стоит еще одна! Нет, две, три... О боже, я сойду с ума от счастья.

Хассан незаметно толкнул Ахмеда Гургара в бок и указал на Картера. Тот наклонился над ямой и сосал указательный палец, как ребенок, который получил роскошный подарок и не мог поверить в такое большое счастье.

Хассан Авад, Абделад Ахмед и почти все рабочие окружили теперь место находки.

— О всемогущий бог, зачем ты насылаешь на меня сны? — удивлялся толстый Абделад. — Это прекраснейшие древние вазы, которые когда-либо видели мои глаза. Ущипни меня за руку, добрый Авад, чтобы я проснулся, или нет, не буди меня, иначе я зареву, когда увижу перед собой лишь пустую дыру.

— Осторожно! Прошу вас, держите вазу крепко! — попросил Картер, как только леди Карнарвон достала первую вазу из ямы.

Она ничего не слышала, и любое предостережение было бы для нее все равно излишним. Нежно, как мать поднимает своего младенца, держала она в руках озаренную солнечным светом драгоценную находку.

— Ты древняя, ты чудесная! — шептала она увлеченно. — Как ты прекрасна, как восхитительно хороша! Какой одаренный художник сделал тебя из белого алебастра? Как он выглядел? Как он жил? Как долго делал тебя? О если бы ты могла рассказать мне, что происходило перед твоими глазами тысячу лет назад!

Озадаченно смотрел Картер на женщину, которую он прежде считал хотя и очаровательной, но все же бездушной дамой света. От волнения на глазах у нее были слезы. Только что он решил, что сам вынет остальные вазы из тайника, чтобы предохранить их от несчастного случая. Теперь же он сказал убежденно:

— Миледи, ваша трогательная любовь к древностям дает вам право самой освободить этот тайник. Вы будете первой женщиной, которую я считаю достойной извлечь на дневной свет произведения искусства тысячелетней давности.

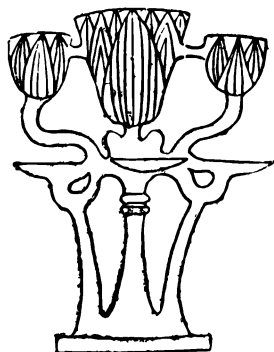
Благодарный взгляд был ему ответом. Леди Карнарвон начала с уверенностью опытного археолога расширять углубление. Свободно лежащие камни она вытаскивала из пролома просто голыми руками. Она действовала лопатой с осторожно-

стью садовника, который не хочет повредить корни нежных растений.

Картер с восхищением смотрел, как она снимала податливую землю, почти не сотрясая ее. Он должен был признать, что и сам не смог бы, наверное, работать с такой тщательностью, как эта женщина, которая полагалась лишь на свое чувство — ведь впервые в жизни она выполняла тяжелую работу археолога.

В общей сложности были извлечены тринадцать алебастровых ваз неповторимой красоты. На них были начертаны имена царей — Рамсеса Великого и Мернептаха, которые принадлежали к девятнадцатой династии. Следовательно, вазам было более 3200 лет.

Целые поколения грабителей прошли мимо этого тайника. Много крупнейших исследователей копало в Долине царей с начала XIX столетия. Каждый из них считал бы за великое счастье находку тринадцати алебастровых ваз. Одному ему, Говарду Картеру, посчастливилось то, что не удалось многим другим. Почему бы ему же не суждено открыть и гробницу Тутанхамона?

В английском поместье лорда Карнарвона, парке Хайклир Касл, деревья стонали от порывов осеннего ветра. Серые дождевые облака неслись друг за другом по темному небу. С каждым новым порывом ветра дождь заливал окна библиотеки. Несмотря на раннее время, тьма в комнате сгущалась с каждой минутой.

Перед письменным столом, вытянув ноги, в почерневшем от времени кресле сидел лорд Карнарвон и нетерпеливо постукивал лезвием ножа по столу. Гость, сидящий против него, продолжал молчать. В сумерках трудно было понять, открыты ли у него глаза. И где вообще находились сейчас его мысли? Снова у этой проклятой гробницы в Долине царей?

Лорд включил настольную лампу.

Молчаливый гость невольно вздрогнул от неожиданно вспыхнувшего света. Он поднял руку, как будто хотел защититься от ослепившей его лампы.

— Вы грезите о гробнице, Картер? — весело спросил лорд. — Сознайтесь, вы видели ее сейчас так ясно, как будто бы только вчера откопали ее...

Картер глубоко вздохнул.

— Я не мечтал, а обдумывал, стоит ли вообще показывать вам мой план расположения царских гробниц в долине.

Лорд снова схватил нож для распечатывания писем и ударил им по левой ладони.

— Конечно, Картер, конечно, вы должны показать мне, что вы нарисовали. Ведь долина останется для меня загадкой и завтра точно так же, как и десять лет назад, и я бы хотел разрешить эту загадку. Но, пожалуйста, взгляните на календарь. Сегодня у нас 2 октября 1922 года. В 1907 году мы с вами начали поиски. А каков результат?

— Да, да, я знаю, вы потеряли терпение. И я прекрасно вас понимаю. Но вспомните о доказательствах, которые все-таки подтверждают факт существования гробницы. Глиняные сосуды, найденные Девисом, золотые пластинки с именем Тутанхамона и кубок с его инициалами — все это вовсе не плод нашего воображения, а реальные вещи. Фараон похоронен в долине. Это так же точно, как то, что я сижу здесь перед вами, милорд.

Карнарвон поднялся.

— Дорогой Картер,— сказал он торжественно.— Мы работаем вместе уже пятнадцать лет. Ни одной минуты из этих пятнадцати лет я не могу забыть. Вы были для меня одновременно и лучшим другом и прекрасным учителем. Благодаря вам моя жизнь, наконец, получила смысл, так как после несчастья, сделавшего меня наполовину инвалидом, я блуждал по свету без цели, в полном отчаянии. Я обязан вам своим собранием египетских древностей и благодарственными письмами музеев, обогатившихся вашими находками в долине. Но...— Он сделал паузу, во время которой явно боролся с охватившим его волнением.— Но мне пришлось почувствовать последствия послевоенного времени так же, как и любому другому состоятельному человеку. У меня осталось слишком мало денег, чтобы продолжать дорогостоящие раскопки. Я вынужден был бы тогда продать добрую часть своих поместий... Вы понимаете меня?

Картер озабоченно кивал головой:

— Я очень хорошо понимаю вас, милорд. Денег не хватает именно тогда, когда стоишь на пороге открытия. Мир аплодирует только успеху и мало заботится о тех, кто ищет.

Картер быстро разложил план на письменном столе.

— Вот! Я сейчас покажу вам еще раз карту долины. Вы видите, я разделил территорию раскопок на участки. Каждый участок, на котором мы ничего не нашли в предыдущие годы, заштрихован. Лишь этот маленький кусочек остался пока свободным. Вы узнаете его?

Лорд склонился над картой, и ему показалось, что он снова стоит в Долине царей. Здесь, между волнистыми линиями гор, от храма Сети I у Курны вела дорога к Бибан-эль-Молуку — «Вратам царей». Она шла сначала на северо-запад, потом на запад и, наконец, поворачивала на юго-запад к Долине царских

гробниц. И там, куда был направлен сейчас указательный палец Картера, находилась гробница Рамсеса VI, перед которой были обнаружены фундаменты рабочих хижин времен Рамессидов. Только этот кусочек Картер не заштриховал.

— Здесь я начну копать снова,— сказал Картер так решительно, что его слова прозвучали как приказ.— И если вы, милорд, прекратите финансирование раскопок, я приму расходы на себя и истрачу мое ничтожное состояние на оплату рабочим.

Карнарвон, удивленный его непривычно строгим тоном, спросил:

— Вы ведь не думаете об этом всерьез? Вы просто разоритесь ради безнадежного дела.

— Безнадежно лишь то, во что человек не верит,— возразил Картер,— но я так сильно верю в успех, что могу поручиться своей жизнью. Уже доказано, что фараон по имени Тутанхамон правил обоими царствами — Верхним и Нижним Египтом приблизительно между 1370 и 1335 годами до нашей эры и жил в Фивах. Следовательно, он должен был — так же, как его предшественники и преемники из восемнадцатой и девятнадцатой династий,— быть похоронен в Долине царей.

— Вы забываете, что в местах захоронения его родственников и предшественников на троне — Аменхотепа IV и Сменхкара — остались только отдельные предметы из погребальной утвари, спрятанные в тайнике, и не найдены гробницы.

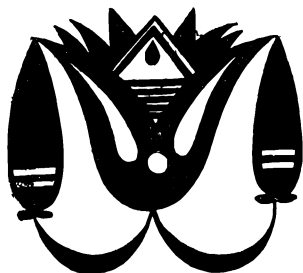
— Хорошо, но оба они были царями-еретиками, которых ненавидели жрецы Амона. Тутанхамон, напротив, запретил почитание Атона, введенное его отцом Аменхотепом и вернул жрецам Амона разграбленные имения. Какое основание было у жрецов наказывать раскаявшегося царя после его смерти?

Лорд задумчиво глядел на карту. Маленькое белое пятно перед гробницей Рамсеса VI показалось ему недостающим слагаемым в простом сложении. Взвесив все доказательства, он вынужден был поставить имя Тутанхамона как раз на этом пятне.

— «Живое подобие Амона», — пробормотал Карнарвон в задумчивости. Этот перевод имени царя казался ему вторым символом. Царь, который называл себя «превосходным в жизни», должен оставаться перед подданными бессмертным. Итак, его определенно похоронили с царским великолепием, как приверженца великого бога Амона.

Картер сложил план. Внезапно он почувствовал крепкое пожатие руки Карнарвона.

— Копайте дальше, Картер. Я отпущу вам средства на следующую зиму!

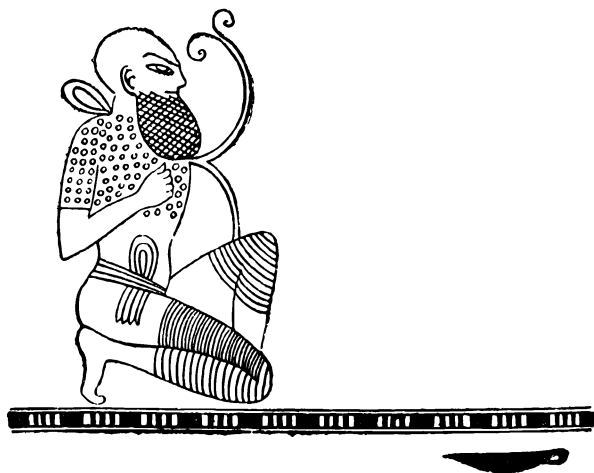
Уже час Картер убеждал ответственного чиновника Службы древностей в Каире. За это время чиновник выкурил пачку сигарет, выпил стакан кофе и лишь изредка бросал взгляды на акты, лежащие перед ним на столе. Его возражения во время продолжительной речи Картера были одни и те же: «Зимний сезон начался, иностранные туристы проявляют издавна особый интерес к гробнице Рамсеса VI — нельзя допускать, чтобы археологические работы затрудняли доступ иностранцам к месту его погребения». Теперь, наконец, он устал.

Чиновник зевнул, небрежным жестом спугнул муху с акта «Разрешение на раскопки Картер — Карнарвон» и поднялся. Его смуглое лицо выражало скуку.

— Я вижу, что иначе я не отделаюсь от вас, мистер Картер. Итак, я разрешу вам, пожалуй, работать около гробницы Рамсеса, но с одним условием: сегодня по европейскому летоисчислению 27 октября 1922 года. Я даю вам разрешение на две недели, начиная с первого ноября. Потом вы должны будете заровнять то место, которое раскопаете, если ничего не найдете. — Он снова откровенно зевнул и потом насмешливо добавил: — Определенно вы ничего не найдете. Долина достаточно хорошо исследована. Будьте здоровы!

Когда Говард Картер закрыл за собой дверь, чиновник посмотрел на часы и пробормотал:

— Этот сумасшедший неверный украл у меня целый час здорового сна. Пусть аллах заставит его язык говорить тысячу лет.

Местные рабочие кричали и, взволнованно жестикулируя, столпились вокруг своего бригадира. Райс Ахмед Гургар поднял руку, призывая их к порядку, но отдельные феллахи продолжали галдеть.

— Тихо! — сердито закричал Ахмед. — Наш начальник, чьи доброта и мудрость восхваляются во всех частях света, согласился выплачивать вам последние четырнадцать дней двойную плату. Кто теперь еще недоволен, скажите, чтобы я покарал его пинком ноги за такую неблагодарность.

Долговязый араб протиснулся вперед. Свое полосатое, красное с желтым одеяние он приподнял, словно фартук. Широко открыв кривой рот, он закричал:

— Как ты думаешь, сколько корзин со щебнем я могу утащить в своем подоле, если, кроме того, несу еще груз и на голове? Или наш добрый и мудрый начальник хочет, чтобы мы еще зажали по корзине под правой и левой рукой?

Сосед долговязого кричал:

— Я буду работать, пока не свалюсь от усталости, но за четырнадцать дней даже волшебник не сможет убрать столько щебня, сколько навалено перед гробницей Рамсеса Шестого.

Ахмед Гургар хотел уже крепко выругаться и набрал воздуха для резкого ответа, когда перед ним появился Картер.

— Друзья! — крикнул он голосом, заставившим прислу-

щаться взволнованных феллахов.— Я знаю, что невозможно вынести за две недели гору щебня, которая так велика, как высочайшая пирамида в Гизе. Но разве вы не потомки тех людей, которые возвели эти необыкновенные сооружения? Неужели вы хотите выставить себя на посмешище всех народов, когда они спросят меня: «Это действительно знаменитые землекопы Долины царей, которые убрали в прошлом году целую гору щебня? Что же случилось с ними теперь, что они потеряли мужество перед этим крошечным холмиком? Тогда мне придется закрыть свое лицо и сказать печально: да, это правнуки величайших строителей в мире, но они утратили свою силу, ибо предпочитают валяться в тени, изнывая от лени.— Тут Картер повернулся к бригадирам.— Райс Хуссейн! Гад Хассан! Абделад Ахмед! Хассан Авад и ты, Райс Ахмед Гургар! Вы лучшие и достойнейшие потомки владык долины Нила! Скажите мне, хотите ли вы показать миру, что можете совершить чудо? Отошлите этих уставших старых дядюшек и дедушек домой и велите им вернуться через четырнадцать дней. Тогда они увидят, что в состоянии сделать энергичные мужчины! Вставайте, друзья мои! Я сам возьмусь за лопату и буду вашим бригадиром!

Он собрался было уже приступить к работе, когда к нему подбежал феллах.

Умоляюще подняв руки, он крикнул:

— Прошу тебя, господин, не стыди нас, мы будем копать день и ночь...

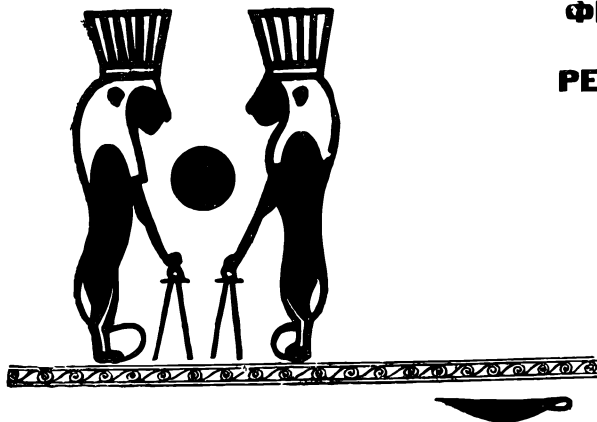
Вслед за ним ринулись и другие рабочие, причем в первую очередь те, которые только что кричали громче всех. Они превзошли себя, восхваляя свою силу, свою необыкновенную выносливость и неукротимое желание помогать господину. Тот же длинный араб с перекошенным ртом обернул свое красно-желтое одеяние вокруг головы и вопил:

— Пусть аллах накажет меня палкой! Как мог я забыть, что мои предки строили пирамиды? Действительно, я — последний потомок великого камнереза Абд-эль-Шамаш Бен Абуда, который тысячу лет назад построил большую мечеть в Александрии. О, позор мне, позор! — И тут же он стал умолять Хассана Авада: — Поговори с господином, мой дорогой друг! Попроси его, чтобы он простил меня, недостойного. Скажи ему, что я буду таскать по три корзины. Но только пусть он не отправляет меня домой или я утоплюсь в нильской тине.

Картер наклонился, как будто искал что-то в земле. Иначе он не мог дальше скрывать свой смех. Ахмед Гургар дернул его за рукав, он поднял голову:

— Ты, величайший оратор всех времен, господин,— прошептал Ахмед,— ты умеешь выражаться на нашем языке, как ученик великого пророка. Я думал, что лопну от смеха, когда ты сказал, что здесь холм щебня был размером с самую высокую пирамиду. Но одно меня смутило: ты действительно хотел один, с бригадами приступить к работе? Мое сердце задрожало от страха, когда я подумал, что ты говоришь серьезно.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ ПРИНИМАЕТ РЕШИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

Солнечный шар опустился за скалистые горы. Красно-коричневые тени протянулись от ущелий к центру долины. Последние туристы ехали на ослах по дороге из Долины царей. Замерли монотонные крики погонщиков. Четко отбивая шаг, прошла смена караула, охранявшего гробницы. Прозвучала команда — маленькая колонна остановилась. Часовые выступили вперед и по одному или по двое повернули к указанным им гробницам. Фельдфебель, командовавший отрядом, зажег сигарету и скучающим взглядом осмотрел синевато-фиолетовые ущелья скал. И вдруг увидел нечто удивительное: перед входом в гробницу Рамсеса VI сегодня опять работали археологи! Три дня тому назад, когда он принял последнюю ночную вахту, они только начали убирать здесь землю, а сегодня горы щебня с обеих сторон гробницы уже исчезли и образовалась шахта. Что хотел предпринять этот сумасшедший англичанин? Самый глупый погонщик ослов мог бы ему сказать, что древние египтяне никогда не подумали бы расположить одну царскую гробницу в метре от входа в другую. Или этот болван хочет прорыть тоннель в скалу, как раз под гробницей Рамсеса?

Фельдфебель испугался. Если он допустит такое дело, его потянут к ответу.

Он поспешно одернул китель и зашагал по-военному к месту раскопок. Устремив строгий взгляд на «сумасшедшего англичанина», словно хотел пригвоздить его к месту, он отдал честь еще за спиной «злодея». Но Картер как раз в этот момент прыгнул в яму.

Фельдфебель озадаченно разинул рот. Что же ему делать теперь? Тоже прыгнуть? Но это несовместимо с его достоинством. Он все же нагнулся, решив по крайней мере поговорить с англичанином сверху вниз.

Но и это ему не удалось сделать. Ахмед Гургар заметил солдата и закричал вверх:

— Что ты хочешь, храбрый начальник героической армии? Может быть, будешь помогать нам углублять эту прекрасную яму?

Фельдфебель внушительно поднял руку.

— Не смей издеваться надо мной, когда я нахожусь на службе.

— Но я тоже на службе,— ответил Гургар.— Я откапываю древности для нашего Национального музея. Поэтому я, так сказать, правительственный служащий, и ты должен вежливо меня приветствовать, если хочешь получить какие-нибудь сведения.

— От тебя мне ничего не нужно, а вот от этого человека там внизу, я хотел бы кое-что узнать.

Ахмед Гургар поднялся.

— Послушай, ты, счастливый обладатель арбузной головы. Этот «человек там» не «человек там», а самый знаменитый из всех знаменитых ученых мира. Крупнейшие ученые нашей страны с глубоким почтением склоняются перед ним. И если бы он не открыл самую важную гробницу в этой долине, тебе сейчас пришлось бы стоять на часах в своей казарме.

Картер рассеянно повернулся. Шум спора помешал его размышлениям. Теперь он увидел лицо фельдфебеля прямо над собой и приветливо спросил:

— Чего ты хочешь, приятель? Наверное, интересуешься раскопками? Иди, я покажу тебе кое-что интересное.

Фельдфебель пролепетал извинения и сказал, что, собственно говоря, он хотел бы поговорить по другому вопросу.

— Это еще успеется,— заметил Картер и потащил его вниз.— Вот, мой друг, взгляни на эту каменную стену. Это остатки древних хижин строителей. Возможно, в них жили каменотесы, которые высекали в скале гробницу Рамсеса. Здесь было еще больше подобных хижин, которые в древнее время стояли, вытянувшись в ряд отсюда до другой стороны долины.

Фельдфебель взглянул в направлении, которое указал Картер, и почесал за воротником:

— Неужели вы хотите переслать в музей все камни этих древних хижин, господин?

— Нет, нет! — засмеялся Картер. — Мы будем копать здесь до поверхности земли. Я думаю, что мы натолкнемся там на гробницу.

— На гробницу? — удивился фельдфебель. — Итак, я правильно тогда подумал, господин. Ты хочешь прорыть тоннель под гробницей Рамсеса, а этого ты не имеешь права делать, потому что тогда обрушится вход.

Ахмед корчился от смеха. Фельдфебель показал на него:

— Господин, запрети этому человеку смеяться надо мной. Я фельдфебель караульной роты. Хотя я лишь недавно нес службу в долине, я не позволю ему оскорблять меня.

Картер усмехнулся.

— Успокойся. Ахмед смеется потому, что ты думаешь, будто мы собираемся взрывать здесь динамит. Посмотри-ка на моих людей! Замечаешь, как тщательно они расчищают щебень? Каждая горсть земли вначале проверяется, нет ли в ней какой-либо древней вещи.

— Но ведь ты сказал, что хочешь найти здесь гробницу. А знают ли работники музея, что здесь скрыта гробница?

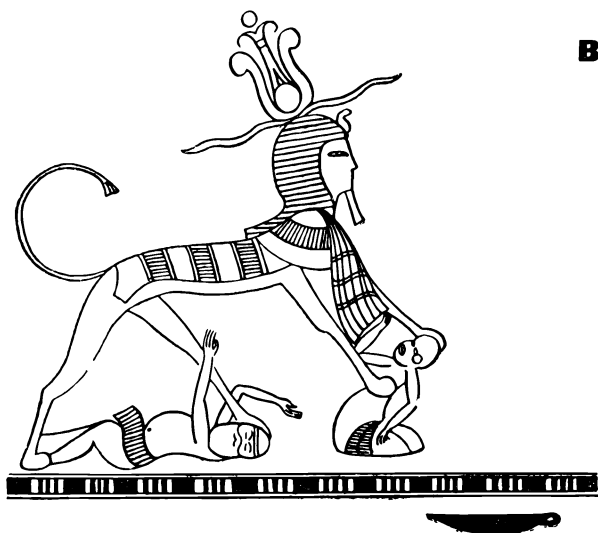
— Никто не знает об этом. Только я верю.

— И ты не читал ни в одной из книг, что здесь как раз то самое место, которое ты ищешь?

— Нет, ни в одной книге не сказано, где покоится тот царь, чью гробницу я ищу.

Фельдфебель бросил на Картера хитрый взгляд, потом быстро оглянулся на Ахмеда Гургара.

— Теперь я должен идти, господин, проверять своих людей, — извинился он и быстро полез из ямы. Наверху он еще раз наклонился вниз. — Извини, господин, если я тебя еще кое о чем спрошу. Ты ведь имеешь разрешение из Каира на раскопки, не правда ли? — И когда Картер насмешливо кивнул, добавил: — Я всегда думал, что начальство поступает несправедливо. Если бы я, например, попросил разрешения раскопать под гробницей Рамсеса еще одну гробницу, меня просто засадили бы в сумасшедший дом!

Утренние лучи солнца пробудили Картера ото сна. Он ошеломленно заморгал, посмотрел на часы и вскочил с постели. Впервые за много дней он проспал. Куда же запропастился бой, чьей обязанностью было разбудить его в шесть утра?

— Абдулла!

Никакого ответа.

Картер распахнул окно.

— Абдулла!

Юноши нигде не было видно.

Картер торопливо оделся. Он взглянул на календарь.

Сегодня было уже четвертое ноября. Через десять дней истекал назначенный ему срок. И тогда работы перед гробницей Рамсеса будут приостановлены.

Десять дней! Более двадцати лет вел он раскопки. А ему казалось, что он только недавно прибыл сюда. Конечно, он мог просить о продлении срока, но сколько дней еще было бы ему дано? В лучшем случае одна неделя. И потом у него не осталось бы больше другого выхода, как окончательно отказаться от раскопок.

Картер застонал от бессильной ярости. Все усилия, все материальные жертвы, казалось, были напрасны. Почему зимой

1917/18 года он отложил работу перед гробницей Рамсеса и велел копать в другом месте? А теперь уже нет времени на то, чтобы обследовать этот последний кусочек треугольника, где могла быть гробница Тутанхамона.

Каким глупцом он был тогда!

Кто-то энергично постучал в дверь и сразу же открыл ее.

В комнату ворвался Абдулла. Его белое платье было забрызгано уличной грязью, голые ноги покрыты пылью, красная феска сползла на ухо. Но смуглое лицо юноши сияло от восторга.

— Господин, я ее нашел! Я ее нашел! — ликовал он.

— О чем ты говоришь? — сердито спросил Картер. — И почему ты вовремя не разбудил меня? Я хотел не позднее семи часов уже быть на раскопках.

Абдулла поморщился. Он был очень обижен.

— Ты так давно хотел съесть курицу. А сегодня я нашел человека, который разводит самых лучших во всем Египте кур. Он живет далеко, за городом; я бежал целый час. И он продал мне одну!

— Я хочу найти гробницу, а ты бегаешь за курицей, вместо того чтобы разбудить меня, — пробормотал Картер.

Абдулла смущенно крутил пальцы.

— Я хотел доставить тебе удовольствие, господин. Ты плохо выглядишь с тех пор, как у тебя не стало времени для еды. Принести теперь чаю?

Печальное выражение лица юноши примирило Картера. Он поправил на мальчике красную феску и дружески похлопал его по щеке.

— Ты хорошо придумал, Абдулла! Благодарю тебя. Но не забудь завтра подать завтрак вовремя!

— Господин, подожди! Твои ботинки не чищены, сюртук в пыли, ты ничего не ел, я... — Абдулла говорил в пустоту, так как его господин уже спешил по дороге. Мысленно Картер находился на раскопках. К счастью, Ахмед Гургар и другие бригады вчера все поняли правильно и копают не в глубину, а в ширину шахты. Но что можно еще найти в глубине? Если вспомнить расположение входа в гробницу Рамсеса VI, то нужно допустить, что он, Картер, фантазер.

Да, да, он все время фантазировал, возможно, с того самого дня, когда Теодор Девис нашел маленькое шахтовое погребение, где находились алебастровый сосуд, сломанная деревянная шкатулка и золотые пластинки с инициалами Тутанхамона. Предположим, что жрецы велели убить царя, кто отважился бы

тогда похоронить его торжественно? Разве что его преемник царь Эйе, этот мнимый друг царя-еретика Эхнатона? Эйе был интриган и чрезвычайно умный человек, который умел сохранять хорошие отношения одновременно с жрецами Амона и с их злейшим врагом Эхнатом. Когда же партия жрецов одержала победу, он, вероятно, потребовал от них в награду обе короны — Верхнего и Нижнего Египта.

Картер в отчаянии потерял глаза. Мозг его был уже не в состоянии восстановить ход событий, которые могли происходить за три тысячи триста лет. Но так же невозможно было на основании лишь нескольких предметов из погребальной утвари считать, что Тутанхамон нашел свой последний покой в Долине царей.

Картер зашагал быстрее. ...Сегодня, завтра и все последующие дни нужно копать только вглубь, а не вширь, как он приказал вчера. Нужно вырыть рядом две шахты. В каждой будут копать трое рабочих. Все время в глубину — в одной и другой шахте одновременно. Вопреки всем правилам археологии, не снимая более осторожных проб с отдельных слоев земли, а глубоко внедряясь в землю. И он не будет нести ответственности за такие неправильные методы работы. Ответственность ляжет исключительно на господ из Службы древностей. Если бы они дали год времени вместо четырнадцати дней.

Четырнадцать дней! Какая насмешка!

Погруженный в свои мысли, Картер обогнал группу туристов, направлявшихся в долину во главе с седобородым гидом, который почтительно приветствовал Картера. Его приветствие осталось без ответа. Неужели ученый не узнал своего старого друга, Абу-эль-Сима? И почему бывший начальник так странно размахивал по воздуху руками? Может быть, он заклинал души фараонов? Жаль, жаль этого приветливого человека. Видно, он совсем спятил. К тому все и вело. Да, да, кто при жизни думает только о мертвых, того аллах сводит с ума. Он же, Абу-эль-Сим, тоже бывший в молодости археологом, любил красивую жизнь. Иностранные туристы привозили в страну деньги и должны получить за них кое-что.

— Леди и джентльмены, — весело закричал Абу-эль-Сим, — с левой стороны вы видите первую гробницу великой царицы Хатшепсут в скалах. Она, как и все знаменитые фараоны, хотела быть погребенной в этой долине. Поэтому Хатшепсут приказала прорубить глубокую шахту в скале, там, наверху. Эту шахту в 1916 году впервые обнаружили грабители, но мистер Картер, известный археолог, выгнал их оттуда однажды ночью. Он обнаружил там пустой саркофаг с надписями. Вторая гроб-

ница царицы была настоящей. Она находилась в долине. Ее также нашел мистер Говард Картер в 1903 году.

Абу-эль-Сим произнес имя своего бывшего шефа особенно громко. Он надеялся, что Картер повернется и поздоровается с ним. Тогда Абу-эль-Сим мог бы гордо сказать: этот человек — сам Говард Картер, он хорошо знает меня. Но Картер, к сожалению, не доставил своему старому другу Абу-эль-Симу такого удовольствия. И поэтому седобородый гид ограничился тем, что сам указал на него туристам:

— Там идет мистер Говард Картер. Вы видите, как он спешит найти новую царскую гробницу.

— О-оох! — удивились леди хором.

— А-ах! — поразились джентльмены.

После этого все одновременно повернули головы, чтобы посмотреть на другое погребение, которое им показывал Абу-эль-Сим.

А знаменитый археолог Картер с изумлением смотрел на вход в гробницу Рамсеса VI.

Все рабочие собрались вокруг ямы. Молча смотрели они вниз на что-то, что лежало в яме. Ахмед Гургар застыл в согнутом положении, Хассан Авад и Гад Хассан, казалось, окаменели.

Случилось какое-то несчастье! Может быть, обрушившийся щебень засыпал рабочего?

Картер бегом приблизился к месту катастрофы. Какой несчастный день! И именно сегодня он проспал! Из-за курицы! Ведь Абдулла разбудил бы его, как обычно, вовремя. Он был надежный парень. Ахмед Гургар первым услышал шум приближающихся шагов.

— Начальник! — крикнул он и сильно замахал руками. — Господин, иди быстрее! Мы здесь что-то откопали!

— Это чудо, господин! Великое чудо! — поддержал его Гад Хассан.

— Сам аллах указал тебе дорогу в загробный мир! — вскричал Абделада, взмахнув от восторга руками так, что чуть было не потерял равновесие.

В необычайном возбуждении Картер растолкал феллахов, преграждавших ему дорогу.

— Что вы нашли? — спросил он и наклонился вперед. В следующее мгновение ученый почувствовал, как внезапно забилося у него сердце.

На дне шахты виднелась каменная ступенька!

Картеру показалось, что он еще спит. Он протер глаза тыль-

ной стороной руки. Ступенька действительно существовала. Она была более полутора метров шириной.

Движением руки Картер прогнал людей, которые заслонили ему вид на гробницу Рамсеса. Срез перед ступенькой лежал на один метр глубже входа в гробницу. Следовательно, то, что он видел, могло быть совсем не ступенькой, а фундаментом верхнего погребения.

— Пусть копают дальше, Ахмед! — приказал он разочарованно.

Трое рабочих прыгнули в шахту.

Картер еще раз посмотрел на гробницу Рамсеса. Он заранее подготовился к тому, что его ждет разочарование. Из ямы раздавался шум поспешных ударов лопатами и было слышно, как насыпали гальку в корзины.

Мысленно Картер работал с ними. Теперь железо должно зазвенеть о камень или дальше нет никаких ступенек.

Шорох прекратился.

Этого он опасался. Как он мог надеяться на подобное счастье?

Неожиданно глубокий вздох вырвался у него из груди. Если он теперь посмотрит вниз, он увидит, конечно, лишь фундамент.

И тут кто-то закричал:

— Вторая ступенька!

Картер почувствовал, как его заливают волна необыкновенного счастья. Медленно опустил он глаза. Это было начало лестницы. Четко проступали контуры третьей ступеньки.

Ахмед Гургар схватил руку Картера. Голос его прерывался от волнения:

— Господин, это вход в гробницу, которую ты ищешь! — Придя в восторг, он закричал на столпившихся зевак: — За работу, любимцы аллаха! За работу, благословенные пророки! Развейте по ветру этот подлый щебень. Превратите его в облако пыли!

Картер отвернулся. Никто не должен видеть этих слез радости, застлавших его глаза. Так много лет искал он эту гробницу, так много разочарований испытал. И теперь, наконец, его вера вознаграждена.

Но действительно ли продолжается лестница и дальше? Новые сомнения вытеснили чувство радости. Он вспомнил о многих исследователях, которые тщательно обследовали и обмерили всю долину и разочарованные покинули ее. И все же и после этой скрупулезной работы новые открытия потрясли мир. Семья грабителя Абд-эль-Расула обнаружила тайник с тридцатью

шестью мумиями царей, Лоре в 1898 году нашел гробницу Аменхотепа II и мумии тринадцати фараонов. И еще позднее, в 1905 году, Девис и его коллеги открыли гробницу жреца Юя и его жены Туйю.

Это была выдающаяся находка! Хотя эта гробница была ограблена уже в древнее время, в ней нашли хорошо сохранившиеся предметы обихода древнего Египта. Однако эта волнующая находка была последней. Мечта всех исследователей — найти неограбленную гробницу — не сбылась!

И неужели на его долю, на долю Говарда Картера, выпало теперь это невероятное счастье? Глупо было надеяться на это. Конечно, он уже двадцать лет охотился за призраком. И даже если откопанные сегодня ступеньки действительно ведут под скалу, то заканчиваются они, вероятнее всего, перед незавершенным погребальным покоем.

— Четвертая и пятая ступенька, господин! — кричит Ахмед, не поворачиваясь. И сейчас же приказывает рабочим: — Не копайте дальше. Щебень по обеим сторонам лестницы и так уже ослаб. Нужно сначала снять землю сверху. Складывайте в кучи самые большие камни, которые будут вам попадаться, и соорудите стену вокруг шахты.

Ища подтверждения своим словам, он повернулся к Картеру. Кивок головой начальника подтвердил его правоту. Гургар, полный усердия, прыгнул назад в шахту, чтобы показать, как он себе это представляет.

Рабочие всех бригад, казалось, только этого и ждали, чтобы доказать свое усердие. С лихорадочной поспешностью одна группа расширяла края шахты, в то время как другая сооружала стену из камней.

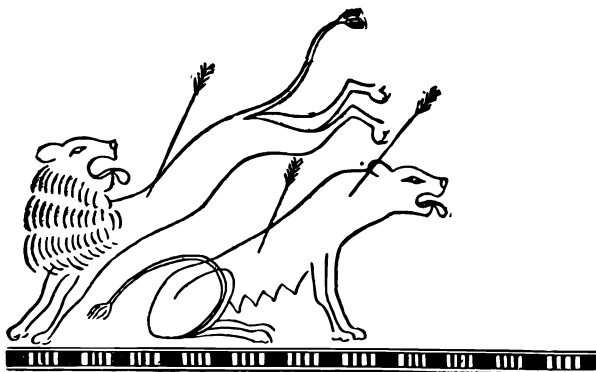
Ахмед засыпал Картера вопросами.

— Нужно еще поднимать вверх землю? Ты думаешь, стена стоит достаточно прочно? А не обрушится она теперь, как ты считаешь, господин? Мне кажется, нам понадобится еще площадка для свалки грунта, прежде чем мы начнем копать глубже. Здесь, на этой стороне, стена должна быть выше, а там, против гробницы Рамсеса, я велел подпереть. Думаю, это будет хорошо.

Облака пыли поднимались вверх, окутывали рабочих и медленно расстилались по всему участку. Они окутывали Картера, словно туман. Ученый слышал крики рабочих, приказы бригадиров, стук лопат и кирок. Все происходящее напоминало ему о подобных же открытиях два года назад, когда он в другой стороне долины нашел забитый щебнем ход. Тогда Картер тоже думал, что обнаружил, наконец, нетронутое погребение. Потом

выяснилось, что это была всего лишь незаконченная гробница, которую фараон Тутмос II готовил для себя. По-видимому, сильные разливы затопили строительную площадку, и она была заброшена. После этого для Тутмоса вырубили новую гробницу в расщелине скалы над долиной. Ее обнаружил в 1898 году археолог Лоре.

И с этим входом в гробницу, вероятно, произойдет то же самое. И даже если ступеньки действительно ведут к гробнице, скорее всего она давно уже ограблена.

Когда 5 ноября Картер вскочил с постели и растерянно осмотрелся, на улице было еще темно. Лампа горела. Он был одет. Как долго он спал? Достаточно для человека, который грезил весь день. И к тому же опять видел несбыточный сон!

Далеко за полночь он просматривал свои прежние записи. И теперь был уверен, что откопанные ступеньки вели в неиспользованную гробницу. Быть может, она готовилась даже для Тутанхамона? Но до похорон дело не дошло.

Доказательства?

Он нашел их в своих записях. В 1907 году Девис и его помощник Айртон нашли небольшую гробницу. Среди других предметов в нем находился царский саркофаг с мумией юноши. Все, за исключением Картера, считали, что мумия принадлежит основателю солнечной религии Аменхотепу IV, именовавшему себя Эхнатоном. Позднее стали предполагать, что это не Эхнатон, а его преемник Сменхкара. Сегодня ночью Картер отклонил и эту теорию. По всей видимости, в том саркофаге лежала мумия Тутанхамона.

Картер закрыл лицо руками. Что же его так терзает? В течение десяти лет он был уверен, что когда-нибудь сумеет доказать — гробница Тутанхамона существует. И теперь, когда обнаружены первые ступеньки к великой тайне, он хочет опровергнуть собственные взгляды.

Картер стремительно вскочил. Решение не придет к нему здесь, в комнате, его надо искать на улице, в Долине царей! А раз так, надо идти туда!

Тонкая пелена тумана опустилась над долиной. Приближающаяся заря окрасила скалы в серовато-желтый цвет, но вот из-за горных хребтов всплыл пылающий шар дневного светила, и скалы, еще недавно такие суровые и мертвенно бледные, обрели новую жизнь. Холодный, словно лунный, ландшафт превратился в волшебно прекрасную зеленую долину. Картеру пришел в голову первый стих гимна Солнцу:

Прекрасно твое сияние (восход) на краю неба,
Ты живой Атон, ты, который создал жизнь!
Когда ты поднимаешься на восточном крае неба,
Наполняешь ты каждую страну своей красотой.

«Эхнатон, ты самый великий мудрец среди фараонов,— подумал Картер.— Ты жил три тысячи триста лет назад. Новое, прекрасное бытие хотел ты дать людям. Ты сверг старых мрачных богов, демонов подземного мира, выдуманных идолопоклонниками, ненавидящими человечество. Ты сумел зажечь свет во тьме суеверий и страха. И как же отблагодарили тебя окружавшие тебя, когда пламя твое, полное сил, жизненное пламя, было погашено, возможно, рукой убийцы? Твой труп был, может быть, осквернен, выброшен из гроба. Твой священный город Ахетатон, посвященный животворящему солнцу, был разрушен и твоё имя стерто со всех памятников».

Картер глубоко вздохнул. Свежий утренний воздух наполнил его легкие. Он ускорил шаги. Он должен быть сильным и не падать духом. Если его постигнет неудача, все юмористические журналы начнут смеяться над ним. Многие его недоброжелатели только того и ждут, чтобы вволю поиздеваться. Но пока до этого еще далеко. Там, перед гробницей Рамсеса VI, он найдет решение загадки.

Феллахи уже работают? Какие молодцы! И Говарду Картеру, который уже перестал верить в себя, стало стыдно за свои сомнения.

К вечеру солнце освещало толпу покрытых потом людей. Слышалось их прерывистое дыхание. Носильщики пошатывались под тяжестью корзин, доверху наполненных щебнем. На три метра уходила в землю шахта двухметровой ширины. Посмотрев вниз, можно было легко разглядеть выбитый в скальных породах ход с лестницей — одиннадцать ступенек вели в глубь земли.

Картер нагнулся над шахтой, наблюдая за работой. Только что показалась двенадцатая ступенька. Толстый Абделада голы-

ми руками наполнял корзину. Рядом с ним копал Хассан Авад. Ахмед Гургар разрыхлял ломом гальку. Все бригадиры были здесь — вскрытие гробниц доверяют только умелым и опытным рукам.

Ахмед Гургар повернулся и снова начал долбить спрессованный щебень. Только что он извлек два куса какой-то породы — каждый величиной с кулак. Теперь он пальцами отломил третий, плоский кусок. Он насторожился, внимательно рассмотрел камень и место, откуда он был взят.

Внезапно он круто повернулся и закричал вверх:

— Господин! Я нашел стену. Видна штукатурка.

Миг — и Картер прыгнул вниз. Оттолкнув Абделада и Хассана, он присел рядом с Гургаром. Кончиками пальцев он ощупывал шероховатую, но все же довольно ровную поверхность в выбоине, пробитой ломом Гургара. Это могло с одинаковым успехом быть и частью стены и куском скалы. Картер выхватил у Гургара лом и нервно стал обивать края углубления. Освободилась грубо оштукатуренная стена, слева вверху показались удивительные знаки.

Становилось все темнее. Не поворачиваясь, Картер протянул руку назад.

— Мой карманный фонарик, быстро!

Ахмед, Хассан и Абделада смущенно оглянулись вокруг. Фонарик? Да, но где он лежит? Господин не держал его в руках, когда спрыгнул в яму.

— Ну что там с фонарем? — закричал Картер нетерпеливо. И, увидев растерянные лица, вспомнил, что фонарь остался в пиджаке там, наверху.

Наконец, фонарь у него. Луч света задрожал, потом замер. Сердце Картера заколотилось. Его губы шевелились: «Шакал и девять пленных».

Печать Города мертвых!

Луч света забегал по гробнице, описал круг, осветил пол, снова метнулся вверх. Рука Картера искала опоры, пока не нашла что-то плечо.

— Что с тобой, господин? — спросил испуганно Хассан.

Хассан заметил отсутствующий взгляд Картера.

— Что с тобой, господин? У тебя лихорадка? Ты весь дрожишь! Позвать хакима?

— Нет, врач мне не нужен, — улыбнулся Картер. — Скорее вы можете пожелать мне счастья. Я нашел... — Его голос прервался. — Друзья! На стене оттиски печатей: шакал над девятью пленными.

Три пары глаз сверкнули недоверчиво. Потом Гургар поднял кулак и завопил:

— Слава аллаху! Аллах велик! Аллах милостив! Он дал нам найти гробницу Тутанхамона! Возблагодарим всемогущего, о правоверные! Он покрыл нас славой. Весь мир удивится. Чудо, чудо!

Картер закрыл рот Гургара:

— Подожди, подожди! Это еще вовсе не значит, что мы нашли вход в гробницу Тутанхамона. Печать некрополя говорит лишь о том, что мы обнаружили погребение какого-то очень высокопоставленного лица.

— Зачем сомневаешься, господин? — удивился Хассан. — Ты всегда говорил, что гробница здесь, в долине. И теперь ты нашел ее, ибо ты проницательнее всех древних грабителей могил.

— Дай нам проломить стену, господин, — предложил Абделада. — Тогда ты убедишься, что прав ты, а не те ученые, которые называли тебя глупцом.

— Давно ли ты работаешь на раскопках, Абделада, если хочешь сразу сокрушить стену! — возмутился Гургар. — Прежде всего следует освободить весь вход, потом господин должен зарисовать печати и сфотографировать их.

Он продолжал свои объяснения, а Картер тем временем снова повернулся к стене. Погребение было очень небольшим. Это беспокоило его. До сих пор ни в одной из гробниц, обнаруженных в Долине царей, не было такого узкого входа. Может быть, ступеньки ведут всего лишь в небольшой тайник с мумией и погребальной утварью? Такой тайник жрецы могли вырубить на дне скалистой долины, чтобы поместить в него остатки разграбленной гробницы. А может быть, это была гробница царевича. Рабочие хижины, которые находились над входом, относились к двадцатой династии, к ней-то и принадлежал Рамсес VI. При постройке его гробницы эти хижины, по-видимому, были обитаемы. Вполне возможно, что здесь погребен дядя или брат этого фараона...

Но почему же у входа стоит только печать некрополя и нет личной печати покойного?

Картер ударил себя по лбу. Как он все-таки глуп! Какую часть замурованного входа он уже вскрыл? В лучшем случае одну десятую.

Он стал поспешно отколачивать окаменевший мусор, который закрывал оставшуюся часть входа. При свете фонаря показался новый оттиск печати — опять шакал над девятью пленными. Еще ниже — тот же самый рисунок,

Что скрыто за этой каменной стеной? Ход в настоящую гробницу или маленькая камера-тайник?

Неизвестность мучила Картера. Он ударил долотом по верхней части стены. Штукатурка обвалилась, открыв толстую деревянную балку.

Картер снова заколебался. Имеет ли он право повредить стену, прежде чем она зарисована?

Но если пробить только маленькое отверстие? Просто глазок? Ведь более двадцати лет он искал и искал нетронутую гробницу. И теперь он стоял, наконец, у цели.

Он должен знать, что он открыл.

Железо со скрежетом вгрызлось в стену ниже балки и, наконец, ушло в пустоту.

Черная дыра зияла перед ним, как рот, разорванный в крике.

Луч фонарика скользнул внутрь. Камни и галька заполняли открывшийся ход почти до свода.

Картер облегченно закрыл глаза. Это была настоящая гробница, а не тайник. Забитый камнями ход служил явным доказательством, о котором он мечтал. Если бы это был просто тайник, никто не стал бы засыпать его так заботливо. Какие необыкновенные вещи мог бы он увидеть, будь этот ход свободен! Неужели он, Картер, окажется тем избранным, которому суждено увидеть сокровища царской гробницы? Ни одному из многочисленных исследователей до сих пор не пришлось изведать счастья такого открытия. На протяжении столетий даже самые удачливые находили в погребениях лишь остатки утвари.

Рука Картера скользит по следам печатей на стене так нежно, как будто бы он гладит ребенка. Как выглядел человек, который штукатурил эту стену? И тот, который потом положил печать? Был ли это верховный жрец? Или, может быть, высокопоставленный чиновник? И что случилось потом? Почему завалили лестницу? Хотели спрятать вход от грабителей? И если это так, то почему именно только эту гробницу в долине хотели защитить от ограбления? Знали ли рабочие, которые позднее строили здесь на щебне свои хижины, что под их ногами находится вход в погребение? Несомненно, нет, иначе они тайно ночью проникали бы сюда. И снова этот ответ возбудил новый вопрос... Могло ли это быть местом последнего упокоения какого-нибудь родственника Рамсеса VI, если ход был забыт уже в его время?

Нет!

Здесь мог быть погребен лишь очень высокопоставленный

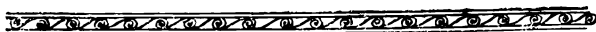
вельможа, живший задолго до Рамсеса VI. Властитель эпохи восемнадцатой династии — Тутанхамон!

Картер провел по лбу кончиками пальцев. О чем он думал? О Тутанхамоне. Ах, это имя ему лучше пока забыть. Такой узкий вход не мог вести к гробнице фараона. Ну, хватит догадок!

Картер встал и с удивлением заметил, что он в раскопе один. Небо потемнело. Над ним блистала звезда. Рабочие группами стояли у края шахты и говорили о сегодняшнем открытии.

Картер вылез наверх.

— Засыпайте яму! — приказал он. — Заровняйте площадку. Пусть Гургар выделит несколько надежных рабочих охранять гробницу ночью. Утром я пошлю телеграмму лорду Карнарвону. До его приезда вход должен оставаться засыпанным.

Абделад Ахмед возвышался как монумент в толпе любопытных. За одну ночь он стал знаменитостью. Поэтому Абделад и взгромоздился на большую кремневую глыбу, на которой в древности стояла хижина строителей гробницы Рамсеса. Когда он уставал от бесчисленных вопросов, он спускался со своего пьедестала. Вот и сейчас он отдыхал, сидя перед столпившимися посетителями на каменном «троне».

— Говорят,— сказал тощий американец,— что саркофаг фараона выкован из чистого золота. Сколько долларов он стоит?

Абделад бросил на него пренебрежительный взгляд. Башмаки американца были в пыли, следовательно, он пришел в Долину царей пешком. Либо он скупердяй, либо обычный турист. С такого никогда не получишь чаевых.

— Мне запрещено давать информацию,— ответил Абделад.

Пожилая дама лучше знала средство, чтобы заставить его говорить. Она незаметно сунула деньги в коричневую руку и прошептала:

— Покажите мне сокровищницу фараона, добрый человек. Я дам вам три английских фунта.

Абделад с сожалением ткнул пальцем в землю.

— Все погребено, миледи. Глубоко в земле.

Спутник дамы вмешался. Его усы под длинным острым носом от негодования, казалось, взъерошились как щетка.

— Нечего рассказывать сказки! В луксорском отеле «Палас» каждый мальчишка-лифтер знает, что вы открыли здесь подземный дворец, в который ведет потайной ход.

Абделад Ахмед, усмехнувшись, пожал плечами.

— Лифтер должен показать мне тайный ход, я буду очень рад.

Один человечек протиснулся вперед. Его тощая шея поднималась из стоячего воротничка, словно бобовый стебель из цветочного горшка. Золотое пенсне едва держалось на горбатом носу.

— Где мистер Картер? — воскликнул он возбужденно. — Я должен тотчас говорить с ним! Я могу доказать, что это захоронение, о котором Картер думает, будто он открыл его, пятьдесят лет назад нашел сэр Вильям Флиндерс Петри.

Он повернулся к окружающим и, подняв вверх указательный палец, начал объяснять:

— Да, господа, они все здесь просто одурачены! Нет никакой гробницы Тутанхамона, потому что ее никогда не было. Я легко могу вам доказать это.

Из битком набитого книгами и рукописями кожаного портфеля он вынул фолиант и с триумфом помахал им в воздухе:

— Здесь на странице 542 вы прочтете то, что я сам писал о погребениях в Долине царей...

Пока человечек продолжал говорить, юный репортер нацелил фотоаппарат на оратора и щелкнул затвором.

— Снова мне повезло, — радостно пробормотал он. — Я даже не надеялся так быстро найти Говарда Картера.

Затем он сунул монету Абделаду:

— Это для вас, добрый человек. Ну, а теперь скажите мне побыстрее: сколько сундуков золота нашли вы в гробнице? Люди в Каире говорят, что десять. Я думаю, однако, их гораздо больше. Не так ли?

— Золота ровно столько, сколько могут поднять сто ослов, — отвечал вместо Абделада Ахмед Гургар. И, подмигнув, добавил: — И все эти ослы — родственники тех людей из Каира.

ЛЕДИ КАРНАРВОН НЕ ХОЧЕТ ЖДАТЬ

Картер нетерпеливо наблюдал за швартовкой парохода в гавани Александрии. Между многочисленными пассажирами, стоящими у поручней, он не находил того, кого так долго ждал. Он вновь развернул телеграмму. «Думаю прибыть Александрию двадцатого точка Карнарвон точка», — значилось в ней.

Может быть, лорд решил отложить свою поездку? Это означало бы новое невыносимое ожидание. С пятого ноября дни тянулись как в замедленном кинофильме. И к тому же мучительные раздумья по ночам. Ждет ли его после вскрытия гробницы поражение или триумф? Гробница это Тутанхамона или тайник?

Картер тихо застонал. Если бы не обязательства перед лордом Карнарвоном, он уже неделю назад обрел бы уверенность. Но лорд не останавливался перед расходами по раскопке и потому имел бесспорное право присутствовать при вскрытии гробницы. Однако пора бы ему, наконец, уже быть здесь.

У Картера кружилась голова, когда он вспоминал о горе писем, телеграмм, поздравлений и запросов со всех концов света, возвышавшейся на его письменном столе. Он никак не мог понять, почему известие об его открытии вызвало такой горячий отклик во всем мире. Ведь до сих пор, кроме опечатанных дверей, ничего не было найдено. Конечно, Долина царей с давних пор влекла посетителей из разных стран. Более двух тысяч лет назад греческие и римские путешественники уже посещали и описывали Бибан-эль-Молук. Полные тайн гробницы фарао-

нов и в те далекие времена давали обильную пищу фантазии чужеземцев. И разве в этой скалистой долине не разыгрывались действительно необычайные приключения? Одна история ограбления гробницы могла составить сюжет захватывающего романа. Какие драматические события разыгрались, например, после того, как была вырублена в скалах гробница фараона Тутмоса I? Главный архитектор царя, Инени, в своей биографии, начертанной на стенах его усыпальницы, хвастливо сообщал: «Я один надзирал за строительством гробницы в скалах для Величайшего, никто не видел этого, никто не слышал». А это означало, что в 1550 году до нашей эры по приказу Инени все рабочие и рабы, создававшие гробницу Тутмоса, умолкли навеки.

Но долго ли охранялся покой гробницы Тутмоса I? В 1899 году гробница была открыта. В ней остался только пустой массивный каменный саркофаг.

Картер очнулся. Людской поток захватил его и повлек с собой. По трапу начали спускаться первые пассажиры. Носильщики бросились к ним навстречу, громкими криками предлагая свои услуги. Торговцы коврами бросали их к ногам чужеземцев, перевозносы свой товар как самый красивый, самый лучший и самый дешевый во всей вселенной и требуя за него сумасшедшие деньги. Юноши-арабы таинственно нашептывали: «Древности, древности» — и показывали вещи, в которых лишь наивный новичок не признал бы подделки. Проводники, словно рой пчел, осаждали туристов. Менялы орали наперебой. Картера толкали из стороны в сторону.

Вдруг он громко вскрикнул.

Лорд Карнарвон, прихрамывая, спускался с трапа, опираясь на плечо дочери. Он уже издали приветственно протягивал Картеру руку.

— Картер, чертяка! Все-таки нашли гробницу! Все газеты Англии пишут об этом небывалом открытии. Поздравляю вас.

— Мистер Картер, я никогда не забуду, что вы дождались нас!

— Я надеюсь, гробница не разочарует вас, — сказал Картер подавленно. Потом в нем словно прорвалась плотина, сдерживавшая накопившиеся сомнения.

— Вы не знаете, миледи, как трудно было мне последние дни оставлять вход замурованным. Случалось так, что я едва удерживался от того, чтобы не взять лопату и не убедиться, наконец, чья это гробница.

Лорд смотрел удивленно.

— Я бы на вашем месте так и сделал. Вы первооткрыватель и имели на это право.

— Не слушайте его, мистер Картер! — закричала леди. — Он сюда прилетел бы, если бы мог. Да и я последние ночи почти не спала.

— Очень жаль, — пробормотал Картер, — но вы сможете попасть в Луксор только двадцать третьего, а пока там устройтесь...

Леди стремительно схватила Картера за рукав.

— Ни одной минуты я не хочу больше ждать. Вы должны открыть гробницу сразу же, как только мы приедем. Пожалуйста, обещайте мне это!

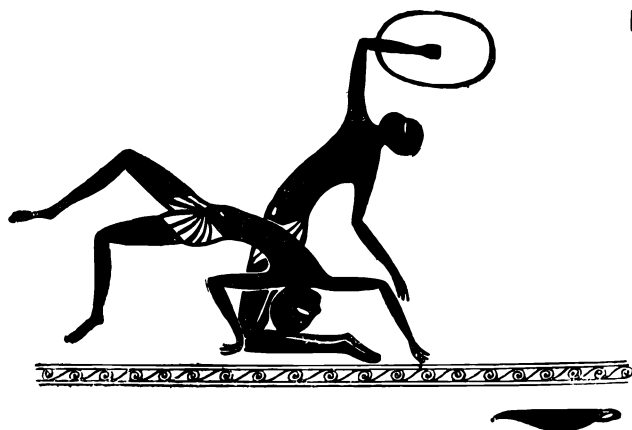
Карнарвон тоже схватил руку Картера и затряс ее. Он, как юноша, больше не мог сдержать свое нетерпение:

— Дорогой друг, вы не должны подвергать меня такой пытке. Я десятки лет ждал великого счастья увидеть нетронутую гробницу. Теперь, когда этот момент близок, мои нервы бунтуют.

Картер лукаво улыбнулся.

— Милорд, я сделал все, чтобы не задержать ни на секунду вскрытие гробницы. Мой старый друг Коллендер, которого вы, наверное, знаете, начнет уже завтра с утра откапывать лестницу, ведущую в нее.

ГРАБИТЕЛИ В ЦАРСКОЙ ГРОБНИЦЕ!

«24 ноября 1922 года, 15 часов дня,—записал Картер нервным дрожащим почерком в своем блокноте,—мы освободили последнюю ступеньку. Что я узнаю завтра в это же время?» Он хотел написать еще одну фразу, когда леди Карнарвон вскрикнула. Она что-то держала на ладони.

Картер спрыгнул вниз по ступенькам. Жук-скарабей.

Его выкопали из щебня, который по щиколотку покрывал землю. Фигурка этого почитаемого в Египте навозного жука была вырезана из самоцветного камня.

Картер перевернул находку. На брюшке драгоценного жука он обнаружил картуш фараона Тутмоса III.

Что это означало?

— Здесь в щебне черепки, господин,—прервал размышления Картера голос Ахмеда Гургара.

И сразу же доложил Хассан Авад:

— Смотри, господин! Части разбитого ларя с надписями на нем.

«Эхнатон — Сменхкара...» — разбирал Картер взволнованно, а на другом обломке прочитал: «Аменхотеп III».

Растерянно разглядывал ученый щебень под ногами. Как здесь оказались эти обломки? Разве они не доказывают, что его предположение о находке гробницы Тутанхамона в конце концов оказались ошибочными? Предметы с именами различных царей, обнаруженные на таком маленьком пространстве,

ясно доказывали, что речь может идти только о тайнике. Конец прекрасной мечты.

— Печать, господин! Печать здесь внизу! — закричал Гургар и указал на только что расчищенную нижнюю часть входа.

Картер наклонился. Он уже не надеялся увидеть что-либо необыкновенное. Но в следующее мгновение он внезапно понял.

Мечта снова манила его. Он увидел на слое известки оттиски печати Тутанхамона!

Мучительно подбирая слова, Картер повернулся к Карнарвону, который стоял на верхней ступеньке.

— Послушайте, — сказал он хрипло и тем тоном, каким говорил с первым встречным. — Слушайте, здесь это... — Голос его прервался. С трудом он взял себя в руки. — Милорд, я поздравляю вас, вы стоите перед гробницей Тутанхамона!

Раздался ликующий крик. Леди Карнарвон обнимала по очереди Картера, Ахмеда Гургара и Хассана Авада.

С резкостью, которая ему была так чужда, Картер потребовал:

— Принесите лампы. Все. Мне нужен свет. Свет.

Последнее нелегкое сомнение овладело им: а вдруг он все-таки ошибается!

Теперь он увидел внизу стены еще один оттиск печати фараона.

Почему не стал он копать глубже недель раньше? Стоило ему убрать еще метр щебня, как он увидел бы печать фараона и обошелся бы без бессонных ночей. Какие удивительные случайности иногда определяют успех. Он стоял перед величайшим открытием своей жизни и прервал работы.

Вновь и вновь луч фонарика ощупывал стену. Рано утром от откроет вход.

Утром? Почему не сейчас? К чему фотографировать оттиски печатей, которые уже сбили его раз с толку?

Стоп. Что это за темное пятно в левом верхнем углу стены?

Луч света остановился на оттиске печати некрополя под балкой.

Картер вздрогнул. Пятно означало, что стена уже была когда-то пробита на этом месте. Грабители могил, возможно, опередили его на три тысячи триста лет!

Теперь Картер сразу понял, каким образом обломки погребальной утвари очутились в щебне перед гробницей. Грабители бросили все эти ненужные вещи у входа. Потом пролом был обнаружен, и стражи или жрецы Города мертвых замуровали его и снова опечатали.

Если это верно, то ему не нужно опасаться самого страш-

ного. Лазейка так узка, что крупные предметы из гробницы через нее вынести нельзя.

Полные ожидания Карнарвон и все остальные наблюдали за тем, как Картер исследовал пятно. Его долгое молчание и застывшая поза усиливали нервное напряжение зрителей.

Наконец леди Карнарвон не выдержала:

— Что вы нашли, мистер Картер? Что-нибудь плохое?

— Умоляю, скажите же, наконец, что-нибудь! — воскликнул Карнарвон. — Мои нервы не из стальной проволоки, а читать мысли я не учился.

Картер медленно повернулся и устало махнул рукой. Он еще раз взглянул на темное пятно и сказал, запинаясь, как рассеянный профессор:

— Я думаю... мы не должны питать... слишком больших надежд. Дело в том, что гробница была потревожена.

— Значит, ограблена? — воскликнул Карнарвон испуганно. Он замахнулся костью, словно карая невидимых грабителей. — Проклятые подонки! Всегда и везде они опережают нас. Ни одна гробница не ушла от этих негодяев.

Леди, опустив голову, потихоньку утирала слезы. Картер заметил это:

— Не расстраивайтесь, миледи. Пока мы не выяснили, что грабители оставили нам, нет оснований унывать.

— Вам хорошо говорить, — всхлипнула она. — Вы уже привыкли находить ограбленные гробницы. А я... А я ожидала чуда.

— Утром мы будем знать больше, — утешал ее Картер. — Может быть, нас ждет еще неожиданность.

Лорд ударил костью об землю.

— Ну, а я больше ничего не жду. Ограбленные гробницы до сих пор приносили одни разочарования.

Говард Картер стоял на верхней из шестнадцати ступенек, которые вели вниз к входу в гробницу. Размышляя, он машинально вертел между пальцами карандаш. В левой руке Картер держал открытый блокнот. Вчера, 25 ноября, он не сделал ни единой записи. И сегодня поставил пока одну лишь дату: «26 ноября». Потом рука его остановилась. Что он хотел бы написать? Может быть, снова, как двадцать четвертого: «Что я узнаю завтра в это время?» Бессмысленно было задавать вопросы судьбе. Ведь он ожидал тогда от двадцать пятого так много, и так мало его желаний исполнилось.

Итак, стена разрушена. Позади нее открылся ход, который вел вниз. Он был забит щебнем, галькой и мельчайшей каменной пылью, оставленной каменотесами. Слева на верху тоннеля двухметровой высоты были видны следы лаза, который использовали грабители тысячелетия назад. Находки в осыпи ставили в тупик. Это были алебастровые сосуды, печати с ларцов, обломки погребального инвентаря. Грабители, по-видимому, тащили с собой все, что им казалось сколько-нибудь ценным. Однако само существование тоннеля внушало уверенность, что он оканчивается каким-то большим помещением. И только. Потому лист блокнота за 25 ноября остался пустым.

Картер положил блокнот в карман. Ни радоваться, ни огорчаться было нечему. Сегодня был такой же день, как и многие

другие в его жизни. Таких камер в скалах он находил много, только ни одна из его раскопок не была столь многообещающей, как эта. Всегда находили то, что он себе приблизительно представлял заранее: опустошенные саркофаги, предметы погребального инвентаря и надписи, которые гласили, что тот или иной фараон нашел здесь последний покой. Но эти раскопки подают наибольшие надежды. И он осыпал себя упреками за то, что в порыве первой радости открытия просил лорда Карнарвона приехать в Египет. Бедняга не пожалел ни сил, ни денег на дальнейшее путешествие. Теперь он стоит перед галереей в скале и, наверное, проклинает в душе сумасшедшего Говарда Картера.

Вдруг появился сам лорд. Вид его был достоин сожаления: вся одежда и лицо, даже костыль были покрыты белой пылью. Он угрожающе размахивал им.

— Картер! Что вы здесь делаете наверху? — гневно воскликнул он. — Что у вас за нервы? Я от волнения едва дышу, а вы ничего не делаете, чтобы меня успокоить. — Он заломил руки. — Ах, дорогой старый друг, ну скажите мне, когда же мы доберемся до конца хода?

Картер удивленно уставился на пришедшего в отчаяние лорда. Он ожидал упреков и проклятий, а столкнулся с нетерпением искателя сказочных сокровищ.

— Успокойтесь, милорд, — сказал Картер. — Пыль внизу — это яд для ваших легких.

— Ах, что яд, — бушевал лорд. — Зимние туманы в Лондоне вредны мне гораздо больше, чем эта пыль. И что мне делать здесь? Небесами любоваться? Внизу мне больше нравится. И у меня такое чувство, будто я сегодня еще переживу нечто необыкновенное.

«А я нет», — хотел сказать Картер, но в этот миг из тоннеля раздался приглушенный крик. Торопливо поднялась сопровождаемая Ахмедом Гургаром леди Карнарвон.

— Мы откопали вторую опечатанную дверь! — кричала она.

— Сюда, господин, сюда, ворота к тайне всех тайн ждут, чтобы мы открыли их, — взволнованно вторил ей Гургар и снова исчез в проходе.

Картер устремился вниз. Он споткнулся о гальку и должен был, прижавшись к стене, пропускать рабочих с полными корзинами. Наконец он остановился перед «воротами к тайне всех тайн». Они были в десяти метрах от первых и походили на них как две капли воды. И здесь в левом верхнем углу виднелось темное пятно.

Леди Карнарвон положила на него руку.

— Здесь, стало быть, грабители проникли внутрь гробницы,—прошептала она робко.—И эта лазейка тоже снова замурована и опечатана. Я не могу представить себе, что с тех пор прошли тысячи лет и я первый человек, который трогает печать Города мертвых.—Она повернулась к лорду.—У тебя нет такого чувства, что время остановилось? Мне кажется, будто я сама была здесь в тот миг, когда опечатывали стену.—Леди испытующе посмотрела на Ахмеда Гургара, Абделада и Авада.—Эти древние, наверное, выглядели так же, как и они. Коричневые, с темными глазами мечтателей...

Ахмед Гургар сложил руки на груди и склонился перед леди.

— Духи наших предков говорят твоими устами,—сказал он по-арабски,—они позволили тебе найти путь сюда, ибо ты достойна увидеть чудо, которое они сотворили давным-давно. Твоя душа будет счастлива, как если бы всемогущий сам открыл тебе ворота в рай.

— Что сказал Гургар? —спросил лорд Карнарвон.—Я понял лишь отдельные слова.

— Он пророчит леди Карнарвон, что она увидит чудо,—объяснил Картер, улыбаясь, но веселое выражение лица плохо давалось ему. Слова Гургара показались Картеру чересчур многообещающими. А он всегда старался смотреть на вещи трезво, особенно если его что-то волновало. Вид этой второй замурованной двери с печатями фараона удивительно взволновал его. И хотя прошли тысячелетия с того времени, как лежащие внизу помещения были оставлены людьми, но воздух, которым они дышали, оставался тем же. Казалось, время повернет вспять, когда рухнет эта стена и прошлое станет настоящим.

— Чего вы ждете? —зашептал лорд.—Ломайте же наконец!

С лихорадочным нетерпением он схватил долото и молоток и сунул их Картеру. Археолог кивнул и взглянул на окружающих. Лорд Карнарвон с выражением невыносимого напряжения прикусил губу. Лицо леди Эвелин напоминало античную мраморную статую. Египтяне смотрели на Картера неподвижными глазами, как боги их предков.

Что все они хотели увидеть за этим замурованным входом? Невероятные сокровища? Да, хорошо, если так. То, что тысячелетия назад было погребено в земле и с тех пор окрыляло фантазию людей, влекло их с таинственной силой на поиски сокровищ. Но разве он сам, Картер, не чувствовал того же возбуждения, которое охватывает исследователя, когда он прибли-

жается к разгадке тайны? Почтение и робость ощущал он, готовясь переступить порог тысячелетней могилы. Имел ли он вообще право тревожить покой мертвого?

— Мистер Картер, прошу вас, не медлите...— прошептала леди Карнарвон.

Картер перевел дух и отбросил размышления.

Стена загудела под ударами молота.

Леди Карнарвон услышала позади себя непонятное бормотанье. Она обернулась и увидела Гада Хассана, который, запрокинув лицо и закрыв глаза, молитвенно сложил руки. Молил ли он богов о прощении осквернителям могил или просил удачи?

Леди увидела также, как Картер отворачивался и щурился, когда на него сыпались пыль и осколки. О чем он думал теперь? Он весь был поглощен работой.

Кусок штукатурки отделился и упал. Темное пятно уменьшалось, показалась каменная кладка. Со скрежетом металл вонзался между камнями. Вот один камень отделился и покатился вниз. За ним второй.

Долото ушло в пустоту. Стена была пробита как раз в том месте, которое выбрали в древности грабители. Из темной дыры в галерею пошел горячий, сухой воздух.

Картер отступил на шаг. На его лбу блестели капельки пота. Он напоминал хирурга во время сложной операции.

Гургар подскочил к нему, готовый помочь:

— Что тебе нужно, господин? Другой инструмент?

Покачав головой, Картер покопался в карманах, достал спички и свечу.

Лорд хрипло спросил:

— Зачем? Или свет лампы недостаточно силен?

— Да, да,— нетерпеливо пробормотал Картер.— Но я хочу проверить, там мог скопиться удушливый газ.

Пламя свечи закачалось в потоке горячего воздуха, но не погасло. Картер снова взялся за инструмент, расширяя отверстие.

Теперь он остановился на мгновение и воткнул долото, не встретив сопротивления.

В тишине, сменившей стук ударов, было слышно лишь его прерывистое дыхание. Гургар, который собирался взять у него инструменты, от волнения забыл зажать руки, и молот и долото полетели на землю. Правая рука дрожала, когда он отдавал свечу.

Картер сжал зубы. Иначе он не мог подавить нервную дрожь. Следующие секунды должны принести разгадку.

Кто-то прижался к его плечу и прошепел:

— Да светите же, наконец, вглубь, Картер! Я не выдержу этого проклятого ожидания.

«Никто не должен заметить моего разочарования», — пообещал себе Картер, поднял свечу и ввел ее в отверстие. Секунду он наблюдал за тихим колебанием пламени. Потом он перевел взгляд в глубину. Сердце отчаянно билось. Ослепленный светом свечи, он постоял немного, пока глаза не привыкли к темноте. Постепенно из тьмы выступали очертания предметов: на него уставились морды чудовищ. Их тела были похожи на призраки.

Это был мираж. Ничего подобного человек в здравом уме не мог увидеть. То, что он видел, наверное, был только лихорадочный бред. Картер до боли прижал пальцы к глазам и снова взглянул: кругом действительно сверкало золото!

Чудовища были реальностью! И не только чудовища. Расписанные ларцы, отделанные золотом, кресла, статуи, вазы, гробы. А там — нагромождение опрокинутых повозок — охотничьих и боевых колесниц фараона, богато инкрустированных золотом и драгоценными камнями!

— Вы что-нибудь видите? — боязливо спросил лорд Карнарвон.

Его голос вернул Картера из царства сказки.

— Да, необычайные вещи, — ответил он и закрыл лицо рукой. Увиденное чудо слишком потрясло его.

Кто-то вырвал из рук Картера свечу. Он, как лунатик, покачиваясь, пошел по тоннелю. Восторженный крик раздался у него за спиной. Картер не обратил на это внимания, ему хотелось остаться на несколько минут одному, чтобы собраться с мыслями. Подобных сокровищ не видел еще ни один современный археолог. Сверкающие золотом звероподобные чудовища бросали странную перекошенную тень на стену. Такие были известны только по рельефам на колоннах храмов. Никто не верил, что они действительно существуют. А необыкновенный трон...

Картер остановился. Золотой трон всплыл теперь в его памяти совершенно отчетливо. Он стоял под носилками, боковые стороны которого образовывали два сказочных существа, принятые им сначала за бредовое видение. Картер припомнил также, что у этих позолоченных чудовищ были головы нильских бегемотов. А трон? Какой шедевр египетского искусства! Ни один музей мира не мог похвастаться подобным сокровищем. В этой комнате было столько сокровищ, как будто фараон собрал здесь все убранство своего дворца.

Это было, безусловно, самое богатое погребение, найденное в новое время.

Но была ли находка гробницей? Почему он так верит в это? Было ли это гробницей? Стены справа и слева хранили только следы грубой обработки. Никаких рельефов, росписей, надписей. И необычно короткий тоннель! Все другие ходы в гробницы Долины царей были богато украшены. Сцены из жизни фараонов рассказывали о победах над врагами, о богатой добыче... Здесь же был лишь голый камень, обтесанный бронзовыми инструментами. Создавалось впечатление, что это все-таки всего лишь тайник с погребальной утварью фараона Тутанхамона.

— Там справа, между статуями фараона, еще одна запечатанная дверь, ты видишь ее, отец?

Восклицание леди вывело Картера из задумчивости. Не ослышался ли он? Еще один замурованный вход? Действительно, между стоящими в полный рост статуями с золотыми передниками, золотыми сандалиями и священными знаками — уреями на лбу, находилась стена. Она носила отчетливые следы кладки. И более того, она была опечатана! Следовательно, позади нее находится какое-то помещение или даже несколько помещений.

Первой мыслью Картера было пробить дверь и обрести, наконец, уверенность в том, что это гробница. Потом он подумал об ответственности исследователя. Каждый шаг в наполненной сокровищами передней комнате должен быть сначала подготовлен.

Далеко не все вещи валялись здесь в хаотическом беспорядке. Даже новичок в археологии понял бы, что предметы были нагромождены один на другой в большой спешке. Воры, проникшие сюда в древности, бесцеремонно вскрывали ларцы, рылись в сундуках с одеждой, опрокидывали шкатулки, разбивали вазы, сосуды, ящики. Повсюду валялись черепки. Что заставило этих людей произвести подобные разрушения? Может быть, здесь происходила борьба? Может быть, стражи застигли грабителей врасплох? Если бы вещи могли говорить, о чем они рассказали бы?

В комическом отчаянии Картер затыкал уши. С раннего утра его осаждали вопросами. Что он должен был делать в первую очередь? Давать распоряжения или отвечать на телеграммы, поступающие со всего света? Инвентаризировать найденные древности и одновременно составлять описи или заботиться о консервации материалов? Фотограф Гарри Бертон требовал фотоматериалов, ведь каждый предмет в гробнице должен быть заснят. Ждал корреспондент лондонской «Таймс». Прибыли химикалии для консервации разбитых и полуразрушенных вещей. Машина привезла тридцать два тюка полотна, рулоны ваты, ящики с другим упаковочным материалом.

Это было слишком для одного человека!

Шестого декабря лорд Карнарвон с дочерью отбыл в Англию.

Коллендер работал неутомимо. Алан Гардинер не уступал ему. Старый друг Картера, крупный специалист Мейс, совсем выбился из сил. А круг работ все время расширялся. При входе в переднюю комнату была установлена стальная решетка, гробница фараона Сети II превращена в лабораторию, где восстанавливались разбитые предметы из тайника Тутанхамона. Потом, после тщательной обработки, их готовили для дальнейшей перевозки. День и ночь три отряда солдат, государственная охрана и самые надежные рабочие охраняли раскопочную площадку. Вся страна, казалось, была охвачена лихорадкой. От

Александрии вверх по Нилу до первых нильских порогов из уст в уста передавались совершенно фантастические истории. Самая последняя из них сообщала, что в долине якобы приземлились три самолета, которые затем улетели в неизвестном направлении, доверху набитые золотом.

И никто не поверил бы только одному, что каждый, даже самый ничтожный предмет в передней комнате точнейшим образом зарисовывали, фотографировали, обмеряли, тщательно изучали и исследовали на сохранность, прежде чем заносили в каталог под особым номером. Только после всего этого находка поступала в лабораторию. Там ее упаковывали в вату и готовили к отправке в Каирский музей.

Таким образом продолжались работы по разборке содержимого гробницы, а бесчисленные находки все еще ожидали исследования несколько недель. Вот опять прибежал Мейс.

— Идемте, Картер. Под платьем, в сундуке среди одежд нашли нечто чрезвычайно интересное.

Картер колебался. Корреспондент «Таймс» ждал его уже несколько часов. Один известный европейский археолог хотел осмотреть сокровища, подготовленные для обработки в лаборатории. Должен был быть подготовлен новый транспорт. Лукас, специалист-химик, хотел обсудить список химикатов, которые ему были особенно нужны.

— Эта находка в самом деле очень интересна? — спросил Картер и нерешительно посмотрел в сторону лаборатории.

Мейс схватил его за руку:

— Идемте! За одну восьмую часть находки любой европейский или американский музей отдал бы целое состояние!

Он потащил Картера в переднюю комнату и показал ему длинный кусок ткани, который когда-то был завязан в узел. В древности он служил, видимо, шарфом фараону, и чиновники или жрецы некрополя при уборке комнаты после нашествия грабителей небрежно запихали его в сундук. Теперь его развязали и нашли в нем восемь массивных золотых, с вставками из цветных камней перстней фараона Тутанхамона. Два из них служили фараону печатями.

Что же произошло? Почему эти драгоценности были брошены грабителями? Кто-то из них нашел кольца и поспешно завязал в шарф. Это было ясно. Но почему он бросил узел? Ведь эти кольца даже в древности продать было намного легче, чем, скажем, те золотые статуэтки, футляр от которых Коллендер нашел в углу.

— Вы, наверное, думаете то же, что и я, не правда ли? — сказал Мейс. — Если бы мы могли узнать историю этих восьми

колец... Но мы можем только строить различные предположения.

Картер вздохнул:

— Вы правы... Вот я думаю об этом парадном панцире, который мы восстановили с таким трудом. Почему его части лежали в различных ларцах и ящиках? Кто разорвал это бесценное украшение? И почему?

— Я думаю, что из-за него началась борьба. Вероятно, каждый грабитель хотел заполучить его. Они вцепились в него и рвали, пока он не разлетелся на части. Потом куски панциря валявшиеся на земле, были подобраны и, как и остальные вещи, небрежно брошены в ближайший сундук.

— Послушайте, Мейс, у меня есть предложение! — сказал Картер. — Давайте обозначим грабителей могил каким-нибудь собирательным именем. Ну, например, Менафт. Этот Менафт был... Дадим ему звание ремесленника художественных мастерских фараона.

— А! Вы думаете о той истории ограбления гробниц, которая произошла во времена Рамсеса IX, не так ли?

— Совершенно верно. Эту историю о пойманных грабителях я хорошо помню потому, что я для собственного удовольствия перевел тот папирус, в котором рассказывалось о суде над ними. Документ составлен за три тысячи лет до нашей эры и сообщает подробности, касающиеся разбора дела. Тогда было схвачено восемь воров...

— Их били двойными розгами по рукам и ногам, добиваясь признания, — заключил Мейс.

— Правильно, именно так гласит текст папируса. В нем приведено признание грабителей: «Мы нашли божественную мумию фараона... На шее его было великое множество амулетов и украшений из золота. Голова его была покрыта золотой маской. И божественная мумия фараона вся была покрыта золотом, и мы сорвали золото, которое нашли на священной мумии этого бога, и амулеты, и украшения...»

— Подождите, подождите... Мне еще кое-что пришло в голову! — воскликнул Мейс. Предположим, эти восемь колец и оплечье, которое мы нашли раньше, относятся к числу украшений, которые были сорваны с мумии Тутанхамона.

Пораженный догадкой Мейса, Картер пристально смотрел на опечатанную стену между статуями стражей. Помещение, находящееся позади нее, стоило ему уже многих бессонных часов. Все чаще и чаще он приходил к мысли пробить стену, хотя описание и упаковка сокровищ в передней комнате еще не были

окончены. Догадка Мейса вызвала у него самые дурные предчувствия.

— Мейс,— прошептал он, не сводя глаз со стены.— Если вы правы, то мы обманулись в самых лучших своих надеждах. Мы найдем по ту сторону двери всего лишь пустой саркофаг.

— Вы же никогда не верили, что здесь гробница,— удивился Мейс.— С каких пор вы изменили свое мнение?

Картер, задумавшись, прикусил нижнюю губу.

— Это я понял, когда стал изучать предметы, которые мы нашли здесь и которые еще лежат в боковой комнате. Я вспоминаю хотя бы о парадных колесницах и особенно пустых алебастровых сосудах, сваленных в углу. Лукас произвел химическое исследование остатков их содержимого. Знаете ли вы, что в них хранилось?

— Благовонные масла или эссенции.

— Откуда вы знаете? — удивился Картер.

— Лукас мне рассказал. Он мне еще сказал, что его особенно радует анализ масел и смол, которые использовались для бальзамирования мумии фараона.

— Вы все фантазеры! — крикнул Картер сердито.— Вы вечно ждете новых чудес там, где самое большое чудо уже совершилось. За последние двести лет не было человека, который видел бы произведения искусства подобные найденным нами. На что вы еще надеетесь? Не на золотой ли саркофаг, вроде того, что взломали грабители времен Рамсеса IX?

Мейс показал на опечатанную стену:

— Пока мы не знаем, что скрывается за ней, мы имеем право ждать самого несбыточного. А вам, Картер, я бы не советовал быть таким маловером. Судьба вознаграждает лишь мужественного, который использует все возможности, и как раз это вы доказывали всему миру, когда упорно шли к избранной цели. Потому что в существование гробницы Тутанхамона, кроме вас, никто не верил.

Он весело ухмыльнулся, увидев опечаленное лицо Картера.

— Ну и ну! Теперь вы смотрите на меня как провинившийся школьник, вместо того чтобы торжественно обещать мне...— Он запнулся и ударил себя по лбу.— Стойте. Но мы ведь так и не закончили нашу историю о Менафте.

Картер недовольно махнул рукой:

— Ах, оставьте. Когда я смотрю на это пятно внизу стены, у меня пропадает всякое желание шутить.

— А у меня нет! Потому что это пятно выдает место пролома. И наш хитрый Менафт никогда не пробил бы брешь,

если бы не знал, что по ту сторону стены его ждут фантастические богатства.

— Они фантастичны, иначе вы бы в них не поверили,— сердито сказал Картер и ушел.

Мейс крикнул ему вслед:

— Вы забываете про восемь колец фараона и панцирь! Где Менафт взял их? Конечно, только из саркофага фараона. Или вы придерживаетесь другого мнения?

Но Картер уже не слышал. У входа в гробницу на него набросился корреспондент «Таймс»:

— Мистер Картер, вы должны, наконец, сказать мне, когда будет вскрыта погребальная камера. Весь мир ждет результатов с большим волнением. Мой шеф шлет одну телеграмму за другой, а я не знаю, что отвечать.

Картер с сожалением развел руками:

— Честно говоря, я тоже ничего не знаю. Я надеюсь освободить переднюю комнату весной, потом засыплю вход, а на следующий год...

— Боже мой! — закричал репортер испуганно. — Вы шутите, надеюсь. Или вы хотите, чтобы миллионы людей целый год ждали величайшую сенсацию нашего века!

Картер пожал плечами:

— Будет ли еще сенсация! Все зависит от того, что нам оставил Менафт.

Журналист ошеломленно взглянул на Картера и схватил карандаш:

— Кто этот Менафт, мистер Картер? Я о нем еще ничего не слышал. Это археолог? Он ваш сотрудник? Он жив? Где я могу его найти?

— Стойте, стойте,— засмеялся Картер. — Менафт выдуманное лицо. Быть может, так звали одного из грабителей, следы которых встречались нам повсюду — и в передней и в боковой комнатах.

Репортер вытер вспотевший лоб.

— Вы что-то скрываете от меня, мистер Картер! Я умоляю, скажите мне правду, куда спрятал Менафт золото, которое он вынес из гробницы? Вы давно уже нашли тайник, не так ли?

Он поспешно записал несколько строк в своем блокноте и продолжал спрашивать:

— У Менафта были помощники? Сколько? Кто, кроме вас, знает их имена?

— Только всемогущий бог,— ответил Картер,— но я не уве-

рен, дадут ли вам на небе информацию о том, что происходило здесь три тысячи триста лет назад.

Репортер недоуменно уставился на Картера, затем оттянул двумя пальцами воротник, который вдруг стал ему тесен.

— Итак, золотые сокровища действительно исчезли? — пробормотал он. — Это невероятно. Я думал, читатели моей газеты по меньшей мере смогут познакомиться с их описанием.

— Послушайте! — сказал Картер с серьезной миной. — Если вы непременно хотите писать о сокровищах, пойдемте со мной в лабораторию. Я покажу вам удивительнейшие сокровища.

Не обращая внимания на то, идет за ним репортер или нет, Картер прошел в гробницу фараона Сети II, которая служила лабораторией. Он был убежден, что осчастливил лондонского газетчика своим приглашением, поскольку он крайне редко допускал посторонних в лабораторию. Он хотел объяснить этому человеку, который, как и многие другие, верил в болтовню о неизмеримом золотом кладе, ценность древних произведений искусства. Когда Картер указал на великолепно расписанный ларец — шедевр древнего мастера, — он прочел удивление в глазах репортера.

— Не правда ли, вы не ожидали увидеть такую прекрасную вещь? — спросил Картер, принимая его удивление за восторг. — Обратите внимание на охотничьи сцены на крышке ларца. Тутанхамон со своей колесницы поражает из лука диких зверей пустыни. Вы узнаете газелей, диких ослов, страусов и гиен? А какие богатства красок на боковых стенках! Вот картина сражения. Фараон преследует бегущих врагов. Посмотрите на эту суматоху, на убегающих, падающих израненных воинов. Кони, запряженные в боевую колесницу, кажется, топчут копытами врагов фараона. Вы можете взять лупу, чтобы разглядеть подробности, которые художник сосредоточил на столь узком пространстве. И не забудьте — этот ларец для белья лишь первый образец искусства, которое дает представление о бесподобном мастерстве древних египтян!

Но он говорил в пустоту. Репортер глядел по сторонам, как будто искал что-то.

— А что было в этом ларце? — спросил он. — Какие-нибудь поразительные драгоценности, не правда ли?

— Конечно, — кивнул Картер. — В нем были необыкновенно интересные вещи. Сверху лежали сандалии, сплетенные из папируса и камыша. Под ними — одеяния фараона, отделанные жемчугом и самоцветами. Дальше еще несколько одеяний. Одно из них было заткано тремя тысячами золотых розеток. Кроме того, в ларце находились парадные сандалии, позолоченный под-

головник и другие прекрасные вещи. К сожалению, одежды были в ужасном состоянии. Убравшие после ограбления, очевидно, в большой спешке запихнули их в ларец. За тысячелетия материя пришла в ужасное состояние. Большая часть ее распалась у нас в руках. Некоторые вещи, прежде чем извлекать их из ларца, мы должны были обрабатывать жидким парафином. Представьте себе, каким украшением для любого музея были бы эти платья, если бы они хранились здесь аккуратно сложенными.

Репортер кивнул, сказал «так, так» и снова без всякого интереса оглядел предметы, заполнявшие помещение.

— А ничего более существенного вы не нашли? — спросил он наконец. — Я имею в виду вещи из чистого золота. Понимаете, наш читатель хочет все же чего-то волнующего, чего-то открывающего фантазию.

Картер закусил нижнюю губу. Он уже жалел каждую минуту, потраченную на этого профана. Он с радостью выкинул бы его вон, но приходилось считаться с тем, что корреспондент представлял одну из крупнейших газет.

— Послушайте, я знаю, что вы можете сообщить вашим читателям, — сказал Картер ядовито. — Если объявить о продаже этого ларца всем директорам музеев и коллекционерам Америки, можно было бы назначить цену в полмиллиона долларов, а получить на аукционе два или даже три миллиона. Это вам подходит?

— Великолепно! — воскликнул репортер и что-то быстро зацарапал в своем блокноте. — Может быть, у вас есть еще что-нибудь для меня в таком же духе, мистер Картер?

— Да. Пойдемте со мной, — раздраженно проворчал Картер. — Вот царский трон, который не купишь за все золото мира.

— Неужели? — удивился газетчик. — Немножко золотых пластинок на кресле стоят так дорого?

— Где ваши глаза, сэр! — возмутился Картер. — Посмотрите на эти подлокотники. Они представляют собой коронованных змееподобных богинь-хранительниц, которые своими крыльями осеняют имена фараона. А головы львов из чеканного золота, разве это не непревзойденное произведение искусства?

— Из чеканного золота? Потрясающе! Это понравится нашим читателям, — бормотал репортер. Потом он показал на спинку трона: — И эти фигуры тоже...

— Да, черт возьми, тоже из золота! И я не знаю лучшего изображения царственных супругов во всем искусстве последних тысячелетий. Слева сидит в непринужденной позе сам фараон Тутанхамон, прекрасный, как молодой бог. Перед ним стоит

его супруга — царица Анхесенамон, умащивая его плечо. — Картер говорил так, как будто хотел передать слепому свое впечатление от мастерства древних художников. — Как изумительно жизненно передано движение руки. Юная царица почтительно и робко касается плеча своего божественного супруга. В другой руке она держит чашу с благовониями. А над ними — божественное солнце. Его дающие жизнь руки-лучи как бы освещают царственную чету. Посмотрите, лица обоих покрыты красной эмалью, словно они разгорелись. Головное украшение лазоревой фаянсовой работы. Обратите внимание на серебристый блеск одежды, вставки из цветного стекла и сердолика в орнаментах. Как ослепительно выглядел этот трон, когда из мастерской художника его несли во дворец.

Картер видел, что репортер что-то прилежно записывает, и это примирило его с ним.

— Не забудьте сообщить, что этот трон и украшающие его изображения дают нам представление о политических и религиозных спорах во времена правления Тутанхамона. На нем встречаются оба имени царя — Тутанхатон и Тутанхамон. Атон, диск солнца, был единственный бог, которого почитал царь-еретик Эхнатон. Следовательно, вполне возможно, что молодой фараон все еще был последователем культа солнца, когда трон был изготовлен.

— Очень интересно, — пробормотал репортер и поднял глаза от блокнота. — И вы говорите, что кресло бесценно? Думаю, все-таки должна быть какая-то продажная цена.

— Я уже говорил вам, что ее не существует. Трон нашли здесь, и, следовательно, он принадлежит, как и все остальные вещи, Каирскому музею.

— Да, но нашли-то его вы, а лорд Карнарвон финансировал раскопки.

— Мы не кладоискатели, сэр, а археологи, которые работают на благо науки.

Репортер задумчиво качал головой:

— Этого я никогда не пойму. Никакой награды за столько лет труда.

— Моя награда больше, чем вы думаете, — улыбнулся Картер. — Я люблю искусство. А такого великолепия, какое передо мной предстало, никому еще не привелось увидеть. И возможно, это еще не все.

Газетчик опять схватился за блокнот:

— Вы надеетесь найти еще драгоценности?

Его прыгающий карандаш нервировал Картера.

— Я не рассчитываю на золотые сокровища, о которых вы, возможно, думаете. Их уже вынес Менафт. И все-таки, может быть, вид некоторых произведений искусства доставит мне радость.

Репортер сердито прищурился и откланялся. Выйдя на улицу и постукивая карандашом по губам, он завел разговор с самим собой: «Должен ли я ему верить? Невероятно, чтобы такой умный человек столько лет копался в земле ради парочки древностей. Надо думать, он нашел что-то такое, о чем не хочет говорить. Да, да. Так и есть — он валит все на этого проклятого Менафта. И тот определенно не покойник. Сидит где-нибудь и радуется, что Картер помогает ему дурачить весь мир».

Еще несколько минут, и замурованный вход в погребальный покой будет пробит. Приглашенные уселись на заранее приготовленные кресла. Шум передвигаемых кресел, покашливание, шарканье ног — так бывает в классе перед началом урока.

Перед опечатанной стеной, за которой скрывалось неизвестное еще помещение, воздвигли похожий на лестницу помост. Вошел Картер, сопровождаемый Коллендером и Мейсом. Наступила тишина. Лорд Карнарвон встал. Он хотел почтить своих верных сотрудников. Но надежда лорда на то, что прочие гости последуют его примеру, не оправдалась.

Седобородый мужчина в очках с золотой оправой наклонился к соседу:

— Спектакль великолепен. Картер знает, как повисить напряжение в зале. Я чувствую себя как театрал на премьере.

Его собеседник с орденом на груди затрясся от смеха.

— Будем надеяться, что премьера не провалится! Никто не знает, какое разочарование ждет нас, когда рухнет стена.

— Ну, я всегда готов к наихудшему, ваше превосходительство, но вся эта помпа ни к чему. Добряк Картер, кажется, надеется по крайней мере на нетронутый саркофаг. А его уже больше нет. Это подтвердит любой серьезный египтолог.

Человек с орденом вяло поднял руку, как будто хотел выразить свое согласие и попросить тишины.

Говард Картер схватил молот. Он обменялся быстрым взглядом со своими помощниками, который означал примерно

«Молитесь за удачу», и с силой ударил по стене. Полетела штукатурка. Гости в передних рядах испуганно зажмурились, некоторые откинули голову.

Мейс наклонился к Коллендеру и прошептал:

— Если Менафт хозяйничал в погребальном покое, как в этой комнате, душа его вечно будет жариться в аду для осквернителей могил.

— А мне жаль, что я не держу его за шиворот. Если он там все разрушил, я мигом свернул бы ему шею.

Мейс сжал губы. Первый камень с грохотом упал. Стена подалась. Картер позвал помощников. Существовала опасность, что следующие камни упадут внутрь погребального покоя. Кладку нужно было разбирать с величайшей осторожностью, камень за камнем. Каждый раз, когда Картер ударял молотом, раздавался звук, напоминающий треск ломающихся костей.

Проходили минуты... Куча щебня на полу медленно росла.

Седобородый зритель преувеличенно громко зевнул.

— Я прошу не мешать мистеру Картеру,— прошептал лорд Карнарвон возмущенно.

Старик иронически улыбнулся и сделал небрежный жест рукой, который должен был означать: к чему такое волнение?

Удары молота зазвучали сильнее. Коллендер и Мейс поднялись выше к Картеру, помогая ему аккуратно вынуть из стены тяжелый обломок. Не успели они опустить груз, как услышали тихий возглас и почти одновременно поднимали головы. Картер, слегка наклонившись вперед, напряженно вглядывался во что-то, что находилось за пробитой им брешью. Потом он подтянул к себе шнур лампы и посветил внутрь. На его лицо упал отблеск золота.

Присутствующие вскочили. Раздались крики удивления. Узкая полоска стены из золота сияла им в лицо!

Лорд Карнарвон бросился вперед:

— Что это? Картер! Что значит эта стена?

Картер медленно повернулся к нему. Его лицо выражало необычайное волнение. Он хотел ответить, пытался найти слова, но голос изменил ему.

Гости окружили помост, кричали, жестикулировали. Каждый хотел узнать, что означала золотая стена. Мейс и Коллендер вскарабкались наверх. При виде золотого чуда у них перехватило дыхание.

Картер быстрее стал бить по стене. Рабочие-египтяне начали лопатами ссыпать щебень в корзины. Они делали это так осторожно, словно укладывали бесценные древности. Золотая стена вырастала на глазах у публики. Казалось, она заполняла все

помещение. Седобородый ученый вскочил на свое кресло, взволнованно поправляя очки и бормотал:

— Подобного чуда не видел еще ни один человек. Что это может быть? Дверь? Да, да, несомненно, дверь... Хм, возможно, даже вход в усыпальницу.

Он смотрел на присутствующих, как будто бы хотел услышать от них подтверждение своего мнения.

Но никто не интересовался его бормотанием. Каждый был поглощен собственными предположениями.

Правительственный чиновник с темным лицом египтянина благоговейно смотрел на золотую стену. Пальцы его беспрерывно крутили форменную пуговицу...

Два господина в парадных черных сюртуках столкнулись друг с другом, пытаясь вскочить на одно и то же кресло. Оба от волнения забыли извиниться, потому что как раз в этот момент упал последний камень и показалась боковая часть загадочной золотой стены. Она была покрыта светящейся голубой глазурью и в сочетании с золотым блеском стены представляла волшебное зрелище.

Шепот пошел по помещению. Кто-то сказал громко:

— Боже, да это райские врата!

Феллахи, убиравшие щебень, открыли рты от изумления. Один из них закрыл лицо руками и склонил голову. Его сосед прошептал:

— На мне милость всемогущего, раз я увидел такое чудо!

Снова посыпались штукатурка и камни. Феллахи испуганно вздрогнули и опять начали уборку.

Теперь Мейс, Коллендер и Картер словно по уговору остановились. Взгляды их встретились. Картер, с трудом отыскивая слова, выдал:

— Я верю, мы думали именно это...

Мейс молча кивнул. Коллендер перевел дух.

— Да, я тоже думаю, что это передняя стена погребального ковчега. В нем мы найдем саркофаг.

Лорд Карнарвон пробрался вперед, протягивая Картеру руку.

— Я поздравляю вас, Картер! Вы открыли новое чудо света. Люди тысячи лет не видели такого великолепия.

Последние остатки стены с грохотом рухнули. Мейс хотел шагнуть вперед, но Картер задержал его. На самом пороге усыпальницы один из грабителей рассыпал цветные стеклянные бусы.

— Это дело рук Менафта,— прошептал Картер гневно. Потом он нагнулся и стал собирать бусину за бусиной.

Зрители стали беспокоиться. Седобородый старец нервно поправлял очки.

— Что это значит, — ворчал он злобно... — Это беспрецедентная бесцеремонность. Мы хотим осмотреть усыпальницу, а Картер собирает бусины. Сколько нам еще ждать?

Наконец Картер поднялся и потребовал лампы. Шнур развернулся. Ученый уже собирался войти в погребальный покой, но быстро повернулся, словно что-то забыл.

— Я прошу лорда Карнарвона сопровождать меня, — сказал он так громко, что это могли слышать все. — Ему первому принадлежит честь осмотреть усыпальницу фараона.

Помогая лорду спуститься в погребальный покой, Картер прошептал:

— Если вы умеете молиться, делайте это теперь, потому что я очень боюсь, что грабители не остановились перед этим скалочным погребальным ковчегом.

— Вы думаете, он взломан?

Картер пожал плечами и прошептал нечто невразумительное. Перед ним возвышалась боковая стена огромного ковчега. Концы его были покрыты магическими символами, которые должны были охранять мертвого фараона от злых духов. Картер медленно обходил ковчег и не находил слов, чтобы выразить свои чувства. Это чудо из покрытого золотом дерева возвышалось на три метра от земли и заполняло почти все помещение, которое имело примерно пять метров длины и три метра ширины. По проходам между ковчегом и окружающей скалой лежала и стояла различная погребальная утварь, через которую Картер осторожно переступал. Из передней комнаты, словно далекий шум прибоя, слышались возбужденные голоса гостей. А здесь в погребальной камере сиял и переливался золотой шедевр, созданный тысячелетия назад величайшим мастером.

Лорд Карнарвон остановился. Взгляд его с благоговейным восхищением скользил по скульптурам и магическим знакам, по сияющим голубым фаянсовым вставкам, по огромной боковой стене ковчега. За десятилетия, пока велись поиски гробниц, он истратил целое состояние. Некоторые находки его ошастливили, некоторые — разочаровали. Но то чудо, которое он сейчас видел, тысячекратно вознаградило лорда за все его заботы, испытания и неприятности. Даже в сновидениях, которые по ночам преследовали его, он не видел ничего подобного. Да, Карнарвон имел приблизительное представление о том, как должен выглядеть подобный ковчег, потому что древние египтяне изображали

их на своих памятниках. Но теперь он стоял лицом к лицу с таким ковчегом, мог коснуться его и убедиться, что это не сон.

Картер потянул шнур лампы дальше. Он обогнул угол, перед ним открылась восточная стена ковчега. Его сердце забилося. Он увидел мощные створки дверей, и его дыхание стало прерывистым. В скобы по обе стороны створок был вставлен засов.

Слава богу! Ковчег не был вскрыт. Нет, был! На земле валялась разбитая печать!

Это было дело рук Менафта!

Погребальный ковчег скрывал лишь очередной ограбленный саркофаг.

Как оглушенный, Картер не сводил глаз с печати на полу. Итак, он лишился желанной награды. Жажда золота победила страх грабителей перед священным местом упокоения фараона. И ковчег не хранил никаких тайн. Внутри мог стоять лишь взломанный каменный саркофаг и в нем, возможно, поврежденная мумия.

Картер положил лампу и, не питая никаких надежд, вытащил засов из скоб. Дверцы раскрылись так легко, словно они были закрыты только вчера.

Лорд Карнарвон затаив дыхание наклонился вперед и застонал. Перед его глазами возникло новое чудо — двери второго позолоченного ковчега.

И эти двери были заперты!

На металлических скобах висели завязанные узлом печати Города мертвых и печать Тутанхамона!

Льняной покров ковчега, усеянный золотыми розетками, напоминал сверкающее звездами небо. Перед дверью, прямо на земле стояли два сосуда из алебаstra.

Глаза Картера блеснули от слез. Его голос дрожал:

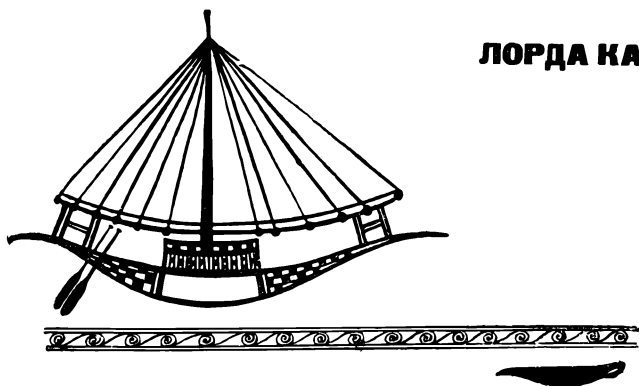
— Мы нашли нетронутый саркофаг.

Больше он ничего не мог сказать.

Лорд тыльной стороной руки вытер лоб.

— Не могу поверить, что мне посчастливилось пережить столько необычайного! — воскликнул он.

СМЕРТЬ ЛОРДА КАРНАРВОНА

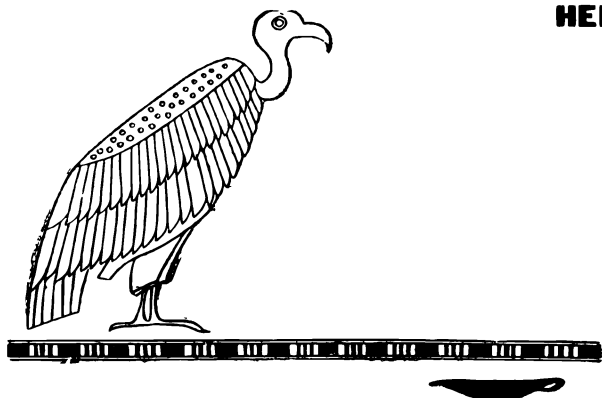

Телеграмма выпала из рук Картера. Глаза его смотрели в пустоту: он никак не мог осознать прочитанного. Лорд Карнарвон умер.

Заражение крови после укуса москита. Три недели мучительных страданий — потом конец.

Как неумолима судьба! Уйти из жизни накануне величайшего триумфа, который когда-либо выпадал на долю исследователя! В прошлую зиму, после того как были найдены третий и четвертый золотые ковчеги, лорд безмолвно стоял перед засыпанным до будущего сезона входом в гробницу, скрестив руки, как человек, навсегда прощающийся с любимым другом.

Мог ли он знать тогда, что жизнь его угаснет так скоро?

Полный негодования, Картер скомкал письмо египетских властей. Споры о передаче леди Карнарвон прав на раскопки были бесконечными. Работы в гробнице Тутанхамона приостановились на полтора года. Казалось, смерть Карнарвона объединила завистников Картера в хор воющих шакалов. В чем только его не обвиняли! В том, что медленно двигались работы; в том, что он не допускал туристов к месту раскопок, в нелюбезности с представителями прессы и тому подобных глупостях.

В действительности он действовал как добросовестный археолог, который прекрасно понимал, что каждый, даже самый незначительный обнаруженный им предмет может оказаться важным связующим звеном в истории древности. И множество посетителей, которых посылали к нему чиновники в Каире, никак не облегчали его работу. Эти мучения в конце концов ему опротивели. В знак протеста он и его сотрудники прекратили дальнейшее изучение гробницы.

Гневно смотрел Картер на брошенное им письмо. Теперь ему самому запретили доступ в гробницу Тутанхамона.

Такова благодарность! Неповторимые ценности заполнили Каирский музей. Бесценными сокровищами обогатил он его благодаря своему открытию. А теперь ему нельзя даже подойти к месту, где он проводил свои исследования!

В комнату проскользнул Ахмед Гургар. Он был крайне огорчен.

— Господин, я принес тебе еще одно плохое известие. Сегодня с утра сотни туристов атакуют нашу гробницу. Они нагрянули, как саранча. И самое скверное — у всех есть официальное разрешение. Пусть аллах проклянет этих лицемерных лгунов в Каире, которые доставляют тебе так много неприятностей.

— Что я могу поделать, Ахмед, — вздохнул Картер. — Бывает, что у власти стоят болтуны. Они сулят народу царствие небесное, а на деле готовят ему ад!

— Вы правы, господин! Я сам попал в такой ад, когда служил солдатом во время войны. А где теперь болтуны тех времен? Несомненно, они прокляты и в аду, и я скажу тебе, аллах накажет тех, кто огорчает тебя. Они исчезнут, как песок, носимый ветром в пустыне.

В раздумье стоял Картер перед огромным саркофагом. Великие мастера высекли его из монолитного блока благородного желтого кварцита с помощью бронзовых инструментов. Он имел полтора метра в высоту, столько же в ширину и около трех метров в длину. Массивная крышка, казалось, на веки веков хранила покой фараона. И все же здесь уже стоял кран, готовый поднять ее.

Как хотелось, чтобы теперь, когда последняя тайна гробницы будет раскрыта, среди зрителей стоял его самоотверженный друг и помощник — лорд Карнарвон. Невозможно поверить, что его нет в живых. Но в этом были виновны не только москиты, но и пережитое нервное напряжение. Оно подорвало его здоровье, сделало организм беззащитным против яда. А где были теперь все завистники и крикуны? Унесены ветром. Пророчество Ахмеда Гургара исполнилось. Новые власти в Каире проявили большее понимание и оказали поддержку археологу.

И вот он снова стоит перед саркофагом с тем же самым чувством, как и в час своего открытия. Это было незабываемое мгновение. После снятия печати с двери четвертого позолоченного ковчега все увидели саркофаг. Желтый кварцит сверкал и переливался золотом. По углам были скульптуры четырех богинь-хранительниц, которые своими распростертыми крыльями заключали саркофаг в объятия, будто хотели защитить мертвого фараона, уберечь его от посягательств живых.

Сколько времени работали ваятели над саркофагом? Месяцы? Годы? Что получили они в награду? Как их звали?

Роспись на стенах погребального покоя ничего об этом не говорила. На одной стороне был изображен правящий фараон Эйе в жреческом одеянии из леопардовой шкуры. Он воздавал торжественные почести своему предшественнику Тутанхамону, который воплотился после смерти в бога Осириса. На северной стене можно было увидеть самого Тутанхамона, стоящего перед богиней неба Нут. На западном углу и на южной стене Тутанхамон, сопровождаемый своим духом-двойником Ка, обнимал Осириса, властителя подземного мира. По бокам стояли Исида и Анубис — страж мертвых. Имен художников не было. Великие мастера, создатели четырех золотых ковчегов, необыкновенно прекрасной погребальной утвари и саркофага были, видно, для могущественных владык столь же ничтожными, как и армия рабов-ремесленников, соорудивших гробницу. Лишь фараоны, верховные жрецы и сановники высших рангов смогут получить после смерти благодатную вторую жизнь на том свете.

Заскрипела лебедка. Сам того не заметив, Картер подал знак к подъему крышки саркофага. Двенадцать центнеров камня повисли в воздухе.

Гости — ученые и представители правительства — проталкивались вперед. Они надеялись увидеть новое чудо. Но тут их постигло разочарование. Льняные полотнища покрывали какой-то бесформенный предмет. Что это было? Саркофаг с мумией?

Был ли это такой же гроб из грубо обработанного и расписанного дерева, какой находили в погребениях многих чиновников и жрецов? Нет, этого не может быть! Роскошный кварцитовый саркофаг мог принадлежать только очень знатному лицу.

Сняли первый льняной покров, за ним — второй и, наконец, осторожно третий.

Молодой золотой бог покоился на своем каменном ложе, сияя своей красотой!

Осирис-Тутанхамон!

Неподвижное лицо из массивного золота застыло. Казалось, он и в жизни был таким же, как здесь, в саркофаге. Изображение на лбу Осириса — коршун и змея — провозглашали власть господина над обоими царствами — Верхним и Нижним Египтом.

Скращенные на груди золотые руки держали бич и скипетр — символы божества.

Глаза из обсидиана и алебаstra пристально смотрели; по-

лукружья бровей из стекла цвета лапис-лазури были высоко подняты, словно выражали спокойное удивление.

Что, однако, больше всего растрогало Картера — это маленький венок из цветов, лежавший вокруг царского знака на лбу. Положила ли его сюда юная вдова Анхесенамон, когда прощалась с мертвым супругом? Или это был верный друг или слуга?

На гробе из позолоченного дуба была надпись:

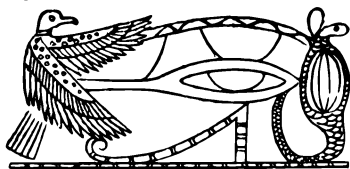
«О мать Нут! Осени меня твоими крылами, как бессмертными звездами!»

Потрясенный Картер отвернулся. Тщетен был этот трогательный зов к богине неба Нут. Скоро этот гроб будет вскрыт и отправится в музей, где на него будут глазеть толпы любопытных.

Лампа погасла. Свидетели осквернения гробницы на цыпочках вышли из усыпальницы. Даже шепота не было слышно.

А снаружи над головой раскрылся сверкающий свод синего египетского неба точно такой же, как и в древности, когда процессия жрецов, высокопоставленных сановников и принцев шла за саркофагом фараона Тутанхамона.

Три тысячи триста лет назад? Нет, казалось, это было только сейчас.

В чем дело? Почему трос натянулся так, как будто поднимали не позолоченный деревянный гроб, а каменный?

Картер еще раз проверил натяжение троса. Еще в прошлом году, до вскрытия первого гроба, археолога поразила его невероятная тяжесть. Но потом загадка оказалась разгаданной. В одном гробу был заключен другой такой же — изумительное произведение искусства. Но никому не верилось, что в нем может лежать еще один. Ведь наружный гроб был чуть больше роста среднего человека. Не мог же фараон быть карликом? Рисунки на стенах изображали Тутанхамона молодым мужчиной среднего роста.

Медленно опустился саркофаг на подготовленный помост. Золотой лик фараона строго и безучастно смотрел в потолок.

Трясущимися от волнения руками Картер и его помощники ввинтили в боковины гроба прочные металлические штифты, зацепили их петлями и подняли крышку.

Под красноватым полотном вырисовывались очертания третьей фигуры Осириса-Тутанхамона. Лишь золотой чеканный лик его был непокрыт. Еще более юными были черты лица, еще более человеческими, чем на предыдущих гробах. Золото сияло так, как будто оно только вчера было отполировано. Какими инструментами создавали мастера такие совершенные прекрасные маски? Чем полировали?

Нашли бы мы сейчас в XX веке, гордящемся своими самолетами, радиостанциями и другими чудесами техники, хоть одного златокузнеца, который сумел бы сделать подобное из

куска золота. Этот юношеский лик с выражением возвышенного достоинства был трогательно прекрасен.

Картер не мог вымолвить ни слова. Любой звук нарушил бы торжественную тишину момента. Он подал лишь знак Бертону подойти с фотоаппаратом и указал ему на чудесное ожерелье из бус и цветов.

Бертон кивнул. Он был так взволнован при виде этого изваянного из золота юношеского лица, что тоже не смог ничего сказать.

Теперь Картер мог, наконец, снять покров. Он нерешительно протянул руку, заколебался — и опустил ее. Ему вдруг стало тяжело, вот так просто стянуть полотно с тела фараона. Не будет ли это новым осквернением покойного?

И все же он должен это сделать. Наука хотела, наконец, узнать, как погребали фараонов в древнем Египте. Он, Картер, оказался тем избранником, которому было дано счастье вскрыть погребальный ковчег. Второй, третий и четвертый... И теперь он уже не мог отступить. Да и не хотел.

Слишком великолепны были предшествующие чудеса. Теперь он должен был увидеть последнее.

Его пальцы сомкнулись на полотне и осторожно потянули его.

Глаза ученого широко раскрылись от восхищения.

Перед ним во всем своем неземном великолепии лежал бог из чистого золота!

На лице не было отдельной маски. Все тело было выковано из одного куска золота и украшено гравированным узором, воспроизводящим птичьи перья. Ноги обвивали крылатые фигуры богинь.

Какое искусство!

Можно ли найти слова, чтобы передать подобную красоту?

Казалось, само время затаило дыхание.

Тихий шепот вывел Картера из оцепенения. Он отвел глаза от золотого фараона и увидел перед собой коричневые лица египетских рабочих, ждавших его распоряжений.

Восемь мужчин согнулись под бременем золотого гроба.

Не было ли среди них хотя бы одного, кого звали Менафт?

Картер вытер лицо рукой.

И существовал ли вообще этот Менафт?

Или у него было другое имя?

Этого не узнает никто и никогда.

**СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ
И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ ***

- АБИДОС** — древнеегипетский город в Верхнем Египте.
- АБУКИР** — египетская гавань в 20 км северо-западнее Александрии, где в 1798 г. произошла морская битва, во время которой адмирал Нельсон разбил флот Наполеона.
- АВГУСТ** — Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — первый римский император. Правил с 27 г. до н. э. до 14 г. н. э.
- АВЕСТА** — собрание религиозных текстов древних иранцев (составлено в период примерно от 9 до 5 в. до н. э.).
- АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ** (Македонский) (356—323 гг. до н. э.) — македонский царь, завоевавший земли в Азии и Северной Африке. Основал в Египте г. Александрию.
- АМЕНХОТЕП I** — египетский фараон 18-й династии, царствовал в 1526—1507 гг. до н. э.
- АМЕНХОТЕП II** — египетский фараон 18-й династии, царствовал в 1438—1412 гг. до н. э.
- АМЕНХОТЕП IV** — см. Эхнатон.
- АМОН** — египетский бог. Первоначально был богом города Фив, начиная с 18-й династии (16 — середина 14 в. до н. э.) стал верховным богом Египта. Изображался в виде человека в короне с двумя высокими перьями.
- АНУБИС** — египетский бог, страж мертвых. Изображался в виде человека с головой шакала или как лежащий шакал.
- АНХЕСЕНАМОН** (2-я пол. 14 в. до н. э., 1330—1324 гг. до н. э.) — жена египетского фараона Тутанхамона, третья дочь Эхнатона.
- АСУАН** — город в южном Египте, у Первого порога Нила, богатый древнеегипетскими памятниками.
- АТОН** («солнечный диск») — Солнце, которое «царь-еретик» Эхнатон провозгласил единственным истинным богом.
- АХЕТАТОН** («Горизонт Солнца») — столица Египта при фараоне Эхнатоне, в 400 км южнее Каира.
- БЕЛЬЦОНИ, Джованни Баттиста** (1778—1823) — итальянский археолог-авантюрист, пионер археологических раскопок в Египте.
- БИБАН-ЭЛЬ-МОЛУК** — см. Долина царей.
- БУРБОНЫ** — французская королевская династия, свергнутая во время Великой французской буржуазной революции народным восстанием (в августе 1792 г.) и после свержения Наполеона восстановленная на троне (1814—1830).
- ВАТЕРЛОО** — местность в 20 км от Брюсселя в Бельгии, где 18 июня 1815 г. был разбит Наполеон.
- ГАРУН-АЛЬ-РАШИД** — багдадский халиф в 786—809 гг., особенно известен по сборнику сказок «Тысяча и одна ночь».
- ГЕЛИОПОЛЬ** — древнеегипетский город в Нижнем Египте, центр почитания бога Ра.
- ГЕРОДОТ** (ок. 484—424 гг. до н. э.) — греческий историк, «отец истории», описал много земель, в том числе и Египет.
- ГИЗА** — местность в предместье Каира с многочисленными пирамидами Хеопса, Хефрена, Менкаура и др.).
- ХОП** — египетский бог солнца, сын Осириса. Изображался в образе сокола или мужчины с головой сокола.
- ГОРАПОЛЛОН** (1-я пол. 4 в.) — автор трактата «Иероглифика» о древнеегипетских иероглифах, родился в Египте, жил в Константинополе. (Ошибочно утверждал, что все знаки древнеегипетского письма являются носителями смысла.)
- ДЕМОТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО** — древнеегипетское курсивное письмо, пришедшее в позднюю эпоху на смену иероглифам и иератическому письму. Происходит от слова «демос» (греч. — народ).
- ДЕНОН, Доминик Виван** (1747—1825) — французский дипломат и художник. Участник похода Наполеона в Египет. Свои впечатления изложил в книге «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту» (1802).
- ДЕСЕКС, Луи** (1768—1800) — французский генерал, участник египетского похода Наполеона.

* Даты правления фараонов даны по В. Хельку.

- ДЕЙР-ЭЛЬ-БАХРИ** — так сегодня называют местность на западном берегу Нила близ древнеегипетских заупокойных храмов и фиванского некрополя.
- ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ** (2-я пол. 1 в. до н. э. — конец 1 в. н. э.) — греческий историк, автор «Исторической библиотеки».
- ДОЛИНА ЦАРЕЙ** (арабск. Бибан-эль-Молук) — древнеегипетский царский некрополь, расположенный на западном берегу Нила против Карнака и Луксора.
- ЦОЕГА, Георг** (1755—1809) — датский археолог; в 1797 г. составил сочинение о египетских обелисках и др. памятниках.
- ИСИДА** — египетская богиня, сестра и жена бога Осириса, мать бога Хора.
- ИЕРАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО** — древнеегипетское письмо, развившееся из иероглифических знаков. В переводе с греческого означает «Жреческое письмо». Его называли так потому, что в грекоримское время это письмо использовали жрецы при записях в храмовых книгах.
- ИЕРОГЛИФЫ** — древнеегипетское письмо. Название происходит от греческих слов «хиерос», то есть «священный», «жреческий», и «глифо», то есть «врезать». Этими знаками вырезали надписи на стенах храмов и на стелах.
- ИНЕНИ** (2-я пол. 16 в. до н. э.) — известный зодчий Нового царства, строитель гробницы царя Тутмоса I в Долине царей.
- ЯХ** — египетский бог луны, а также обозначение самой луны.
- КАРНАК** — современная деревня на месте древнеегипетских Фив с остатками гигантских храмов.
- КАРНАРВОН, Джорж Эдвард** (1866—1923) — английский лорд, в течение десяти лет финансировавший археологические раскопки Говарда Картера.
- МАМЕЛЮКИ** (арабск. — невольники) — турецкие воины-рабы в Египте, составлявшие гвардию последних султанов египетской династии Эйюбидов. Самостоятельно правили в Египте с 1250 до 1517 г.
- МАСПЕРО, Гастон** (1846—1916) — крупнейший французский египтолог, долго занимавший пост директора Египетского музея в Каире.
- МАСТАБА** — гробницы древнеегипетской знати. В переводе с арабского — «каменная скамья».
- МЕНЕС (Мина)** — полубогендарный правитель первой династии египетских фараонов, правивший около 2900 г. до н. э.
- МЕРНЕПАХ** — египетский фараон 19-й династии, царствовал в 1223—1203 гг. до н. э.
- МИКЕРИН (Менкаура)** — египетский царь 4-й династии, строитель одной из пирамид в Гизе, царствовал в 26 в. до н. э.
- МУРАД-БЕЙ** — вождь мамелюков. В 1789 г. был разбит Наполеоном.
- МУХАММЕД-АЛИ** (1769—1849) — правитель Египта с 1805 до 1849 г. Во время наполеоновского похода на Египет воевал против Наполеона.
- НАПОЛЕОН I Бонапарт** (1769—1821) — французский император с 1804 до 1815 г. Как генерал французской республики в 1798—1799 гг. возглавил поход на Египет, который закончился катастрофой французской армии. В 1799 г. тайно покинул Египет.
- НЕХБЕТ** — богиня Верхнего Египта, изображалась в виде коршуна.
- НЕИТ** — египетская богиня неба и богиня-воительница. Изображалась в короне царей Нижнего Египта.
- НЕЛЬСОН, Горацио** (1758—1805) — английский адмирал, разгромивший наполеоновский флот в битве при Абукире (1798).
- НУТ** — египетская богиня неба.
- ОКЕРБЛАДТ, Иохан Давид** (1763—1819) — шведский дипломат, археолог и востоковед.
- ОСИРИС** — египетский бог воскресающей растительности и владыня подземного царства, отец Хора. Изображался в высокой короне, со скипетром и плетью.
- ПЕТРИ, Флиндерс, сэр** (1853—1942) — крупнейший английский археолог, сделавший важные открытия в Египте.
- ПРЕФЕКТ** — представитель департамента, глава административного округа во Франции.
- ПТАХ** — египетский бог, сотворивший богов и людей. Изображался с посохом.
- ПТОЛЕМЕЙ ЭПИФАН** — египетский царь из династии Птолемеев. Правил с 203—181 гг. до н. э.

- РА** — главный древнеегипетский бог солнца. Позднее с культом Ра слился фиванский культ Амона и бог стал носить имя «Амон-Ра».
- РАМСЕС II (великий)** — египетский фараон 19-й династии, правил в 1290—1223 гг. до н. э. В это время Египет снова достиг политического и экономического расцвета. При нем строилось много памятников в Дельте, в Фивах и в Абу-Симбеле.
- РАМСЕС III** — египетский фараон 20-й династии. Царствовал в 1187—1156/7 гг. до н. э.
- РАМСЕС VI** — египетский фараон 20-й династии. Царствовал в 1148—1142 гг. до н. э.
- РАМСЕС IX** — египетский фараон 20-й династии. Царствовал в 1134—1115 гг. до н. э.
- РОЗЕТТА** — местность в дельте Нила (Ар-Рашид), где была найдена «трехъязычная» надпись, содержащая один и тот же текст, написанный иероглификой, демотическим письмом и греческими буквами.
- САККАРА** — местность на юге от Каира (к Западу от древнего Мемфиса), где находятся древнейшие египетские погребения, большие пирамиды 4-й династии и многочисленные некрополи.
- САСИ, Антонин Исаак Сильвестр, де (1758—1838)** — французский востоковед.
- СМЕНХКАРА** — египетский фараон 18-й династии, предшественник фараона Тутанхамона, царствовал в 1346—1343 гг. до н. э.
- СЕТИ I** — египетский фараон 19-й династии, предшественник Рамсеса II. Царствовал в 1305—1290 гг. до н. э.
- СЕТИ II** — последний фараон 19-й династии, царствовал в 1200—1195 гг. до н. э.
- СТРАБОН (63 г. до н. э.—ок. 20 г. н. э.)** — греческий путешественник, географ и историк.
- ЭЛЬ-АМАРНА** — ныне местность в среднем Египте, где располагалась столица фараона Эхнатона — Ахетатон.
- ТУТМОС II** — египетский фараон 18-й династии, царствовал в 1497—1490 гг. до н. э.
- ТУТМОС III** — египетский фараон 18-й династии, царствовал в 1490—1436 гг. до н. э. Уничтожил все изображения и статуи правившей до него царицы Хатшепсут.
- ТУТМОС IV** — египетский фараон 18-й династии, царствовал в 1412—1403 гг. до н. э.
- ТУТАНХАМОН (в старой транскрипции Тут-анх-Амон)** — египетский фараон 18-й династии. Царствовал ок. 1343—1333 гг. до н. э. Вступил на трон в девятилетнем возрасте.
- ФЕЛЛАХ** — крестьянин в арабских землях.
- ФИВЫ** — главный город Египта со времен Среднего и Нового царства (1580—1070 гг. до н. э.).
- ФУРЬЕ, Жан Батист (1768—1830)** — французский физик и математик, собиратель древнеегипетских памятников.
- ХАКИМ** — арабское наименование врача, принятое в Египте.
- ХАТШЕПСУТ** — египетская царица 18-й династии. Царствовала совместно с Тутмосом III в 1525—1503 гг. до н. э. Была погребена в скалах храма Дейр-эль-Бахри.
- ХЕФРЕН (Хафра)** — египетский фараон 4-й династии, соорудивший вторую гигантскую пирамиду в Гизе. Царствовал в 26 в. до н. э.
- ХОРЕМХЕБ** — египетский фараон, последний царь 18-й династии. Царствовал в 1328—1306 гг. до н. э.
- ЦИЦЕРОН, Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.)** — римский оратор и философ.
- ЭИЕ** — египетский фараон, преемник Тутанхамона. Царствовал в 1332—1328 гг. до н. э.
- ЭХНАТОН (Аменхотеп IV)** — египетский фараон 18-й династии, религиозный реформатор. Царствовал в 1364—1347 гг. до н. э.
- ЮНГ, Томас (1773—1829)** — английский врач и физик. Предшественник Шампольона. Приблизился к расшифровке египетских иероглифов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГРАБИТЕЛЕЙ МОГИЛ ЗА ТРИ ТЫСЯЧИ ТРИСТА ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА НА НИЛЕ

Армия Наполеона идет через пустыню	63
Гренадер Андре Симон находит черный камень	71
Жан-Франсуа Шампольон расшифровывает иероглифы	76
Бельзони — искатель приключений, исследователь и грабитель могил	84
Лепсиус реконструирует прошлое	93
Грабители и ученые соперничают в поисках новых гробниц фараонов	97
Кем был Тутанхамон?	102

ГОВАРД КАРТЕР ИЩЕТ ГРОБНИЦУ ФАРАОНОВ

Лорд Карнарвон ошеломлен	107
Первая находка	113
Странные камни	116
Сон Ахмеда	119
Раскопки продолжаются	122
Абделад хочет стать мошенником	125
Странное желание леди Карнарвон	128
Тайник в земле	132
Решение принимается в Англии	137
Первый скромный успех	140
Потомки строителей пирамид бунтуют	141
Фельдфебель принимает решительные меры	144
Дорога в загробный мир	147
Печать Города мертвых	154
Сто ослов, груженных золотом	160
Леди Карнарвон не хочет ждать	162
Грабители в царской гробнице!	165
Ворота к тайне всех тайн	168
Фантастические слухи	174
Золотая стена	183
Смерть лорда Карнарвона	188
Неприятности	189
Осирис-Тутанхамон	191
Тайна Менафта	194
Словарь географических названий, исторических лиц и мифологических имен, упоминаемых в книге	196

Брукнер Карл

ЗОЛОТОЙ ФАРАОН. Перевод с немецкого
Н. А. Долдобановой и Ю. О. Бема И (нем.)
200 стр., с илл.

Редактор **С. Митрохина.** Художественный
редактор **Г. Позин.** Технический редактор
В. Лубкова.

Подписано к печати 14/III 1967 г. Бум. 60×
×90^{1/16}. Печ. л. 12,5 (12,5). Уч.-изд. л. 11,5.
Тираж 65 000 экз. Заказ 1699. Цена 75 коп.,
в коленикоре с суперобложкой 81 коп. Т. П.
1966 г., № 228.

Набрано и сматрицировано в Ордена Трудо-
вого Красного знамени Первой Образцовой
типографии имени А. А. Жданова Главпо-
лиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров СССР. Москва, Ж-54, Воровая.
28. Зак. 930.

Отпечатано в типографии изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Москва, А-30, Суще-
вская, 21.

75 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

КАРА ВРУКНЕР ЗОМОТОНІ ПАРАДОН